-
- Церковная история
  - Книга 1
    - Глава 1
      - Цель истории
    - Глава 2
      - Откуда началась ересь ариан
    - Глава 3
      - Перечисление главных епископов
    - Глава 4
      - Послание Александра, епископа Александрийского, к Александру, епископу Константинопольскому
    - Глава 5
      - Письмо Ария к Евсевию, епископу Никомидийскому
    - Глава 6
      - Письмо Евсевия, епископа никомидийского, к Павлину, епископу тирскому
    - Глава 7
      - О деяниях великого Никейского собора
    - Глава 8
      - Обличение Ариан из сочинений Евстафия и Афанасия
    - Глава 9
      - О делах Мелетия, от которого и доныне остались раскольники мелетиане, также соборное о нем послание
    - Глава 10
      - Послание царя Константина к епископам, не бывшим на соборе, о соборных деяниях
    - Глава 11
      - О содержании, какое назначено было для церквей, и о других добродетелях царя
    - Глава 12
      - Послание Евсевия, епископа кесарийского, об изложенной в Никее вере
    - Глава 13
      - Обличение ныне богохульствующих ариан из сочинений Евсевия, епископа кесарийского
    - Глава 14
      - О смерти Ария, из послания Афанасия
    - Глава 15
      - Послание царя Константина о созидании церквей. Победитель Константин Великий, Август — Евсевию 27 .
    - Глава 16
      - Его же другое послание о приготовлении свитков божественных Писаний. Победитель Константин Великий, Август — Евсевию.
    - Глава 17
      - Его же послание к иерусалимскому епископу Макарию о построении храма Божия. Победитель Константин Великий — Макарию.
    - Глава 18
      - О Елене, матери царя Константина, и ее усердии в построении храма Божия

- Глава 19
  - О противозаконном перемещении Евсевия никомидийского
- Глава 20
  - Послание царя Константина к никомидийцам против Евсевия и Феогниса
- Глава 21
  - О кознях, устроенных Евсевием и его сообщниками святому Евстафию, епископу антиохийскому
- Глава 22
  - О еретических епископах, рукоположенных в Антиохии по отбытии святого Евстафия
- Глава 23
  - Об обращении к вере индийцев
- Глава 24
  - Об обращении иберийцев к благочестию
- Глава 25
  - Послание царя Константина к персидскому царю Canopy о христианах
- Глава 26
  - О кознях, направленных против св. Афанасия
- Глава 27
  - Послание царя Константина к александрийцам
- Глава 28
  - Другой навет на епископа Афанасия
- Глава 29
  - Послание царя Константина к собору
  - Константин Август святому собору в Тире:
- Глава 30
  - О соборе, бывшем в Тире
- Глава 31
  - Об освящении храма во Иерусалиме и об изгнании святого Афанасия
- Глава 32
  - О завещании блаженного царя Константина
- Глава 33
  - Защищение того же царя
- Глава 34
  - О кончине царя Константина

- Книга 2
  - Глава 1
    - О возвращении святого Афанасия
  - Глава 2
    - Послание царя Константина, сына Константинова, к александрийцам
  - Глава 3
    - О том, как царь Констанций уклонился от правой веры
  - Глава 4
    - О вторичном изгнании блаженного Афанасия,также о поставлении на его место Григория и о смерти последнего
  - Глава 5
    - О константинопольском епископе Павле

- Глава 6
  - О Македонии и происшедшей от него ереси
- Глава 7
  - О соборе, бывшем в Сардике
- Глава 8
  - Соборное послание, написанное собравшимися там епископами, к епископам по всей вселенной
- Глава 9
  - О епископах Евфрате и Викентии и о коварном умысле против них в Антиохии
- Глава 10
  - О низложении Стефана
- Глава 11
  - Письмо Констанция к Афанасию
- Глава 12
  - О втором возвращении святого Афанасия
- Глава 13
  - О третьем изгнании Афанасия и его бегстве
- Глава 14
  - О Георгии и о совершившихся в Александрии злодействах
- Глава 15
  - О соборе, бывшем в Медиолане
- Глава 16
  - Разговор епископа римского Либерия и царя Констанция
- Глава 17
  - О ссылке и возвращении блаженного Либерия
- Глава 18
  - О соборе, бывшем в Аримине
- Глава 19
  - Соборное послание, написанное собравшимися здесь епископами, к царю Констанцию
- Глава 20
  - Другое послание к Констанцию
- Глава 21
  - Собор, бывший в Нике фракийской, и изложение веры, им написанное
- Глава 22
  - Собор, бывший в Нике фракийской, и изложение веры, им написанное
- Глава 23
  - Послание александрийского епископа Афанасия о том же соборе
- Глава 24
  - О злоухищрениях антиохийского епископа Леонтия, и о дерзновении Флавиана и Диодора
- Глава 25
  - О нововведении Евдоксия германикского и о противодействии ему Василия анкирского и Евстафия севастийского
- Глава 26
  - О соборе, предположенном в Никее, но собравшемся после в Селевкии

исаврийской
- Глава 27
  - О том, что случилось с православными епископами в Константинополе
- Глава 28
  - Соборное послание против Аэция
- Глава 29
  - Повод к отделению евномиан от ариан
- Глава 30
  - Об осаде города Низибы и об апостольской жизни епископа Иакова
- Глава 31
  - О соборе антиохийском и о том, что произошло на нем касательно святого Мелетия
- Глава 32
  - О самосатском епископе Евсевии

- Книга 3
  - Глава 1
    - О воцарении Юлиана
  - Глава 2
    - О том, что, воспитанный в благочестии,он обратился к нечестию
  - Глава 3
    - О том, что прежде он скрывал свое нечестие и обнаружил его уже вспоследствии
  - Глава 4
    - О возвращении епископов из ссылки
  - Глава 5
    - О возвращении епископов из ссылки
  - Глава 6
    - О том, что Юлиан не по человеколюбию, а по ненависти не убивал, христиан открыто
  - Глава 7
    - О том, сколько и какие обиды наносили христианам покровительствуемые им язычники
  - Глава 8
    - Законы Юлиана против христиан
  - Глава 9
    - Об изгнании и бегстве святого Афанасия
  - Глава 10
    - О статуе Аполлона в Дафнии и о святом Вавиле
  - Глава 11
    - Об исповеднике Феодоре
  - Глава 12
    - Об отобрании в казну церковных сосудов и об отнятии хлебных запасов
  - Глава 13
    - О том, что произошло с дядею царя, Юлианом, и другими нечестивцами
  - Глава 14
    - О сыне одного жреца
  - Глава 15

        - О римлянах Ювентине и Максиме100
    - Глава 16
        - О Валентиниане, который впоследствии был царем
    - Глава 17
        - О других исповедниках
    - Глава 18
        - О вожде Артемии
    - Глава 19
        - О дерзновении по Богу диаконисы Публии
    - Глава 20
        - Об иудеях, о намерении их построить храм и о ниспосланном на них свыше наказании
    - Глава 21
        - О походе против персов
    - Глава 22
        - О дерзновении одного правительственного лица в Бероэ112
    - Глава 23
        - Предсказание одного учителя
    - Глава 24
        - О пророчестве святого отшельника Юлиана
    - Глава 25
        - Об убиении царя Юлиана в Персии
    - Глава 26
        - Об открывшемся после смерти его волховании в городе Каррах
    - Глава 27
        - Об открытых в антиохийском дворце отрубленных головах
    - Глава 28
        - О всенародном торжестве в Антиохии
- Книга 4
    - Глава 1
        - О царствовании и благочестии Иовиана.
    - Глава 2
        - О возвращении святого Афанасия.
    - Глава 3
        - Соборное послание о вере, написанное святым Афанасием к царю Иовиану.
    - Глава 4
        - О возвращении церквам отсыпного хлеба.
    - Глава 5
        - О смерти царя.
    - Глава 6
        - О царствовании Валентиниана и о том, как он сделал соправителем, брата своего Валента.
    - Глава 7
        - О рукоположении Амвросия в епископа Медиоланского.
    - Глава 8
        - Послание царей Валентиниана и Валента, писанное азийскому округу о единосущии.

- Глава 9
  - Соборное послание иллирийского собора о вере.
- Глава 10
  - О ереси авдиан.
- Глава 11
  - О ереси мессалиан.
- Глава 12
  - О том, как Валент впал в ересь.
- Глава 13
  - О том, как он удалил сиявших доблестями епископов.
- Глава 14
  - О Евсевии, епископе самосатском139.
- Глава 15
  - О благочестивой ревности самосатцев, о пресвитере Антиохе и диаконе Еволкии.
- Глава 16
  - О святом Варсе, епископе эдесском и о сосланных вместе с ним клириках.
- Глава 17
  - О бывшем в Эдессе гонении.
- Глава 18
  - Об эдесских пресвитерах Евлогии и Протогене.
- Глава 19
  - О святом Василии, епископе кесарийском и о том, что сделали против него Валент и префект Модест.
- Глава 20
  - О смерти святого Афанасия и рукоположении Петра.
- Глава 21
  - Об изгнании Петра и о возведении на его место арианина Люция.
- Глава 22
  - Повествование из послания Петра александрийского о том, что Люций делал в Александрии
- Глава 23
  - О военачальнице сарацинской Мавии157 и о рукоположении монаха Моисея.
- Глава 24
  - О дерзких поступках (ариан) в Константинополе.
- Глава 25
  - О том, как в Антиохии собрали церковь православных Флавиан и Диодор.
- Глава 26
  - О святом Афраате монахе.
- Глава 27
  - О святом Юлиане и Антонии Великом.
- Глава 28
  - Какие другие монахи просияли в то же время.
- Глава 29
  - О Дидиме александрийском и Ефреме сирском.
- Глава 30
  - Какие славились тогда в Понте и Азии епископы.

- Глава 31
  - О том, что писал Валент к великому Валентиниану о войне и что последний отвечал ему.
- Глава 32
  - О благочестии князя Теренция.
- Глава 33
  - О смелости полководца Траяна.
- Глава 34
  - О константинопольском монахе Исаакии175.
- Глава 35
  - О смелости скифского епископа Вретаниона.
- Глава 36
  - О походе Валента против готов и о том, как он был наказан за свое нечестие.
- Глава 37
  - Откуда готы заимствовали арианское заблуждение? 178.

- Книга 5
  - Глава 1
    - О благочестии царя Грациана179 .
  - Глава 2
    - О возвращении епископа.
  - Глава 3
    - О споре Павлина и о нововведении Аполлинария лаодикийского; также о любомудрии о богочестимости Мелетия.
  - Глава 4
    - О Евсевии, епископе самосатском.
  - Глава 5
    - О господстве Феодосия.
  - Глава 6
    - О воцарении Феодосия и о виденных им снах.
  - Глава 7
    - О некоторых значительных представителях арианской секты.
  - Глава 8
    - О соборе, бывшем в Константинополе183.
  - Глава 9
    - Послание константинопольского собора.
  - Глава 10
    - Соборное послание римского епископа Дамаса, написанное против Аполлинария и Тимофея.
  - Глава 11
    - Другое соборное послание того же Дамаса против различных ересей.
  - Глава 12
    - О смерти Грациана и тирании Максима.
  - Глава 13
    - О Юстине, супруге Валентиниана и об умысле против Амвросия.
  - Глава 14
    - О том, что объявлено было тираном Максимом Валентиниану младшему.
  - Глава 15

- О том, что писал по этому случаю царь Феодосий.
- Глава 16
  - Об Амфилохии, епископе иконийском.
- Глава 17
  - Об убийствах в Фессалониках.
- Глава 18
  - О дерзновении епископа Амвросия и благочестии царя.
- Глава 19
  - О царице Плакилле202
- Глава 20
  - О возмущении в Антиохии203.
- Глава 21
  - О повсеместном разрушении идольских капищ.
- Глава 22
  - Об александрийском епископе Феофиле и о том, что случилось в Александрии при разрушении капища.
- Глава 23
  - Об антиохийском епископе Флавиане и о смятении, которое произошло между западными из-за Павлина.
- Глава 24
  - Об антиохийском епископе Флавиане и о смятении, которое произошло между западными из-за Павлина.
- Глава 25
  - О смерти царя Феодосия.
- Глава 26
  - О царе Гонории и монахе Телемахе.
- Глава 27
  - О благочестии царя Аркадия и рукоположении Иоанна Златоуста.
- Глава 28
  - О дерзновении сего епископа по Богу.
- Глава 29
  - О разрушенных им в Финикии идольских капищах.
- Глава 30
  - О церкви готской.
- Глава 31
  - Попечение его о скифах и ревность против маркионитов.
- Глава 32
  - О требовании Гайны и о сопротивлении Иоанна Златоуста.
- Глава 33
  - О посольстве к нему Златоуста.
- Глава 34
  - О том, что случилось относительно к нему.
- Глава 35
  - О Кирилле, епископе Александрии и об Александре, епископе Антиохии
- Глава 36
  - О последующем раскаянии тех, которые враждовали против епископа Иоанна, и о перенесении его останков.

- Глава 37
  - О вере Феодосия младшего и его сестер.
- Глава 38
  - Об антиохийском епископе Феодосии.
- Глава 39
  - О гонении в Персии и о тамошних мучениках.
- Глава 40
  - О мопсуэтском епископе Феодоре.

- Примечания
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38

- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85

- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132

- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179

- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226

- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242
- 243
- 244
- 245
- 246

Введение

Примечание

Примечание

Церковная история Блаженного Феодорита, епископа Кирского (393—457 или 460) является продолжением истории Евсевия Памфила, епископа Кесарийского, и охватывает период с 325 по 429 гг. Источниками для нее послужили труды Руфина, Сократа, Созомена и Филосторгия, а также материалы соборов, послания епископов и другие документы. Феодорит критически отнесся к своим предшественникам в области церковной историографии и уточнил, а в ряде случаев и исправил их данные, хотя и в его собственном труде ему не удалось избежать некоторых неточностей.

Церковная история

Книга 1

Глава 1

Цель истории

Живописцы, изобразив древние события на досках и стенах, конечно, доставляют удовольствие зрителям и то, что давно совершилось, сохраняют надолго в свежей памяти. Но историки, вместо досок употребив книги, а вместо красок цветность слов, делают память минувшего еще прочнее и тверже, потому что искусство живописца сглаживается временем. Для этого все, что осталось не внесенным в историю церкви, и я постараюсь описать: ибо равнодушие к славе дел знаменитых и забвение сказаний полезнейших почитаю преступным. Этим-то именно многократно возбуждали меня к настоящему труду и некоторые из моих друзей. Впрочем, соразмеряя этот труд со своими силами, я боюсь взяться за него и только в уповании на щедрого Подателя благ приступаю к тому, что выше сил моих. Итак, Евсевий Палестинский, начав историю от св. Апостолов, описал события церковные до царствования боголюбивого Константина, а я конец его сочинения поставлю началом моих повествований. [1]

Глава 2

Откуда началась ересь ариан

По низложении тех беззаконных и нечестивых тиранов — разумею Максентия, Максимина и Ликиния, [2] в церкви утихла буря, поднятая этими мучителями, как бы какими вихрями, и, по миновении ветров, церковь успокоилась. Такое мирное пристанище доставил ей всехвальный царь Константин, получивший призвание к тому, по выражению божественного Апостола (Гал 1.1), «не от человек, ни же человеком» , но с неба. Он издал законы, которыми запрещалось приносить жертвы идолам и повелевалось созидать церкви; правителями народа поставил людей, украшенных верою, предписывая им почитать иереев и угрожая казнию тем, которые осмелились бы оскорблять их. [3] С того-то времени одни из них начали возобновлять разрушенные церкви, другие приступили к построению новых, более обширных и великолепных. Смотря на такие дела, мы радовались и утешались, а враги снедались скорбию и досадой. Идольские капища были закрываемы, а в христианских храмах часто совершались праздники и происходили торжественные собрания. Но для лукавого и завистливого демона, губителя людей, невыносимо было видеть плавание церкви при попутном ветре; он составил злокозненные замыслы и старался потопить ее, управляемую Творцом и Владыкою всяческих. Так как эллинское заблуждение сделалось уже очевидным, так как разные ухищрения демонов выведены были наружу и весьма многие люди, перестав чтить тварь, вместо нее воспевали Творца, то он не открыто воздвиг войну на Бога и Спаса нашего, но нашел людей, удостоенных наименования христиан и, однако ж, поработившихся любочестию и тщеславию, и их-то употребил в орудие своих замыслов, а через них вовлек в прежнее заблуждение и много других, не заставляя их боготворить тварь, но располагая причислять к твари самого Творца и Создателя. Где сначала и как посеяны были эти плевелы, я расскажу.

Есть Александрия, город величайший и многолюднейший, митрополия не только Египта, но и Фиваиды и сопредельной с Египтом Ливии. В ней, после Петра, этого победоносного ратоборца, при упомянутых нечестивых гонителях восприявшего мученический венец, был предстоятелем несколько времени и правил кормилом церкви некто Ахилла, а за ним следовал мужественный поборник евангельских догматов Александр. В это-то время стоявший в чине пресвитеров, имевший поручение изъяснять Божественное Писание Арий, видя, что Александр получил кормило архиерейства, не вынес приражения зависти, но, возбуждаемый ею, изыскивал предлоги ко вражде и ссоре. Достохвальная жизнь Александра, конечно, не позволяла ему сплесть на него клеветы, однако ж, движимый завистью, он не мог и успокоиться. Нашедши такого человека, противник истины Поднимает через него и распространяет в церкви бурю — именно убеждает его идти открыто против апостольского учения Александра. Следуя Божественному Писанию, Александр называл Сына равночестным Отцу и имеющим то же существо с родившим Его Богом, а Арий, противоборствуя истине, стал называть Его тварию и созданием и говорил, что было время, когда Его не было, присоединяя к тому и прочее, что мы яснее узнаем из его сочинений. [4] Такое учение он распространял не только в церкви, но и во внешних собраниях и сходбищах и, ходя по домам, увлекал на свою сторону всех, кого мог. Александр, защитник апостольских догматов, сперва старался вразумить его увещаниями и советами, но, когда увидел, что тот упорно безумствует и открыто проповедует свое нечестие, исключил его из священнического чина, ибо внимал гласу закона Божия, который говорит: «аще... око твое десное собла з няет тя, изми е и верзи от себе» (Мф 5.29).

Глава 3

Перечисление главных епископов

В это время бразды римской церкви держал Сильвестр [5], преемник Мильтиада [6], получившего рукоположение архиерейства в той же церкви после Марцелла [7], который прославился во время гонений. В Антиохии, по смерти тирана, когда в церквах наступил мир, власть правительственную принял Виталий и построил в Палее церковь, разрушенную гонителями, а следовавший за ним предстоятель Филогоний довершил эту постройку и во время Ликиния показал ревность по благочестию. Церковь иерусалимская, после Ермоны, была вверена Макарию, мужу, вполне достойному своего имени и украшенному различными добродетелями. В церкви же константинопольской в то время пользовался честию святительского служения Александр, и он, видя, что Арий одержится страстию честолюбия, и с людьми, увлеченными его богохульством, делает особые собрания, объявил посланиями сим вождям церквей о таком его богохульстве. В своей истории я помещу его послание к соименному с ним епископу; оно ясно показывает все дело Ария, чтобы кто не подумал, будто мои сказания — выдумка. Потом, за этим посланием, я приведу также послание Ария, а за ним и другие, для исторического рассказа необходимые, чтобы ими подтвердилась истина повествования и яснее выразились дела минувшие. Вот что пишет к своему соименнику александрийский епископ Александр.

Глава 4

Послание Александра, епископа Александрийского, к Александру, епископу Константинопольскому

«Александру, почтеннейшему и единодушному брату, Александр желает здравия о Господе». Воля беспокойных людей — властолюбивая и сребролюбивая, обыкновенно наветует на епархии, кажущиеся большими, и под разными предлогами нападает на церковное их благочестие. Возбуждаемые действующим в них дьяволом к предположенному удовольствию, они теряют всякое чувство благоговения и попирают страх суда Божия. Страдая от них, я признал необходимым известить ваше добротолюбие, чтобы вы острегались их — как бы кто-нибудь из них не дерзнул войти в ваши епархии либо сам собою, либо через других (ведь обманщики умеют прикрывать свое лукавство), либо через послания, которыми, выставляя ложь в благовидном свете, они легко могут ввести в заблуждение человека, внимающего им с простою и чистою верою. Вот именно Арий и Ахилла недавно задумали дружно подражать любоначалию Коллуфа и простерлись еще гораздо далее его: потому что Коллуф, который и сам обвиняет их, по крайней мере имел некоторый повод к лукавому своему предприятию [8]; а они, увидев его христопродажничество, даже не захотели оставаться под властию церкви, но, построив себе разбойнические вертепы, непрестанно днем и ночью собираются в них и вымышляют клеветы на Христа и на нас. Осуждая все апостольское благочестивое учение и, подобно Иудеям, составив христоборственное сборище, они отвергают Божество Спасителя нашего и проповедуют, что Он равен всем людям. Собирая все места Писания, в которых говорится о спасительном Его домостроительстве и уничижении ради нас, они этими местами стараются подтверждать нечестивую свою проповедь, а от выражений, говорящих об исконной Его божественности и неизреченной славе у Отца, отвращаются.

Таким образом, касательно Христа, усиливая нечестивое мнение эллинов и иудеев, они более всего гоняются за их похвалами, подтверждают все то, за что мы подвергаемся их насмешкам, и ежедневно воздвигают против нас возмущения и гонения: то влекут нас в судилища по жалобам беспорядочных женщин, которых сами они же и подговорили; то бесславят христианство, позволяя у себя девицам бесстыдно бегать по окрестностям. Словом, они осмелились разодрать тот нешвенный хитон Христов, которого не хотели разделить на части и самые воины-распинатели. Посему, узнав о жизни их и нечестивом предприятии, хотя ж то сведение, по причине скрытности их, получено нами и поздно, мы с общего согласия изгнали их из церкви, поклоняющейся Божеству Иисуса Христа. Но они ради нас стали везде бегать, начали обращаться к единомысленным с нами сослужителям нашим, показывая вид, будто хотят мира и согласия, в самом же деле под образом благожелания стараясь увлечь некоторых между ними в болезнь свою. От этих последних они испрашивают многословных изложений веры, чтобы, прочитывая их тем, которых обманули, сделать их нераскаянными в своем заблуждении и укоренить их в нечестии, и утверждают, будто бы на их стороне есть и епископы, держащиеся того же образа мыслей; а между тем не открывают им, чему нас лукаво учили, что делали и за что извержены из церкви: об этом они молчат, либо оставляют это в тени посредством нарочито вымышленных речей и писаний. Прикрывая таким образом гибельное свое учение убедительными и вкрадчивыми беседами, они увлекают к себе того, кто податлив на обман, и в то же время не упускают случая оклеветать перед всеми и наше благочестие. Вот почему некоторые подписались под их изложениями и приняли их самих в церковь, хотя сослужители, дерзнувшие сделать это, подвергаются, как я думаю, величайшей укоризне, тем более что и

апостольское правило не позволяет этого, да и то еще, что своим поступком они увеличивают действующую в еретиках против Христа силу дьявола.

Посему, возлюбленные, я нимало не медля решился известить вас о неверии этих людей, говорящих, что было некогда время, когда не было Сына Божия, что Он родился после, не существовав прежде, и что когда бы то ни было, но только Он сотворен, как и всякий человек. Бог, говорят они, все сотворил из не сущего, причисляя таким образом к созданию всех разумных и неразумных тварей и Сына Божия, а вследствие этого утверждают, что природа Его изменчива и может воспринимать добро и зло. Затем, предположив, что Сын Божий — из не сущего, они извращают места Божественного Писания, в которых говорится, что Он имеет бытие всегда, и которые показывают неизменяемость Слова и Божество Премудрости Слова, то есть Христа. И мы равно, как Он, говорят эти нечестивцы, можем сделаться сынами Божиими; ибо написано: «сыны родих и возвысих» (Ис **1**.2). А когда им приводили, что сказано далее в том же стихе: «тиижe отвергошася мене» , что не естественно Спасителю, имеющему природу неизменяемую, то они, отложив всякий стыд, отвечали, будто Он избран из всех сынов, ибо Бог по предведению и предусмотрению знал о Нем, что Он не отвержется. Не потому, говорят они, Бог избрал Его, что Он по естеству имеет нечто особенное и преимущественное пред прочими сынами по естеству, говорят, Он не Сын Божий, и не по особенному какому-нибудь существенному отношению Его к Богу, но потому, что, несмотря на изменяемость своей природы, Он, через упражнение себя в нравственной деятельности, не уклонился к худшему. Так что, если бы равную силу в этом показали Павел или Петр, то их усыновление нимало не отличалось бы от Его усыновления.

В подтверждение сего безумного учения, они, издеваясь над Священным Писанием, предлагают следующие слова псалмопевца, сказанные о Христе: «возлюбил еси правду и возненавидел еси беззаконие: сего ради помаза тя, Боже, Бог твой елеем радости паче причастник твоих» (Пс **44**.8). Но что Сын Божий не произошел из не сущего и что не было времени, когда бы не было Сына Божия, — этому достаточно научает Евангелист Иоанн, говоря о Нем: «единородный Сын, сый в лоне отчи» (Ин **1**.18). Божественный учитель, желая показать, что два предмета — Отец и Сын нераздельны между собою, наименовал Сына «сущим в лоне отчи» . А что Слово Божие не принадлежит к числу тварей, созданных из ничего, — тот же Иоанн доказывает словами: «вся тем быша» ; ибо своеобразную ипостась Слова Божия Иоанн обозначил так: «в начале б ыло Слово, и Слово б ыло к Богу, и Бог был Слово. ... Вся тем быша и без него ничтоже бысть, еже бысть» (Ин **1**.1—3). Если же все Им сотворено, то каким образом Тот, кто дал бытие всем сотворенным существам, сам некогда не существовал? Творческое Слово отнюдь не может быть одинаковой природы с сотворенными существами, как скоро Оно само было в начале и все произвело, все сотворило из не сущего; ибо сущее противоположно тому, что произошло из не сущего, и далеко отстоит от него, тогда как приведенные слова показывают, что между Отцом и Сыном нет никакого расстояния и что душа даже простою мыслию не в состоянии представить его. Выражением «мир сотворен из не сущего» означается последующее и недавнее происхождение существа, когда все получило свое бытие от Отца через Сына. Посему, глубоко созерцая бытие Бога-Слова, недоступное для ума существ сотворенных, божественный Иоанн признал недостойным назвать Его произведением и созданием и не дерзнул Творца и тварь означать одними и теми же именами — не потому, чтобы Слово не родилось (ибо один Отец не рожден), но потому, что неизъяснимая ипостась единородного Сына Божия превышает понятие не только евангелистов, но и ангелов. Вот почему я не думаю причислять к благочестивым людям того, кто дерзает простирать свою пытливость даже до этого вопроса. Он не слушает слов Писания: «вы с ших себе не ищи, крепльших себе не испытуй» (Сир **3**.21). Если знание и многих других предметов, которые

несравненно ниже этого, сокрыто от человеческого ума — как, например, читаем у Павла: «их же око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова т Бог любящим его» (1Кор **2**.9); или, как Бог говорит Аврааму: «человек не изчислит звезд» (Быт **15**.5); или еще: «песка морск о го и капли дождевые... кто изочтет» (Сир **1**.2), то кто стал бы исследовать ипостась Слова Божия, кроме сумасшедшего? Пророческий Дух говорит о ней: «род же его кто исповесть» (Ис **53**.8)? Да и сам Спаситель наш, благодетельствуя Богоглаголивым апостолам, столпам всего сущего в мире, поспешил удалить от них, как бремя, познание об этом предмете. Он сказал, что разумение сей божественнейшей тайны выше природы всех их и что ведение о ней пребывает в одном Отце: «никтоже знает Сына, — говорит Он, — токмо Отец, ни Отца кто знает, токмо Сын» (Мф **11**.27). О том же, думаю, говорит и Отец в следующих словах: «тайна моя мне (и моим)». А что безумно мыслить, будто Сын Божий произошел из не сущего и, значит, имеет бытие временное, видно само собою даже из выражения: «производит из не сущего», хотя несмысленные и не понимают безумия своих слов. Выражение: «некогда не существовал» должно относить или ко времени, или к какому-нибудь продолжению вечности. Если же справедливо, что «вся тем быша» , т.е. если через Него произошла и целая вечность, и время, и отделы времен, и самое некогда, в котором содержится несуществование, то не нелепо ли говорить, будто Тот, кто сотворил времена, вечность и лета, в которых содержится несуществование, сам некогда не существовал?

В самом деле, было бы крайне бессмысленно и невежественно полагать, что виновник какой-нибудь вещи получил свое бытие после происхождения сотворенной им вещи. По мнению еретиков, продолжение времени, в которое, как они говорят, Сын еще не произошел от Отца, предшествует бытию все сотворившей Премудрости Божией. Значит Священное Писание несправедливо называет Сына Божия «перворожден ным всея твари» (Кол **1**.15; Сир **24**.10). Но эти слова Писания подтверждает велегласнейший Павел, когда говорит о Сыне Божием: «его же положи наследника всем, им же и веки сотвори» (Евр **1**.2). И еще: «тем создана быша всяческая, яже на небеси и яже на земли, видимая и невидимая, аще власти, аще господства, аще престоли... всяческая тем и о нем создашася и той есть прежде всех» (Кол **1**.16:17). Итак, очевидно, что мнение о сотворении Сына Божия из не сущего есть самое нечестивое, посему Отцу необходимо быть всегда. Но Отец всегда есть Отец, поскольку всегда имеет Сына, по которому и называется Отцом. Если же Отец всегда имеет Сына, то Он всегда есть Отец совершенный, чуждый недостатка по отношению к добру и родивший единородного Сына не во времени, не в продолжение времени и не из сущего. Не нечестиво ли также говорить, что Премудрость Божия некогда не существовала, когда она свидетельствует о себе: «Аз бех при нем (при Боге), вся устроя я; Аз бех, о ней же веселя ешеся» (Притч **8**.29:30)? Или что силы Божией некогда не было, что Слово Божие когда-то безмолвствовало, или что в Боге когда-то не было и других свойств, по которым узнается Сын и качествуется Отец? Кто говорит, что нет «сияни я славы (Евр **1**.3), тот отвергает бытие и первообразного Света, от которого происходит сияние. Если не всегда существовал «образ Бога» (2Кор **4**.4; Кол **1**.15) то, очевидно, не всегда существовал и Тот, чей это образ. Если не было черты ипостаси Божией (Евр **1**.3), то не было и того, чья ипостась вполне им определяется. Отсюда можно видеть, что сыновство Спасителя нашего не имеет ничего общего с сыновством людей.

Как неизреченная Его ипостась, сказали мы, несравненно выше всех тварей, которым Он дал бытие, так и Его сыновство, по естеству участвующее в Божественности Отца, неизреченно выше сыновства людей, которые получили через Него дар усыновления. Так как природа Его неизменна, то Он всесовершен и ни в чем не нуждается, а они, подлежа перемене к лучшему и худшему, всегда имеют нужду в Его помощи. Да и в чем усовершенствоваться Премудрости Божией? В чем получать приращение самоистине или Богу-Слову? Как улучшаться истинной

жизни и истинному свету? Если ж это невозможно, то во сколько раз неестественнее Премудрости Божией принимать в себя когда-нибудь глупость, или Силе Божией соединяться с слабостию, или Разуму помрачаться неразумием, или истинному Свету примешивать к себе тьму? Апостол прямо говорит: «кое общение свету ко т ь ме; кое же согласие Христови с велиаром?» (2Кор **6**.14:15). А Соломон находит невозможным даже помыслить, чтобы след змея нашелся на камне, который, по учению Павла, есть Христос (Притч **30**.19; 1Кор.**10**:4). Между тем люди и ангелы, будучи тварями Его, получили от Него благословение усовершенствоваться через упражнение в добродетели и исполнение заповедей закона для избежания грехов. Посему-то Господь наш, будучи Сын Отца по естеству, приемлет от всех поклонение, а люди получают «Духа усыновления» только тогда, когда освобождаются от «духа работы» (Р и м **8**.15) посредством добрых дел и самоусовершенствования и, таким образом облагодетельствованные Сыном по естеству, становятся сынами по усыновлению. Истинное, собственное и преимущественное Его сыновство Павел выразил, когда сказал о Боге: «иже ... своего Сына не пощади, но за нас» , т.е. за сынов не по естеству, «предал есть его» (Рим **8**.32), где сыном своим или собственным он назвал Его в отличие от сынов несобственных. Да и в Евангелии читается: «сей есть Сын мой возлюбленный, о немже благоволих» (М ф **3**.17). А в псалмах Спаситель говорит: «Господь рече ко мне: Сын мой еси ты» (Пс **2**.7; Евр **1**.5), и, этими словами выражая сыновство истинное, показывает, что, кроме Его, нет других истинных и естественных сынов Божиих. Притом, что значат и следующие слова: «из чрева прежде денницы родих тя?» (Пс **109**.3). Не ясно ли указывается ими на естественное сыновство Отчего рождения, которое Он получил не за чистоту нравов и усовершенствование себя в добродетели, а по особенности естества? Отсюда единородный Сын Отчий имеет сыновство непреложное, между тем как сыновство разумных тварей, которое они получают и по естеству, и по чистоте нравов и дару Божию, в Слове Божием почитается изменяемым: «видевше ... , — говорит оно, — сынове Божий дщери человечи, пояша себе жены» , и проч. (Быт **6**.2). Мы знаем также, что Бог изрек через Исайю: «сыны родих и возвысих, тии же отвергошася мене» (Ис **1**.2).

Многое мог бы я сказать вам, возлюбленные, но оставляю, считая излишним делать подробные напоминания учителям, которые мыслят одинаково со мною. Вы сами научены от Бога и знаете, что вновь восставшее против церковного благочестия учение первоначально принадлежало Евиону и Артеме и есть подражание ереси Павла Самосатского [9], который был епископом в Антиохии, соборным судом всех во вселенной епископов отлучен от Церкви и которого преемник Лукиан в продолжение многих лет не имел общения с тремя епископами. Их-то нечестия осадок заимствовали явившиеся ныне у нас изнесущники, и их-то тайною отраслию должны быть почитаемы — Арий, Ахилла и собор прочих лукавствующих. Я не знаю, как это произошло, что рукоположенные в Сирии три епископа приняли их образ мыслей и тем самым еще более разожгли их к худшему. Суд над этими епископами пусть будет основываться на вашем исследовании. Твердо содержа в памяти те места Писания, в которых говорится о страдании Спасителя, о Его смирении, уничижении, так называемой нищете и о всем, что Он претерпел за нас, они приводят их для опровержения высочайшего и изначального Его Божества, а выражений, свидетельствующих о естественной Его славе, величии и пребывании у Отца, не помнят. Таковы, например, слова: «аз и Отец едино есма» (И н **10**.30). Господь выражает ими не то, что будто Он — Отец или будто два естества ипостасно составляют одно, но что Сын Отчий с точностию сохраняет Отчую природу, что имеет в себе отпечатленное самым естеством совершенное сходство с Отцом и есть подобие Отца, ни в чем от Него не отличное, есть образ самого первообраза. Господь наш вполне открыл это Филиппу, когда он желал видеть Отца Его. Филипп сказал: «покажи нам Отца» ; но Господь отвечал ему: «видевый мене, виде т Отца» (Ин **14**.9); ибо в чистейшем и одушевленном зерцале Божественного образа

созерцается сам Отец. Подобно тому, и святые говорят в псалмах: «во свете Твоем узрим свет» (Пс **35**.10). Посему-то, кто чтит Сына, чтит Отца — и справедливо; ибо всякое нечестивое слово, которое дерзают произносить на Сына, относится и к Отцу. После этого удивительно ли то, о чем я намерен далее писать вам, возлюбленные, — удивительна ли ложь и клевета еретиков на меня и благочестивейший наш народ? Вооружившиеся против Божества Сына Божия, конечно, не откажутся неблагодарно злословить нас. Они даже и древних не удостаивают сравнения с собою и не терпят, чтобы их уподобляли тем лицам, которые были нашими в отрочестве наставниками. По их мнению, ни один и из нынешних во всей вселенной сосложителей наших не достиг в меру мудрости. Они только себя почитают мудрецами, нестяжателями и изобретателями догматов, говорят, что только им одним открыты такие тайны, которые никому из всех людей в подсолнечной и на мысль не приходили. О нечестивая надменность и безмерное безумие! О суетное славолюбие, приличное сумасшедшим! О гордость сатанинская, ожесточившая нечестивые души их! Не стыдятся они боголюбезной ясности древних писаний. Согласное всех сослужителей наших благочестивое учение о Христе не обуздало дерзости их против Него. Да такого нечестия не терпят и демоны, ибо произносить хульные слова на Сына Божия опасаются и они. Мы должны были, по силам, сказать это против тех, которые подняли невежественную пыль против Христа и решились поносить нашу благочестивую веру в Него. Они, изобретатели нелепых басен, говорят, будто, отвращаясь от их нечестивого и ни на каком свидетельстве Писания не основанного богохульства, производящего бытие Христа из не сущего, мы допускаем два нерожденных существа.

Эти невежды утверждают, будто необходимо быть одному из двух: или мыслить, что Сын Божий из не сущего, или непременно признавать двух нерожденных. Но, неучи, они не знают, что велико различие между Отцом нерожденным и созданным Им из не сущего разумными и неразумными тварями, и что между ними должно было посредствовать естество единородное, через которое Отец Слова Божия все сотворил из не сущего и которое родилось от самосущего Отца. Так, в одном месте и сам Господь говорит: «всяк, любяй рождавшего, любит и рожденного от него» (1Ин **5**.1). Касательно этого предмета мы сохраняем ту же веру, которую сохраняет вся апостольская Церковь: мы веруем во единого нерожденного Отца, не обязанного никакому виновнику своим бытием, непреложного и неизменяемого, всегда тожественного и одинакового, не получающего ни приращения, ни уменьшения, дарователя закона, пророков и евангелий, Господа патриархов, апостолов и всех святых; и во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, единородного, рожденного не из не сущего, а из сущего Отца, не по подобию тел, — через отделение или истечение по частям, как учат Савелий [10] и Валентин, а неизреченно и неизъяснимо, как говорят приведенные выше слова пророка: «род же его кто исповесть?» (Ис **53**.8). Ибо ипостась Его непостижима ни для какого сотворенного естества, равно как непостижим и сам Отец; потому что природа разумных тварей не может вместить ведение об Отчем Богорождении. Впрочем, люди, движимые духом истины, не имеют нужды учиться этому у меня, когда оглашает нас и предваряет учение Христа, который говорит: «никто же знает Отца, токмо Сын, ни Сына кто знает, токмо Отец» (Мф **11**.27). Мы знаем, что Сын Божий непреложен и неизменяем, как и Отец, ни в чем не имеет нужды и есть Сын совершенный, подобный Отцу, и только одною рожденностию отличающийся от Него. Сын Божий есть самый точный и ни в чем не отличный образ Отца, потому что этот образ вполне обладает всем, чем выражается наибольше Его подобие Отцу. Так учил и сам Господь: «Отец мой, — говорит Он, — болий мене есть» (Ин **14**.28). Посему и мы веруем, что Сын всегда от Отца; ибо он есть «сияние славы и образ ипостаси» Отчей (Евр **1**.3). Но да не принимает никто слова всегда в смысле нерожденности, как думают люди с поврежденными чувствами души: ни был, ни всегда, ни прежде век — не одно и тоже с нерожденностию. Для означения нерожденности

человеческий ум не в состояни и изобресть никакого слова. Я думаю, что и вы согласны в этом со мной, и даже совершенно уверен в правом суждении всех вас, что указанные слова отнюдь не означают нерожденности. Они не что иное, как только представление времен, и потому не могут достойно выражать Божественности и как бы древности Единородного. Впрочем, слова эти были употребляемы святыми мужами, когда они пытались, по мере сил своих, объяснить сие таинство, но, употребляя их, они просили у своих слушателей извинения и в оправдание себя говорили, что речь их могла вознестись только до этого. Если же есть люди, которые из уст человеческих ожидают некоторых слов высших, заключающих в себе более, нежели сколько доступно для человека, и считают недостаточным известное им отчасти, то ожиданиям таких людей, разумеется, далеко не удовлетворят слова: «был, всегда и прежде век». Несомненно, однако ж, что они, каковы бы ни были, никогда во всей точности не выразят нерожденности. Итак, нерожденному Отцу мы должны приписывать особое достоинство, говоря, что Он не имеет никакого виновника своего бытия, а Сыну уделять опять особую, приличную Ему честь, усвояя Ему безначальное рождение от Отца и, как выше сказано, принося Ему поклонение, так чтобы слова: «был, всегда и прежде век» применять к Нему лишь благочестно и благоговейно, отнюдь не отвергая Его Божества, но в образе и выражении Отца видя по всему самое точное с Ним сходство, нерожденность же почитать свойством, принадлежащим только Отцу, как сказал и сам Спаситель: «Отец мой болий мене есть» (Ин **14**.28). Кроме этого благочестивого мнения об Отце и Сыне, основанного на учении Божественного Писания, мы исповедуем равным образом единого Святого Духа, обновлявшего как святых людей Ветхого Завета, так и божественных наставников Завета, называемого новым. Исповедуем вместе одну и единственную, кафолическую, апостольскую церковь, никогда не одолимую, хотя бы вооружился против нее и весь мир, всегда победоносно отражающую всякое нечестивое нападение еретиков; ибо Домовладыка ее одобрил нас таким воззванием: «дерзайте, яко аз победих мир» (Ин **16**.33). Наконец, мы признаем и воскресение мертвых, которого начатком сделался Господь наш Иисус Христос, имевший от Богородицы Марии тело истинное, а не призрачное и в конце веков нисшедший к роду человеческому, чтобы снять с него грех, распятый и умерший, через что, однако ж, не уменьшившийся в своем Божестве, восставший из мертвых, вознесшийся на небеса и сидящий одесную величия. Это. начертал я в послании только отчасти, признав, как сказано выше, излишним писать к вам о каждом предмете во всей подробности, потому что все это не скрыто и от вашей священной ревности. Так мы учим, так проповедуем, таковы апостольские догматы церкви, за которые готовы мы и умереть, нисколько не обращая внимания на тех, которые нудят нас отказаться от них, хотя бы принуждение сопровождалось пыткою, и не отвергая заключающейся в них надежды. Воспротивившиеся им Арий, Ахилла и другие с ними враги истины, как чуждые благочестивому нашему учению, изгнаны из церкви, сообразно с словами блаженного Павла: «аще кто вам благовестит ь паче, еже приясте, анафема да будет» , хотя бы этот благовестник притворялся «ангел ом с небесе» (Гал **1**.8—9); еще: «кто инако учит и не приступает к здравым слов ам Господа нашего Иисуса Христа и учению, еже по благоверию, тот разгордеся, ничтоже ведый» , и проч. (1Тим **6**.3:4). Этих-то от всей братии преданных анафеме людей никто из вас да не приемлет и никто да не допускает того, что ими пишется или говорится, ибо они, обманщики, все лгут, правды у них нет. Они ходят по городам с тем только намерением, чтобы под видом дружества и под именем мира лицемерно и льстиво раздавать и получать письма, и этими письмами утвердить в заблуждении обманутых ими и утопающих во грехах женщин и т.д. (2Тим **3**.6).

Итак, возлюбленные и единодушные братья, отвращайтесь этих людей, которые обнаруживают столь великую дерзость против Христа и частию всенародно осмеивают христианство, частию бесчестят его в судебных местах, которые во время мира, сколько могут,

воздвигают на нас гонение и ослабляют силу неизреченного таинства рождения Христова. Удаляйтесь от них и изъявите нам свое согласие к подавлению неистовой их дерзости, подобно тому как и многие другие сослужители наши изъявили нам негодование на этих отступников от веры и, подписав наше послание, отправляемое теперь к вам с сыном моим, диаконом Апионом, подтвердили это своими собственными письмами. А подписали его все сослужители наши, египетские и фиваидские, ливийские и пентапольские, сирийские, ликийские и памфилийские, азийские, каппадокийские и прочие из областей сопредельных. Надеюсь, что по примеру их и вы удостоверите меня посланием. Между многими средствами, предпринятыми мною для исцеления заразившихся, вероятно, спасительным окажется и то, что обольщенные уверятся в согласии с нами сослужителей наших и таким образом поспешат раскаяться. Приветствуйте друг друга, вместе с находящеюся при вас братиею. Желаю вам здравствовать, возлюбленные! Дай Бог мне получить плод от вашей христолюбивой души. Вот преданные анафеме еретики: из пресвитеров — Арий; из диаконов — Ахилла, Евзой, Анфалий, Люций, Сарматий, Юлий, Мина, другой Арий и Элладий». По такому же посланию отправил Александр к Филогению, предстоятелю церкви антихийской, к Евстафию, которому вверено было тогда управление церкви берийской [11], и ко всем прочим защитникам апостольских догматов. Между тем не остался в покое и Арий, он также сносился со многими, в ком надеялся найти себе единомышленников. А что блаженный Александр писал против него не ложь, об этом свидетельствует сам Арий в письме своем к Евсевию Никомидийскому. Это письмо я вношу в свою историю с тою целью, чтобы незнающим доставить сведение о сообщниках нечестия.

Глава 5

Письмо Ария к Евсевию, епископу Никомидийскому

«Вожделеннейшему господину, человеку Божию, верному православному Евсевию, несправедливо преследуемый папою.» (Папой) в христианской церкви этого времени иногда называли епископов, возглавлявших крупнейшие церкви востока империи, в частности, митрополитов Антиохии, Александрии и т. д. Александром за всепобеждающую истину, которую и ты защищаешь, Арий желает здравия о Господе. По случаю отправления отца моего Аммония в Никомидию я счел приятным долгом приветствовать тебя через него и вместе напомнить врожденной твоей любви и расположению, которое ты имеешь к братьям ради Бога и Христа Его, что епископ сильно преследует нас и гонит, употребляя к тому все средства. Он даже признал нас людьми безбожными и изгнал из города — за то, что мы не согласились с ним, когда он всенародно говорил; Бог всегда, Сын всегда; вместе Отец, вместе Сын; Сын сосуществует Богу нерожденно; Он — всегда рождаемый и нерожденно-рожденный; Бог ни мыслию, ни каким-либо атомом не предшествует Сыну; Бог всегда, Сын всегда; Сын из самого Бога. Поэтому брат твой, кесарийский епископ Евсевий, Феодот, Павлин, Афанасий, Григорий, Аэций и все пастыри востока, говорящие, что Бог безначально предсуществует Сыну, преданы анафеме, исключая только Филогония, Элланика и Макария — людей, неутвержденных в вере и еретичествующих, из которых один производит Сына от Отца через изрыгание, другой — через выбрасывание, а третий называет Его сонерожденным. Такого нечестия мы и слышать не можем, хотя бы еретики угрожали нам тысячью смертей. Мы говорим и мыслим, учили и учим так: Сын и нерожден, и ни в каком смысле не есть часть Нерожденного, и не произошел из чего-либо предсуществовавшего, но по воле и совету (Божию) был прежде времен и прежде веков совершенный Бог, единородный, неизменяемый. Однако ж, Его не было прежде, чем Он был рожден, или сотворен, или определен, или основан, ибо до рождения Он не существовал. Нас преследуют за то, что мы говорим: Сын имеет начало, тогда как Бог безначален. Нас преследуют за то, что мы говорим: Сын из не сущего. Но говорим мы это потому, что Он не есть часть Бога и не происходит из чего-либо предсуществовавшего. Вот за что гонят нас! Прочее же ты знаешь. Желаю тебе здравия о Господе! Помни наши скорби, истинный солукианист, Евсевий!». Из упомянутых здесь Арием лиц, Евсевий был епископом кесарийским, Феодот — лаодикийским, Павлин — тирским, Афанасий — аназарбским, Григорий — берийским, Аэций — лиддским. Лидда — тот самый город, который ныне называется Диосполисом. Этими только единомышленниками мог хвалиться Арий. Противниками же своими назвал Филогония, предстоятеля антиохийского, Элланика триполийского и Макария Иерусалимского, обращая в упрек им то, что они признавали Сына вечным и предвечным, равночестным и единосущным Отцу. Получив это письмо, Евсевий и сам изрыгнул свое нечестие и так писал тирскому епископу Павлину.

Глава 6

Письмо Евсевия, епископа никомидийского, к Павлину, епископу тирскому

«Владыке своему Павлину Евсевий желает здравия о Господе». Ни ревность владыки моего Евсевия касательно истинного учения, ни твое, владыка, в том же деле молчание не остались в неизвестности, но дошли и до нас. И мы, как и должно быть, о владыке нашем Евсевии радовались, а о тебе печалимся, полагая, что молчание такого мужа для нас потеря. Ты знаешь, что мужу мудрому передумывать чужое и молчать об истине неприлично. Посему умоляю тебя, возбуди в своем духе мыслительность и начни писать об этом, чем доставишь пользу и себе, и своим слушателям, особенно если захочешь излагать свои мысли, следуя порядку Писания и указаниям его изречений и смысла. Так, например, владыка, мы никогда не слыхали о двух существах нерожденных, никогда не учились и не веруем, будто одно разделяется на два или обнаруживает нечто свойственное телесности. Мы веруем в одно нерожденное, в другое же, истинно происшедшее, — и не из сущности его, поскольку естеству нерожденного оно вовсе не причастно и имеет бытие не из его сущности, но по природе и силе совершенно отличное, созданное по совершенному подобию свойства и силы создавшего, так что начало его не может быть не только выражено словом, но и понято мыслию, и понять это не в состоянии не только люди, но и все существа выше людей. И это говорим мы не по собственным умствованиям, этому научились из Писания. Мы знаем, что он сотворен, основан и рожден сущностию, неизменяемою и неизреченною природою по подобию создавшего его, как и сам Господь говорит: Бог «созда мя начало пут е й своих ..., и прежде век основа мя, ... прежде же всех холмов раждает мя» (Притч **8**.22—23:25). Когда бы он был из него, то есть от него, как часть, или истечение его существа, то не назывался бы ни сотворенным, ни основанным. Это, поистине, ты и сам знаешь, господин, ибо что произошло из нерожденного, то не могло бы быть сотворено или основано ни другим, ни им самим, но существовало бы нерожденным искони. Если же то, что он называется рожденным, дает некоторое основание думать, будто Он произошел из сущности Отца и имеет естество, одинаковое с Отцом, то мы знаем, что слово «рожденный» прилагается Писанием не к Нему одному, но и к другим, которые по природе вовсе не подобны нерожденному, ибо и о людях говорится: «сыны родих и возвысих, тии же отвергошася мене» (Ис **1**.2), а также: «Бога, рождшего тя, оставил еси» (Втор **32**.18), да и о других тварях сказано: «кто ... есть родивый капли росныя?» (Иов **38**.28). И этим Писание означает не то, будто природа произошла из природы, но что рождение каждой твари совершилось по воле Божией. Из сущности Бога нет ничего: все явилось по воле Его, и кажое творение существует, поколику сотворено, ибо творец есть Бог, а твари созданы подобными Ему по разуму, созданы Его произволением. И хотя все произошло от Бога через Него, однако все сотворено Богом. Когда ты получишь это и по данной тебе от Бога благодати раскроешь, то постарайся написать владыке моему Александру. Я уверен, что, написав ему, ты обратишь его. Приветствуй всех братии наших о Господе. Благодать Божия да сохранит тебя невредимым, владыко, и укрепит в молитвах о нас! «Такие-то письма посылали и они друг к другу, восставая на брань против истины. Когда же богохульство таким образом распространилось в церквах египетских и восточных, то в каждом городе и селении стали открываться споры и ссоры за божественные догматы. А простой народ был зрителем событий и судиею речей, присоединяясь либо к одной стороне, либо к другой. Дела происходили горькие и достойные слез. Не иноплеменники и враги, как было некогда, осаждали теперь церковь, а единоплеменники, люди, живущие под одним кровом и пользующиеся одною трапезою, вместо стрел языком поражали

друг друга, или, лучше, члены, составляющие единое тело, вооружались друг против друга.

Глава 7

О деяниях великого Никейского собора

Узнав об этом, премудрый царь [12] прежде всего старался преградить самый источник зла и потому отправил в Александрию одного, известного благоразумием мужа с посланием, надеясь через то потушить раздор и согласить разномыслящих. Но, обманувшись в своем ожидании, он созвал тот знаменитый Никейский собор и, для прибытия туда, дозволил епископам и спутникам их брать общественных ослов, мулов и лошадей. Когда же собрались все, могшие вынести трудность пути, прибыл в Никею и сам царь, желая видеть многочисленных архиереев и устроить их единомыслие, и по прибытии своем, немедленно приказал доставлять им в избытке все нужное. Архиереев собралось триста восемнадцать [13], но римского, по причине глубокой старости, не было: вместо себя он прислал двух пресвитеров с полномочием соглашаться на постановления собора. В то время много было мужей, украшавшихся дарами апостольскими, много было и таких, которые, по словам апостола Павла, носили «язвы Господа Иисуса на теле» своем (Гал **6**.17). Так, Иаков, епископ Антиохии мингидонской, которую сирияне называют Низибою, воскрешал и возвращал к жизни мертвых и совершал множество других чудес, о которых упоминать в этом сочинении считаю лишним, потому что я сказал уже о них в своем Боголюбце [14]. А Павел, епископ Неокесарии — крепости, лежащей на берегах Евфрата, испытал на себе жестокость Ликиния: у него обе руки находились в расслаблении от того, что их обжигали раскаленным железом, которое стянуло и лишило жизни нервы, дающие членам движение. У иных был выколот правый глаз, у других подсечено правое колено. В числе последних находился Пафнутий египетский. Кратко сказать, там можно было видеть собравшийся в одно место сонм мучеников. Впрочем, это божественное и приснопамятное собрание не обошлось без людей и противного свойства: в нем участвовали также, хотя и в небольшом числе, люди коварные, подобные подводным камням. Они скрывали свое нечестие и тайно одобряли богохульное учение Ария.

Итак, когда все собрались, царь повелел приготовить во дворце обширную палату и поставить в ней множество скамей и кресел, чтобы достаточно было их для всего собора архиереев. Приготовив же таким образом все, подобающее их чести, он пригласил их войти и рассуждать о предложенном деле, потом после всех вошел и сам в сопровождении немногих. Он имел прекрасный рост и привлекательную красоту, но особенно удивлял скромностью, выражавшеюся на его лице. Когда поставили для него в середине небольшой трон, он сел, испросив предварительно дозволения на то у епископов. Вместе с ним сел и весь этот божественный сонм. Тут великий Евстафий, имевший тогда предстоятельство в антиохийской церкви (ибо Филогении, о котором я упомянул выше, отошел в лучшую жизнь, а потому архиереи, священники и весь христолюбивый народ вместо него поставили этого мужа против его воли и повелели ему пасти церковь), первый увенчал главу царя цветами похвал и возблагодарил неусыпное попечение его о предметах божественных [15]. По окончании этой речи всеславный царь произнес и свою речь о единомыслии и согласии, причем напомнил епископам о жестокости прежних тиранов и о вожделеннейшем мире, дарованном во дни его от Бога. Сказал он также, что горестно, и весьма горестно, видеть, как, по низложении врагов, когда никто уже не дерзает противоречить церкви, сами они нападают друг на друга и дают противникам повод к удовольствию и смеху, хотя рассуждают о предметах божественных и имеют в письмени учение Всесвятого Духа. Ибо книги евангелистов и апостолов, равно как предречения древних пророков, говорил он, ясно наставляют нас, как должно мыслить о Боге.

Посему удалив враждебный спор, прибавил он, будем брать решение исследуемых вопросов из богодухновенных Писаний. Это и подобное этому говорил царь иереям с сыновнею любовию, как отцам своим, стараясь сделать их согласными в учении об апостольских догматах. И большая часть из бывших на соборе епископов убедились его словами и с любовию приняли единомыслие и здравое учение. Но некоторые немногие, о которых я и прежде упомянул, и, кроме их, Минофант Эфесский, Патрофил скифопольский, Феогнис, епископ самой Никеи, Наркис, епископ Неронии, бывшей городом второй Киликии и называемой ныне Иринополисом, также Феона мармарикский и Секунд, епископ Птолемаиды египетской, противоречили апостольским догматам, держась стороны Ария. Они даже письменно изложили и представили собору своем исповедание веры, которое, по прочтении, всеми названо было подложным и искаженным и тотчас разодрано. Но когда восстал против них сильный ропот и все начали обвинять их в измене благочестию, они убоялись и, встав первые, кроме Секунда и Феоны, отлучили Ария. Низложив таким образом этого нечестивца, епископы с общего согласия начертали исповедание веры, сохраняемое и поныне в церквах, и, утвердив его своим подписом, оставили собрание [16]. Впрочем упомянутые мною епископы приняли это исповедание коварно и неискренно, что подтверждается и последующими замыслами их против поборников благочестия, и писаниями последних против первых. Так именно писал о них упомянутый выше епископ антиохийский Евстафий, когда описывал соборные деяния, объяснял богохульство еретиков и изъяснял место из Притч: «Господь созда мя начало пут е й своих в дела своя» (Притч **8**.22). Теперь я перейду уже к повествованию о самих деяниях собора.

Глава 8

Обличение Ариан из сочинений Евстафия и Афанасия

Какие это деяния? Когда для рассуждения о делах веры собрался в Никее великий собор, на котором соединилось около двухсот семидесяти епископов (говорю: около, потому что по многочисленности собравшихся не могу с точностью определить числа их, да притом я и не исследовал этого с особенною заботливостию), и когда стали устанавливать символ, на среду явилось сочинение Евсевия [17], исполненное богохульного его учения. Быв прочитано вслух всем, оно тотчас причинило слушателям неизъяснимую скорбь своим безобразием, а самого сочинителя покрыло невыносимым стыдом. Теперь работа евсевиан обнажилась, и нечестивое сочинение их в виду всех разодрано; но вместе с тем некоторые из сообщников их, прикрываясь именем мира, заставили умолкнуть всех лучших защитников истины. Боясь, как бы по приговору столь великого собора не быть изверженными из церкви, приверженцы Ария встали и предали анафеме осужденное собором учение, а символ, изложенный единодушным согласием, собственноручно подписали. Таким образом, через многие происки удержав за собою предстоятельство, тогда как им надлежало бы находиться под покаянием, они то скрытно, то явно стали покровительствовать отвергнутым соборно мнениям и подтверждать их различными доказательствами. Кроме того, желая укоренить насаждение плевел, они остерегались встречи с людьми сведущими, уклонялись от надзирателей и таким образом побороли проповедников, благочестия. Но мы веруем, что люди безбожные не могут преодолеть божественного. «Аще бо паки возмо гут, и паки побеждени буд ут», — скажем словами велегласного пророка Исайи (Ис **8**.9).

Так-то пишет великий Евстафий! А споборник его и защитник истины, преемник в предстоятельстве знаменитому Александру, Афанасий в послании своем к Афрам между прочим прибавляет следующее. Когда собравшиеся епископы желали истребить выдуманные арианами нечестивые изречения, то есть, что Сын из не сущего, что Он — творение и создание, что было время, когда Его не было, и что Его природа изменяема — и написать то, что говорится в Писании, именно, что Сын есть единородный из Бога по естеству, что Он есть слово, сила, единая премудрость Отца, Бог истинный, как сказал Иоанн, или сияние славы и образ ипостаси Отчей, как написал Павел, тогда евсевиане, увлекаясь собственным злым учением, сказали друг другу: согласимся, ибо и мы также из Бога: «един Бог ..., из него же вся» (1Кор **8**.6) , «древняя мимоидоша, се быша вся нова» (2Кор **5**.17:18), и это все из Бога. Они ссылались и на то, что написано в книге Пастырь: «прежде всего веруй, что Бог — один, что Он все сотворил, все устроил и привел из небытия в бытие». Но епископы, видя их злодейство и хитрость их нечестия, яснее высказали, что значит из Бога, и написали, что Сын — из сущности Божией, а твари хотя происходят из Бога же, но в том смысле, что они существуют не из себя самих или не без причины, но имеют начало своего происхождения, между тем как Сын один — собственно из существа Отчего; ибо в этом состоит особенность единородного и истинного Слова Отчего. Такова-то причина, по которой написано — из сущности. Потом епископы опять спросили малочисленных, по-видимому, ариан: называют ли они Сына не творением, а силою, единою мудростию и образом Отца, вечным, ни в чем совершенно не различающимся от Него и Богом истинным? Но евсевиане, как замечено было, дали понять друг другу мановением, что и это-де согласно с нашим учением, ибо и мы называемся образом и славою Божиею (1Кор **11**.7), и о нас сказано: «присно бо мы живии» (2Кор **4**.11), и силы многия суть, так же: «изыде вся сила Божия из земли Египетския» (Исх **12**.41), притом «силою великою называются гусеница и

саранча» (Иоил. **2**.25), говорится еще: Бог «сил с нами, помощник наш Бог Иаковль» (Пс **45**.8). Да за нас свидетельствует не только то, что мы называемся присными Богу; Он назвал нас даже братьями. Поэтому, если Сына называют Богом истинным, то это не печалит нас; ибо соделавшийся истинным действительно истинен. Таково было превратное рассуждение ариан. Но здесь епископы, усмотрев их коварство, собрали из Писаний слова: сияние, источник, река, образ ипостаси, — и выражения: «во свете твоем узрим свет» (Пс **35**.10), «аз и Отец едино есма» (И н **10**.30), и, наконец, ясно и кратко написали, что Сын единосущен Отцу, ибо все вышесказанное заключает в себе этот именно смысл. Ропот же еретиков, что сих речений нет в Писании, упразднился самым обличением их, ибо и они выразили свое нечестие словами неписаными, поколику нигде не написано: из не сущего, или было некогда время, когда Сына не было, а потому и приняли осуждение от слов, хотя также неписаных, однако ж понимаемых благочестиво. Притом еретики нашли слова как бы в нечистоте и говорили поистине от земли; а епископы не выдумывали слов сами собою, но писали на основании отеческих свидетельств. Еще в древности, почти за сто тридцать лет были, епископы, предстоятельствовавшие как в великом Риме, так и в нашем городе, которые обличали людей, называвших Сына творением и не единосущным Отцу. Это знал и бывший епископ Кесарии Евсевий, прежде принимавший ересь Ария, но потом подписавшийся под определениями Никейского собора и в подтверждение писавший своим пасомым следующее: «мы нашли, что некоторые и из древних, ученых и знаменитых епископов и писателей, при рассуждении о Божестве Отца и Сына употребляли слово единосущный». Таким образом скрывая свою болезнь, евсевиане из боязни многочисленного сонма епископов согласились с составленным на соборе изложением веры и подпали пророческому обличению; ибо к ним-то взывает Бог всяческих: «приближаются мне людии си е усты своими, и уст ами своими почитают мя, сердце же их далече отстоит от мене» (Ис **29**.13). А Феона и Секунд, отказавшиеся сделать то же, по общему согласию всех были отлучены как люди, богохульство Ария предпочетшие евангельскому учению. После того епископы собрались снова и написали двадцать правил касательно церковного благочиния [18].

Глава 9

О делах Мелетия, от которого и доныне остались раскольники мелетиане, также соборное о нем послание

Так как под этот приговор низложения подпал и Мелетий, который незадолго до безумного учения Ариева удостоился епископского рукоположения, а потом, обличенный в некоторых проступках, лишен был сана божественнейшим Петром, епископом александрийским, приявшим венец мученичества, и, желая Удержать за собою предстоятельство в Александрии мерами насильственными, наделал шуму и смятения во всей Фиваиде и в пограничном с нею Египте; то Отцы собора написали к александрийской церкви послание о своем определении касательно его нововведений. Это послание есть следующее.

Соборное послание: «Святой, по Благодати Божией, и великой александрийской церкви, и возлюбленным братиям в Египте, Ливии и Пентаполисе, собравшиеся в Никее и составившие великий и святый собор епископы, о Господе желаем здравия. Так как, по благодати Божией и по воле боголюбивейшего царя Константина, собравшего нас из различных городов и областей, в Никее составился великий и святой собор, то показалось весьма нужным от всего святого собора послать грамоты и к вам, чтобы вы знали, что на нем было предложено и исследовано, и что признано утвердить. Прежде всего, в присутствии боголюбивейшего царя Константина исследован был вопрос о нечестивости и беззаконности Ария. На это все подали голос: предать нечестивое его учение анафеме; анафематствовать также хульные его выражения и имена, которые он употреблял для хуления Сына Божия, говоря, что Сын Божий из не сущего, что до своего рождения Он не существовал, что было время, когда Его не было, что Он произвольно может воспринимать зло и добро. Все это анафематствовал святой собор, которому даже невыносимо было слышать столь нечестивое учение, или безумие, и такие хульные выражения. Что против него, как против цели, было направлено, вы, без сомнения, или уже слышали, или услышите: говорить не хотим, чтобы не подумали, будто мы нападаем на человека, понесшего за свои грехи достойное наказание. Его нечестие было так сильно, что увлекло в погибель и Феону мармарикского, и Секунда птолемаидского, ибо они подверглись тому же самому. Но благодать Божия освободила Египет от этого злого учения, от сего хуления и нечестия и от тех лиц, которые дерзали возмущать и разделять примиренный свыше народ. Оставалось еще упорство Мелетия и рукоположенных им; но мы известим вас, возлюбленные братья, о мнении собора и касательно этой секты, собор определил оказать Мелетию более человеколюбия, хотя последний, судя строго, не стоил никакого снисхождения. Он останется в своем городе, но отнюдь не имеет права ни рукополагать, ни избирать, и по этому поводу не должен являться ни в селении, ни в городе, а только сохранять одно имя своего достоинства. Поставленные же им и утвержденные таинственным рукоположением принимаются в общение с тем, чтобы они, сохраняя свое достоинство и служение, занимали непременно второе место после всех лиц, которые поставлены в каждом приходе и церкви и избраны почтеннейшим сослужителем нашим Александром. Первые не имеют права ни избирать того, кто им нравится, ни предлагать имена, ни делать что-либо без согласия епископа кафолической, подвластной Александру церкви: напротив, по благодати Божией и вашим молитвам, не обличенные ни в каком расколе и живущие в недрах кафолической церкви неукоризненно могут и избирать, и предлагать имена лиц, достойных клира, и делать все, согласное с законом и церковным уставом. Если же кому-либо из церковников придется окончить жизнь, то в служение, вместо умершего, допускать недавно принятых, только бы они являлись достойными и избраны были народом, с согласия на

то и утверждения александрийского епископа. Это позволено и всем прочим, но в отношении к лицу Мелетия, ради прежних его беспорядков, ради безрассудного и упорного его нрава, мнение не таково: ему, как человеку, могущему снова произвести те же самые беспорядки, не дано никакого права и никакой власти. Это главным образом и собственно относится к Египту и святейшей александрийской церкви. Что же касается до прочих узаконений и постановлений, сделанных в присутствии владыки и почтеннейшего сослужителя и брата нашего Александра, то, возвратившись, он, как владыка и участник в событиях, сам подробнее донесет вам о них. Извещаем вас и о согласии в праздновании нашей святейшей Пасхи: по вашим молитвам решено и это дело, так что все восточные братья, прежде несогласные в этом праздновании с римлянами, с вами и со всеми, которые издревле хранят Пасху, отныне впредь будут праздновать ее с вами [19]. Итак, радуясь об успехе дел — о всеобщем мире и искоренении всякой ереси, примите тем с большею честию и тем с большею любовию нашего сослужителя, вашего епископа Александра, который радовал нас своим присутствием и, находясь в таком возрасте, подъял столько трудов для утверждения между вами мира. Молитесь о всех нас, чтобы признанное хорошим стояло прочно, силою Господа нашего Иисуса Христа, так как это совершилось, веруем, по благоволению Бога и Отца во Святом Духе, которому слава во веки веков. Аминь. Троица единосущная вечная». Такое-то врачество против болезни Мелетия предложил этот божественный собор архиереев. Однако ж, следы Мелетиева безумия сохранились и до настоящего времени: в тех, по крайней мере, странах есть какие-то общества монахов, которые не слушают здравого учения (2Тим **4**.3) и в образе жизни держатся некоторых пустых постановлений, сходных с нелепыми уставами Самаритян и Иудеев. Писал также и великий царь к тем епископам, которые не могли быть на соборе, извещая их о соборных деяниях. Считаю долгом приложить и это послание к своей Истории, так как оно ясно показывает боголюбивую душу писавшего.

Глава 10

Послание царя Константина к епископам, не бывшим на соборе, о соборных деяниях

Константин Август Церквам:

«Опытно зная по благополучному ходу государственных дел, сколь велика бывает благость божественной силы, я счел нужным прежде всего иметь в виду ту цель, чтобы между всеми блаженнейшими общинами вселенской церкви соблюдалась единая вера, искренняя любовь и согласное почитание Вседержителя Бога. Но так как это не могло бы иначе прийти в неизменный и твердый порядок, если бы не сошлись в одно место все или, по крайней мере, весьма многие епископы и не рассмотрели каждого предмета, относящегося к божественной вере, то я собрал сколько можно более епископов и, как один из всех вас (ибо признаюсь, что чувствую великое удовольствие быть вашим сослужителем), присутствуя на соборе сам, до тех пор подвергал все надлежащему исследованию, пока мысль, угодная блюстителю всех, Богу, не была озарена светом, как основание единения, пока не осталось более места разномыслию или недоразумению в рассуждении веры. Здесь было исследование и касательно святейшего дня Пасхи, и общим мнением признано за благо — всем и везде праздновать ее в один и тот же день. Ибо что может быть прекраснее и благоговейнее, когда праздник, дарующий нам надежды бессмертия, неизменно совершается всеми по одному чину и известным образом? Прежде всего показалось неприличным праздновать тот святейший праздник по обыкновению Иудеев [20], которые, осквернив свои руки беззаконным поступком, как нечистые, справедливо наказаны душевною слепотою. Отвергнув их обыкновение, гораздо лучше будет тем же, более истинным порядком, который мы соблюдали с самого первого дня страстей до настоящего времени, образ этого празднования продолжить и на будущие веки.

Итак, пусть не будет у нас ничего общего с враждебным народом иудейским, потому что нам указан Спасителем другой путь — перед нами лежит поприще законное и соответствующее священнейшей нашей вере. Вступая на него единомысленно, возлюбленные братия, отделимся от того постыдного общества, ибо, поистине, странно самохвальство иудеев, будто, независимо от их постановления, мы не можем соблюдать этого. Да и о чем правильно могут мыслить те, которые, совершив оное убийство Господа, сошли с ума и влекутся уже не здравым смыслом, а необузданным стремлением, куда бы ни направляло их врожденное им бешенство? Вот почему и в этом не видят они истины, так что, вдаваясь более и более в заблуждения вместо надлежащего исправления, в одном и том же году празднуют Пасху в другой раз. Для чего следовать им, когда известно, что они страждут столь страшным недугом заблуждения? Мы, конечно, не потерпим, чтобы наша Пасха была празднуема в одном и том же году два раза. А если сказанного недостаточно, то ваше благоразумие само должно всячески заботиться и желать, чтобы чистые ваши души ни в чем не сообщались с обычаями людей самых негодных. Сверх сего надобно сообразить, что разногласие в таком деле и касательно такого праздника веры беззаконно, ибо Спаситель наш дал нам один день для празднования нашего освобождения, то есть день страстей, и благоволил, чтобы однако же была вселенская Его церковь, члены которой, сколь ни по многим и различным местам рассеяны, согреваются, однако ж, единым духом, то есть, единою Божиею волею. Итак, да размыслит благоразумие вашего преподобия, как худо и неприлично то, что в известное время одни соблюдают пост, а другие совершают пиры и что после дней Пасхи одни проводят время в празднованиях и покое, а другие держат положенные посты. Потому-то божественный Промысл благоволил, чтобы это

надлежащим образом было исправлено и приведено к одному порядку, на что, думаю, все согласны. Когда же все это надлежало исправить, так чтобы у нас не оставалось ничего общего с теми отцеубийцами и Господоубийцами, и когда порядок, которому в этом отношении следуют все церкви западных, южных, северных и некоторых восточных областей империи, действительно благоприличен, а потому в настоящее время всеми признан хорошим, то ручаюсь, что он понравится и вашему благоразумию: ваша рассудительность, конечно, с удовольствием примет то, что единомысленно и согласно соблюдается в Риме, во всей Италии и Африке, в Египте, Испании, Галлии, Британии, Ливии, в целой Греции, в областях азийской, понтийской и киликийской. Она разочтет, что в поименованных местах не только большее число церквей, но и что все они желают этого порядка, как самого лучшего. Да, кажется, и здравый смысл требует, чтобы мы не имели никакого общения с клятвопреступными Иудеями. Кратко сказать: по общему суду всех, постановлено — святейший праздник Пасхи совершать в один и тот же день [21]. Не годится быть различию в отношении к столь великой святыне; гораздо лучше следовать положенному мнению, в котором нет никакой примеси чуждого заблуждения и погрешности. Если же это так, то с радостию приимите небесную благодать и поистине божественную заповедь, ибо все, что ни делается на святых соборах епископов, имеет отношение к воле Божией. Посему, объявив постановления собора всем возлюбленным нашим братьям, вы должны принять и утвердить как то, о чем говорено было нами прежде, так и соблюдение святейшего дня, чтобы, когда исполнится давнее мое желание — лично видеть вашу любовь, я мог вместе с вами, в один и тот же день, отпраздновать святой праздник и вместе с вами о всем радоваться, видя, что жестокость диавола при помощи Божественной силы укрощена нашими делами, и что повсюду процветают ваша вера, мир и единомыслие. Да сохранит вас Бог, возлюбленные братья!»

Глава 11

О содержании, какое назначено было для церквей, и о других добродетелях царя

Так писал он епископам, не бывшим на соборе, а тех, которые собрались в числе трехсот восемнадцати, обласкал многими приветствиями и дарами и, приказав приготовить большое число столов, угостил всех их вместе — достойнейших принял за свой стол, а прочих разместил за другими. Заметив же, что у некоторых исторгнуто по правому глазу, и узнав, что это страдание они потерпели за твердость в вере, он прикасался губами к их язвам с полной верой, что извлечет отсюда благословение для своей любви. Потом, по окончании пира, он снова одарил всех и вручил им письма к главным областным начальникам, которым повелевал доставлять в каждом городе готовое содержание лицам, обрекшим себя на всегдашнее девство и вдовство и посвященым на служение Богу, измеряя это содержание более щедростию, чем действительною нуждою. Третья часть такого содержания доставляется им и доныне, потому что, хотя нечестивый Юлиан [2 2] отнял у них все вообще, но преемник его [2 3] снова повелел выдавать, сколько теперь выдается, а причиной уменьшения выдачи был тогдашний голод. Если же доставляемое тогда содержание было втрое больше нынешнего, то из этого всякий, кто хочет, легко может узнать, сколь велика была щедрость царя. Несправедливо было бы, думаю, предать забвению и следующее. Какие-то сварливые люди взнесли обвинение на некоторых епископов, и свои доносы подали царю письменно. Царь, пока еще не было восстановлено согласие между епископами, принимал это и, сложив все в одну связку, запечатал своим перстнем и приказал хранить. Но потом, когда мир был утвержден, он принес поданные себе доносы в присутствии епископов и пред ними сожег их, утверждая клятвенно, что не читал ничего тут написанного; не надобно, говорил он, проступки иереев делать общеизвестными, чтобы народ, получив отсюда повод к соблазну, не стал грешить без страха. Сказывают, Константин прибавил к этому и следующее: если бы ему самому случилось быть очевидцем греха, совершаемого епископом, то он покрыл бы беззаконное дело своей порфирой, чтобы взгляд на это не повредил зрителям. Высказав такой урок и воздав такую честь иереям, он повелел каждому отправиться в свою паству. А я, в доказательство бесстыдства ариан, которые не только общих нам отцов презирают, но и от собственных отказываются, хочу внести в свою Историю послание Евсевия Кесарийского о вере, потому что оно содержит в себе живое обличение их безумия. Оказывая ему высокое уважение как своему сообщнику, они прямо противоречат его писаниям. Это послание Евсевий писал к некоторым последователям Ариева учения, которые, кажется, подозревали его в измене. Впрочем написанное лучше покажет цель писателя.

Глава 12

Послание Евсевия, епископа кесарийского, об изложенной в Никее вере

«О делах созванного в Никее великого собора касательно церковной веры вы, возлюбленные, вероятно, уже от других известились, потому что молва обыкновенно идет впереди подлинного сказания о событиях. Но чтобы истина путем одного слуха не дошла до вас переиначенною, мы сочли необходимым послать к вам, во-первых, предложенную нами формулу веры, а во-вторых, и ту, в которой к нашим выражениям сделаны и обнародованы прибавления. Формула, существовавшая у нас, прочтена в присутствии боголюбивейшего нашего царя, признана хорошею и одобрена. Она следующего содержания: «Изложенная нами вера [24]. Как приняли мы от предшествовавших нам епископов, и при первом оглашении, и при восприятии крещения, как научились из божественных Писаний; как веровали и учили в пресвитерстве и в самом епископстве, так веруем и теперь и представляем нашу веру. Вот она: Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца всего видимого и невидимого; и в единого Господа Иисуса Христа, Слово Божие, в Бога от Бога, в свет от света, в жизнь от жизни, в Сына единородного, перворожденного всей твари, который прежде всех веков родился от Отца, через которого все произошло, который для нашего спасения воплотился и пожил между человеками, и страдал, и воскрес в третий день и взошел к Отцу, и приидет опять во славе судить живых и мертвых. Верую и во единого Духа Святого [25]. Верую, что каждый из них есть и имеет бытие, что Отец — истинно Отец, Сын — истинно Сын, Дух Святой — истинно Дух Святой. Так и Господь наш, посылая своих учеников на проповедь, сказал: «шедше... , научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Свят о го Духа» (Мф **28**.19). В этом мы утвердились, это мыслим, этого и прежде держались, в этой вере будем стоять и до смерти, анафематствуя всякую безбожную ересь. Что все это восчувствовали мы сердцем и душою, сколько знаем самих себя, что все это чувствуем и теперь и что говорим искренно, в том свидетельствуемся Богом Вседержителем и Господом нашим Иисусом Христом, будучи готовы доказать и убедить вас, что мы так веровали, так проповедовали и во времена прошедшие».

По изложении нами этой веры, не оставалось места для противоречий. Напротив, и богомолки живейший царь наш первый засвидетельствовал, что оно верно и, что он сам также мыслит, а потому повелел присоединиться к нему всем, подписать эти догматы и быть в согласии с ними, прибавив только слово «единосущный», которое сам же истолковал, говоря, что единосущие разумеется не в отношении к свойствам тела, что Сын произошел от Отца не через деление или отсечение, ибо и не возможно, чтобы нематериальная, духовная бестелесная природа подлежала какому-либо свойству телесному, но что для выражения этого потребны слова божественные и тайнственные. Так любомудрствовал мудрейший и благочестивый царь наш, и епископы, по поводу прибавления слова «единосущный», составили следующую формулу: «Веруем во единого Бога Отца Вседержителя, Творца всего видимого и невидимого; и во единого Господа Иисуса Христа Сына Божия, единородного, от Отца рожденного, то есть из сущности Отца, в Бога от Бога, в свет от света, в Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного, единосущного Отцу, через которого все произошло как на небе, так и на земле, который для нас человеков и для нашего спасения сошел, воплотился и вочеловечился, страдал и воскрес в третий день, взошел на небеса и приидет судить живых и мертвых; и в Духа Святого. А говорящих, что было время, когда (Сына) не было, или что Его не было до рождения, или что Он родился из несущего, либо утверждающих, что Сын Божий существует из иной ипостаси или существа, или превратен, или изменяем, святая кафолическая и апостольская церковь

анафематствует». И так как эта формула обнародована ими, то выражений: «из сущности Отца» и «единосущного Отцу», как у них сказано, мы не оставляем без исследования. По поводу сих выражений возникали вопросы и ответы, и значение их рассмотрено было внимательно. Именно, слово «из сущности» они признают, как указание на то, что хотя Сын — от Отца, однако ж Он — не часть Отца. Это и по нашему мнению хорошо соглашается со смыслом благочестивого учения, проповедующего, что Сын — от Отца, но не есть как часть Его сущности. Посему этот смысл и мы подтвердили и, следовательно не отвергли слова «единосущие», имея в виду цель сохранить мир и не отпасть от правого образа мыслей. Потому же приняли мы выражение: «рожденного, несотворенного», ибо слово «творить» есть общее название прочих, сотворенных Сыном тварей, с которыми Сын не имеет никакого сходства и, следовательно, сам не есть творение, сходное с теми, которые произведены Им, но есть сущность, превосходнее всякой твари. Эта сущность, по учению Божественного слова, родилась от Отца неизреченным и непостижимым для всякой сотворенной природы образом рождения. С подобным же исследованием рассмотрено и то выражение, что Сын единосущен Отцу, то есть единосущен не по образу тел, и не так, как свойственно смертным животным, ибо это невозможно ни через разделение, ни через отсечение, ни через какое-нибудь свойство, или пременение, или изменение силы Отчей, потому что нерожденная природа Отца чужда всего этого. Единосущие Отцу означает то, что Сын Божий не проявляет никакого сходства с рожденными тварями, но во всех отношениях уподобляется одному Отцу-Родителю, и существует не от иной ипостаси и сущности, но от Отца. Как скоро оно изъяснено было таким образом, мы признали за благо принять его — тем более, что в некоторых древних сочинениях имя «единосущный», знаем, употребляли знаменитые епископы и писатели, когда богословствовали об Отце и Сыне. Но довольно об изложенной вере, в которой все мы согласились не без исследования, но на предложенных основаниях, решенных в присутствии самого боголюбивейшего царя и одобренных по высказанным причинам. После веры достойным принятия сочли мы и обнародованное епископами анафематствование, потому что оно запрещает употреблять слова, которых нет в Писании и от которых почти произошло в церквах все замешательство и волнение. Так как, например, ни в одной богодухновенной книге нет выражений «из не сущего» или «было время, когда (Сына) не было» и других за этими, то и не благоприличным показалось говорить и преподавать их. С этим прекрасным мнением мы и потому согласились, что и прежде сего не имели обыкновения употреблять подобные выражения. Также не неуместным признано предать анафеме и слова: «до рождения Его не было», ибо всеми исповедуется, что Он есть Сын Божий и до рождения своего по плоти. Сам боголюбивейший царь наш доказал от разума, что Сын Божий по Божественному своему рождению существует прежде всех веков, ибо и прежде рождения самым делом Он был у Отца в возможности нерожденно, так что Отец всегда есть Отец, равно как всегда Царь, всегда Спаситель, и в возможности все, всегда одинаков и один и тот же. К этому посланию, возлюбленные, вынудила нас необходимость: наше желание было показать вам осмотрительность нашего исследования и соглашения, то есть, что мы действительно, с самого начала до настоящей минуты, отстаивали свое мнение, пока в формулах веры представлялось нам что-нибудь не так. Когда же, по здравым исследованиям смысла слов оказалось, что эти слова сходны с теми, которые допущены в собственном нашем изложении веры, то мы приняли их без всякого спора, как не представляющие никаких затруднений».

Глава 13

Обличение ныне богохульствующих ариан из сочинений Евсевия, епископа кесарийского

Итак, Евсевий ясно засвидетельствовал, что слово «единосущный» не ново и не измышлено собравшимися тогда отцами, но из древности от предков перешло к потомкам. Равным образом и о том, что изложенное в Никее учение веры согласно принял весь тогдашний Собор епископов, свидетельствует он как здесь же, так и в другом сочинении, где превозносит похвалами образ действий Константина Великого. Он пишет так: «Сказав это на латинском языке, между тем как некто другой передавал то же на греческом, царь предложил предстоятелям церкви начать свои рассуждения. После сего одни стали обвинять своих ближних, другие — оправдываться и порицать друг друга. Тут представлено было весьма много с той и другой стороны, и еще в самом начале произошел большой спор, но царь терпеливо всех выслушивал и внимательно принимал представления. Разбирая, в частности, сказанное тою и другою стороною, он мало-помалу примирял упорно состязавшихся и кротко беседовал с каждым из них. Говоря на греческом языке, в котором был также не несведущ, он казался как-то усладительным и приятным. Одних убеждая, других усовещивая словом, иных, говоривших хорошо, хваля и каждого склоняя к единомыслию, он наконец согласил понятия и мнения всех касательно спорных предметов, так что вера принята была единогласно и определено одновременное везде совершение спасительного праздника. Затем, общие постановления преданы письмени и утверждены подписью каждого». А немного ниже Евсевий продолжает: «Устроив все таким образом, Константин отпустил всех их домой. Они возвратились с радостию и с того времени держались уже одного образа мыслей, утвержденного согласием царя, так что и разделенные великими пространствами, составляли как бы одно тело. Радуясь такому успешному окончанию дел, царь не присутствовавших на соборе епископов почтил посланиями, как самым зрелым плодом исследований, а народу в деревнях и пригородах повелел раздать нескудное число денег и вместе с тем отпраздновал двадцатилетие своего царствования». Итак, единомышленникам Ария, если они и не почитали делом нечестивым противоречить другим отцам, надлежало, по крайней мере, верить этому, который обыкновенно служит предметом их удивления и который, однако ж, показывает, что то исповедание веры было единодушное. Когда же они восстают и против мнений своих отцов, то должны всячески избегать выдуманного Арием нечестия, узнав постыднейшую и ужаснейшую смерть его. Так как не всем, может быть, известен род его смерти, то я расскажу, как она случилась.

Глава 14

О смерти Ария, из послания Афанасия

Прожив весьма долго в Александрии, Арий хотел снова величаться в церковных собраниях и распускал слух, будто отказывается от своего нечестия и обещается принять изложенное отцами исповедание веры. Но так как он не мог уверить в этом ни того божественного Александра, ни преемствовавшего ему в предстоятельстве и благочестии Афанасия, то, при содействии Евсевия Никомидийского, опять убежал в Константинополь. А что он здесь затевал и какой получил приговор от праведного Судии, это прекрасно описал великий во всех отношениях Афанасий в послании к Апиону. Отрывок из этого послания помещаю в своей истории. «Я не был тогда в Константинополе, когда он умер, но там был пресвитер Макарий, и от него-то слышал я следующее. По проискам евсевиан, Арий был позван царем Константином. Когда он вошел, царь спросил его: содержит ли он веру кафолической церкви? Тот поклялся, что верует право и подал письменное изложение своей веры, а между тем скрывал вину, за которую отлучен от церкви епископом Александром и прикрывался словами Священного писания. Когда же он поклялся, что не мыслит того, за что Александр отлучил его от церкви, то царь отпустил его, сказав: если вера твоя правая, то ты справедливо поклялся, а как скоро она нечестива и ты поклялся, то Бог с небес будет судить тебя. С этим вышел он от царя, и евсевиане со свойственным им насилием хотели ввести его в церковь. Но константинопольский епископ, блаженной памяти Александр воспротивился их намерению, утверждая, что обличенный в ереси не должен быть принимаем в общение. Наконец, сообщники Ария стали угрожать Александру: «Как независимо от вашей воли сделали мы то, что Арий позван был царем, — говорили они, — так завтра же, хотя это и не по мысли тебе, он будет с нами в сей самой церкви». День, в который это сказано, был субботний. Услышав такие угрозы и чрезвычайно опечалившись, епископ Александр вошел в церковь и, воздев руки к Богу, рыдал, потом повергся на лице в святилище и, лежа ниц, молился. Вместе с ним на молитве был и и Макарий и слышал его голос. Просил же он у Бога двух вещей, говоря так: если Арий завтра введен будет в церковь, отпусти меня, раба твоего, и не погуби праведного с нечестивым; если же ты милуешь свою церковь — а я знаю, что милуешь, — воззри на слова евсевиан и не предай в потребление и поношение наследия твоего; возьми прочь Ария, чтобы, когда он войдет в церковь, не показалось, что вошла с ним и ересь, и чтобы, наконец, не стали считать нечестие за благочестие. Помолившись таким образом, епископ вышел из церкви, чрезвычайно озабоченный.

И вот случилось чудо ужасное и странное: тогда как сообщники Евсевия продолжали угрозы, а епископ молился, Арий вполне надеялся на покровительство евсевиан и, много величаясь, сел на стул, по требованию чрева [26]. Тут, по Писанию, внезапно «ниц быв , он раз седеся посреди» (Деян **1**.18), и пал, изшед (Деян **5**.5), через что лишился того и другого — и общения, и жизни. Таков был конец Ария! Сильно пристыженные этим, сообщники Евсевия погребли своего единомышленника, а блаженной памяти Александр, при такой радости церкви, составил праздник в благочестии и православии, моля и торжественно прославляя Бога со всею братией, — не потому, что будто он радовался смерти, — нет, ибо каждому человеку лежит единому умрёти (Евр **9**.27), но потому, что этот суд Божий победил все суды человеческие; ибо сам Господь, рассудив между угрозами сообщников Евсевия и молитвою Александра, осудил ересь арианскую, показал ее недостойною церковного общения и тем обнаружил пред всеми, что она, хотя и нашла себе одобрение и покровительство у царя и у всех людей, осуждена, однако ж, самою истиною. Такие класы пожал Арий от злых своих семян! Еще здесь увидел он

преддверие будущих мучений и обличил свое нечестие самым своим наказанием». Но я обращаюсь к повествованию о благочестии царя. Он ко всем подданным Рима отправил послания, в которых убеждал их удаляться прежнего заблуждения и принять учение нашего Спасителя, через что привлекал всех к этой истине. Епископов же каждого города побуждал к созиданию церквей, поощряя их к тому не посланиями только, но и щедрыми денежными пожертвованиями и доставкой всего необходимого для производства работ. Это видно из самых его посланий, которые читаются так.

Глава 15

Послание царя Константина о созидании церквей. Победитель Константин Великий, Август — Евсевию [27].

«Так как злая воля и тиранство преследовали слуг Христа Спасителя даже до настоящего времени, то я верно и твердо убежден, возлюбленный брат, что все церковные здания либо от нерадения разрушились, либо от страха грозной несправедливости содержатся в неприличном виде. Ныне же, когда свобода возвращена и тот змей провидением великого Бога и нашим служением удален от управления государством, я думаю, для всех сделалась явною божественная сила, и, следовательно, павшие по страху, неверию либо по каким-нибудь прегрешениям, узнав истинного Бога, обратятся к истинному и правильному образу жизни. Поэтому и сам ты, как предстоятель церквей, знай, и другим местным предстоятелям-епископам, пресвитерам и диаконам напомни, чтобы они усердно занимались созиданием церквей, либо исправляя, какие есть, либо распространяя их, либо, по требованию нужды, построяя новые. В чем же встретится надобность, того испрашивай и для себя, и через тебя пусть испрашивают другие от правителей и областного начальства, ибо им предписано с совершенным усердием исполнять все, что будет сказано твоим преподобием. Бог да сохранит тебя, возлюбленный брат». Так писал он о созидании церквей к епископу каждой епархии. А что написано им Евсевию Палестинскому о приготовлении свитков священных книг, о том легко узнать из самого послания.

Глава 16

Его же другое послание о приготовлении свитков божественных Писаний. Победитель Константин Великий, Август — Евсевию.

«В соименном нам городе, по промышлению Спасителя Бога, к святейшей церкви вновь присоединилось весьма много людей, так что, с быстрым приращением всего, оказывается весьма приличным и умножение здесь церквей. Итак, прими со всею готовностию наше решение. Нам показалось приличным объявить твоему благоразумию, чтобы ты приказал опытным и отлично знающим свое искусство писцам написать на выделанном пергаменте пятьдесят томов, удобных для чтения и легко переносимых для употребления. В этих томах должно содержаться божественное Писание, которое, сам знаешь, особенно нужно иметь и употреблять в церкви. Для сего от нашей кротости послана грамота к правителю округа, чтобы он озаботился доставкою тебе всего нужного для их приготовления. Наискорейшее же приготовление их будет зависеть от твоего попечения. Для перевозки написанных томов это письмо наше дает тебе право взять две общественные подводы, на которых особенно хорошо написанные свитки легко будет тебе доставить и ко мне. Такое дело исполнит один из диаконов твоей церкви и, по прибытии к нам, испытает наше человеколюбие. Бог да сохранит тебя, возлюбленный брат!» И этого достаточно уже для того, чтобы засвидетельствовать или, лучше, ясно показать, как всеславный царь все свое усердие обращал к предметам божественным. Но к сказанному я прибавляю и то, что сделано им для спасительного гроба. Узнав, что безумные и неистовые почитатели идолов засыпали гроб Господень и через то старались предать забвению память нашего спасения и наверху его построили капище демону невоздержания, посмеиваясь рождеству Девы, царь сперва повелел разрушить это постыдное здание, а землю, осквернённую нечистыми жертвами, вынести и бросить как можно далее за город, потом приказал построить величайший и прекраснейший храм. Но это яснее видно в самом послании, которое писал он предстоятелю той церкви. Предстоятелем ее тогда был вышеупомянутый Макарий, который присутствовал на том великом соборе и вместе с прочими подвизался против богохульства Ариева. Послание царя таково:

Глава 17

Его же послание к иерусалимскому епископу Макарию о построении храма Божия. Победитель Константин Великий — Макарию.

Благость Спасителя нашего столь велика, что, кажется, никакое слово недостаточно для достойного описания настоящего чуда. Знамение святейших страстей, скрывавшееся так долго под землею и остававшееся в неизвестности в продолжение целых веков, наконец, через низложение общего врага, воссияло для освободившихся от него рабов Господних и поистине служит предметом выше всякого удивления. Если бы теперь со всего света собрались в одно место все так называемые мудрецы и захотели сказать что-либо достойное события, то не могли бы и кратко очертать его. Вера в это чудо во столько выше всякой природы, вмещающей в себе человеческий смысл, во сколько небесное превосходнее человеческого. Посему первая и единственная цель моя всегда та, чтобы вера в истину ежедневно подтверждалась новыми чудесами и чтобы таким образом наши души со всяким смиренномудрием и единомыслием ревновали о сохранении святого закона. Я хочу убедить тебя особенно в деле, очевидном для всякого, т.е. что у меня более всего заботы, как бы святое место, по воле Божией очищенное мною от постыдных принадлежностей капища, будто от какой тяжести, — то место, которое, по суду Божию, было с самого начала святым, а когда вера в спасительные страдания озарилась через него новым светом, сделалось еще с священнее, — как бы это место украсить превосходными зданиями. Поэтому твоя прозорливость должна так распорядиться и о всем необходимом иметь такое попечение, чтобы не только самый храм был великолепнее всех храмов, где-либо существующих, но чтобы и другие при при нем здания были гораздо превосходнее самых прекрасных по городам строений. Что касается до возведения и изящной отделки стен, то знай, что заботу об этом мы возложили на одного из отличнейших областных правителей, друга нашего Дракилиана, и на правителя вашей провинции. По требованию моего благочестия приказано, чтобы их попечением немедленно доставляемы были тебе и художники, и ремесленники, и все, по усмотрению твоей прозорливости, необходимое для постройки. Что же касается до колонн и мрамора, то, какие признаешь ты драгоценнейшими и полезнейшими, — сам рассмотри обстоятельно и постарайся написать ко мне, чтобы, узнав из твоего письма, сколько каких требуется материалов, я мог отовсюду доставить их, ибо самое дивное место в мире должно быть и украшено, как следует. Сверх того хочу знать, какой нравится тебе свод храма — мозаический или отделанный иначе. Если мозаический, то прочее в нем можно будет украсить и золотом. Твое преподобие имеет в самом скором времени известить вышеупомянутых судей, сколько требуется ремесленников, художников и издержек. Постарайся также немедленно донести мне не только о мраморе и колоннах, но и о мозаике, какую признаешь лучшею. Да сохранит тебя Бог, возлюбленный брат!

Глава 18

О Елене, матери царя Константина, и ее усердии в построении храма Божия

Это послание доставлено (епископу) не кем-нибудь иным, а самою матерью царя [28], тою матерью прекрасного сына, которую прославляют все благочестивые. Она-то, водительница этого света и питательница его благочестия, взяла на себя труды путешествия, презрела немощь старости, ибо совершала этот путь незадолго до своей смерти, а умерла восьмидесяти лет. Увидев место, принявшее спасительные для всего мира страдания, она тотчас повелела разрушить упомянутое постыдное капище и вывезти сор. Когда же открылась скрывавшаяся до того времени гробница, то явились три креста, зарытые при гробе Господнем. Тут все несомненно уверились, что один из них был крест Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа, а прочие кресты распятых с Ним разбойников, но никто не знал, который именно прикасался к телу Господню и принял капли драгоценной его крови. В этом случае мудрейший оный и поистине божественный Макарий, предстоятель города, разрешил это недоумение следующим образом. Одна знаменитая женщина одержима была продолжительною болезнию. Возлагая на нее с молитвой и благоговением каждый из этих крестов, он узнал силу креста Спасителя, который, лишь только коснулся той жены, тотчас исцелил тяжкую ее болезнь и возвратил ей прежнее здоровье.

Таким образом мать царя достигла того, что составляло предмет пламенных ее желаний. Что же касается до гвоздей, то некоторые она вбила в шлем царя, заботясь о голове своего сына, чтобы от нее отражались неприятельские стрелы, другие вковала в узду его коня, имея в виду и безопасность царя, и исполнение древнего пророчества, ибо задолго до того времени взывал пророк Захария: и «будет еже во узде коня свято Господу вседержителю» (Зах **14**.20). От креста же Спасителя небольшую часть положила она во дворце царском, а все остальное, вложив в серебряный, сделанный по ее приказанию ковчег, отдала епископу города, заповедав ему хранить для грядущих поколений памятник нашего спасения. Затем, доставив художникам из всех мест разного рода материалы, она построила те обширнейшие и великолепнейшие храмы. Описывать красоту и величие их я считаю совершенно излишним, потому что туда стекаются, можно сказать, все боголюбивые и богатство зданий видят сами. Вот и еще достопамятное деяние этой всеславной и дивной царицы: собрав всех дев, посвятивших себя Богу на целую жизнь, и, посадив их за столы, она сама отправляла при них должность служанки, прислуживала им, подавала кушанье и стаканы, наливала вино, держала умывальницу над тазом и поливала воду на их руки. Совершив такие и тому подобные дела, она возвратилась к своему сыну. Потом, преподав ему много наставлений касательно благочестивой жизни и излив на него последние благословения, мирно преставилась в другую жизнь. По смерти же получила ту честь, какую надлежало получить столь усердно и столь пламенно служившей Богу всяческих. Между тем сообщники Ария не забывали злых своих намерений.

Глава 19

О противозаконном перемещении Евсевия никомидийского

Между тем сообщники Ария не могли скрыть злых своих замыслов. Уступая обстоятельствам, они, правда, прилагали свои руки к исповеданию веры, однако ж, облекшись в овечью кожу, действовали по-волчьи. Когда тот божественный Александр, поразивший Ария своею молитвою, — разумею Александра, епископа византийского, ибо так в то время назывался Константинополь, — перешел в жизнь лучшую, защитник нечестия Евсевий, мало думая о тех определениях, которые незадолго сам же составил вместе с другими архиереями, немедленно выехал из Никомидии и, вопреки правилу, воспрещающему епископам и пресвитерам переходить из одного города в другой, присвоил себе престол константинопольский. Впрочем, и неудивительно, что люди, с таким неистовством восставшие против Божества единородного Сына Божия, безбоязненно нарушали и другие законы. Притом Евсевий не в первый раз теперь ввел эту новость, он отваживался на то же и прежде. Ибо был некогда епископом берийским, перескочил в Никомидию, откуда потом вместе с никейским епископом Феогнисом изгнан был после собора за явное нечестие. И это засвидетельствовал в своей грамоте царь Константин. Я внесу в свое повествование конец его послания. Так писал он к никомидийцам:

Глава 20

Послание царя Константина к никомидийцам против Евсевия и Феогниса

Кто научил этому столь незлобивый народ? Не другой кто, как поверенный в тиранской жестокости Евсевий, ибо можно видеть из многого, что он всегда был под защитою тирана: об этом свидетельствует убиение епископов, — и епископов истинных; об этом же громко вопиет и жесточайшее гонение на христиан. Я уже не говорю теперь о нанесенных лично мне оскорблениях, через которые скопища противников имели весьма много успехов. Он даже подсылал ко мне лазутчиков и подавал тирану чуть не вооруженную помощь. Да не подумает кто-либо, будто я не могу доказать этого. Верное доказательство то, что мною, как известно, явно схвачены были преданные Евсевию пресвитеры и диаконы. Но я оставляю это; не негодование движет моими устами, а желание пристыдить. Того только боюсь, о том только безпокоюсь, что они и вас, вижу, сделали участниками в преступлении; ибо через наставление и превратное учение Евсевия ваше сознание стало чуждым истины. Впрочем, вы не замедлите исцелиться, если, приняв ныне епископа верного и неукоризненного, будете взирать на Бога. Теперь это в вашей власти, да и прежде должно было бы зависеть от вашего суда, если бы вышеупомянутый Евсевий, при содействии людей, в то время сильных, не пришел сюда и бесстыдно не расстроил надлежащего порядка. Но так как об этом Евсевии нужно поговорить с вашею любовию, то ваше незлобие пусть припомнит себе бывший в городе Никее собор, на котором я и сам присутствовал, не имея в мысли ничего другого, кроме желания привести всех к согласию, прежде же всего обличить и отстранить зло, получившее начало от безумия Ария александрийского и усиленное нелепою и пагубною ревностию Евсевия. Этот самый Евсевий, возлюбленнейшие и почтеннейшие, с каким, думаете, усилием, — поскольку побеждаем был собственною совестию, — и с каким бесстыдством защищал отовсюду опровергнутую ложь! То подсылал он ко мне различных ходатаев за себя, то сам просил какого-либо с моей стороны содействия, чтобы ему, обличаемому в столь важном преступлении, не лишиться своей чести.

В этом свидетельствуюсь самим Богом, который милостив ко мне и к вам. А что Евсевий обошел и низко обманул даже меня, вы сейчас узнаете. Тогда все сделалось по его желанию, хотя в душе своей таил он всякого рода зло. Не говоря о других бесчестных его поступках, прошу вас выслушать особенно то, что сделал он вместе с сообщиком своего безумия Феогнисом. Я приказал выслать сюда из Александрии некоторых, отпавших от нашей веры, потому что через их происки разгоралось пламя вражды. Но упомянутые честные епископы, по милости собора однажды сохраненные для покаяния, не только приняли их и дали им у себя безопасный приют, но и стали разделять с ними злые их намерения. Посему с этими неблагодарными я определил поступить так: приказал взять их и сослать в самые отдаленные места. Теперь ваше дело — обратиться к Богу с тою верою, в которой, как известно, вы всегда жили, и, по этой вере живя правильно, поступать так, чтобы мы радовались, имея епископов неукоризненных, православных и человеколюбивых. А кто осмелится вспоминать о тех губителях или неосмотрительно хвалить их, тот в своей дерзости немедленно будет обуздан властию служителя Божия, то есть моею. Бог да сохранит вас, братья возлюбленные! Итак, те епископы в то время были низложены и из своих городов высланы, вместо же их Никомидия была вверена Амфиону, а Никея — Христу. Впрочем, впоследствии, употребив обычную себе хитрость и человеколюбие царя нашедши доступным для обмана, они снова начали борьбу и получили прежнюю власть.

Глава 21

О кознях, устроенных Евсевием и его сообщниками святому Евстафию, епископу антиохийскому

Между тем Евсевий, как я уже сказал, насильственно завладел и епископиею константинопольскою [29], а через то получил большую власть, так как находился вблизи царя, и, от частого собеседования с ним сделавшись смелее, стал строить козни защитникам истины. Прежде всего, притворившись, будто пламенно желает видеть Иерусалим, и льстиво говоря царю, что ему очень хотелось бы посмотреть на великолепие всюду прославляемых тамошних зданий, он отправился туда с величайшею почестию, так как царь дал ему и колесницы и все необходимое. С ним отправился и Феогнис никейский, как сказано, сообщник злых его замыслов. Прибыв в Антиохию и нося личину дружбы, они приняты были там с величайшим усердием, ибо защитник истины, великий Евстафий выразил им все братское свое добросердечие. Когда же достигли они святых мест и увиделись со своими единомышленниками, то есть Евсевием Кесарийским, Патрофилом Скифопольским, Аэцием Лидским, Феодотом Лаодикийским и другими, которые заражены были подобным учением Ария, то открыли им тайное свое намерение и прибыли с ними в Антиохию. Предлогом прибытия посторонних епископов выставлялась честь сопровождения Евсевия, а настоящей причиной была война против благочестия. Они подкупили непотребную женщину, которая торговала своею красотою, и, убедив ее послужить им языком, составили собрание [30]. Потом приказали всем выйти и ввели ту жалкую женщину. Женщина, указывая на свое грудное дитя, говорила, что она зачала его и родила от сожительства с Евстафием, и бесстыдно кричала. Видя явную клевету, Евстафий приказал женщине представить кого-либо, кто бы знал о том. Когда же она отвечала, что у нее нет свидетеля ее обвинения, то справедливейшие из судей предложили ей поклясться, хотя закон прямо говорит, что слова должны быть подтверждаемы двумя или тремя свидетелями, и Апостол заповедует не принимать обвинения на пресвитера без двух или трех свидетелей (1Тим 5.19).

Итак, презрев божественные законы, они без всякого свидетельства приняли донос на столь великого мужа. Когда же та женщина подтвердила слова свои клятвою и сказала, что дитя рождено действительно от Евстафия, то ревнители истины тотчас же произнесли ему приговор как любодею. Между тем другие архиереи, — а здесь немало было и защитников апостольского учения, которые совсем не знали о тайных кознях Евсевия, — явно противоречили этому и не дозволяли великому Евстафию принять произнесенный против него беззаконный приговор. Посему затеявшие это дело епископы поспешно отправились к царю и, убедив его в справедливости обвинения и своего приговора о низложении, сделали то, что подвижник благочестия и целомудрия изгнан был, как любодей и тиран. Евстафия отвели через Фракию в один город Иллирика.

Глава 22

О еретических епископах, рукоположенных в Антиохии по отбытии святого Евстафия

А вместо него евсевиане рукоположили Евлалия. Но так как Евлалий пожил недолго, то им захотелось переместить сюда Евсевия Палестинского. Когда же и сам Евсевий стал уклоняться от такого перемещения и царь не дозволять его, то они избрали Евфрония, а по смерти последнего, прожившего только год и несколько месяцев по рукоположении, передали епископство над тою церковию Плаценцию. Все эти епископы одинаково таили в душе своей пагубное учение Ария. Поэтому из христиан, державшихся благочестия, весьма многие между духовенством и народом, оставив церковные собрания, собирались отдельно. Их все называли евстафианами, потому что собираться отдельно начали они по отбытии Евстафия. Между тем та женщина, впав в тягчайшую и продолжительную болезнь, обнаружила бывший умысел — всю ту печальную историю, и рассказала о тайных кознях не двум или трем, но весьма многим священникам. Она призналась, что на ту клевету решилась за деньги и что, впрочем, ее клятва не совсем лжива, ибо дитя действительно родилось от Евстафия, ремеслом медника. Такие-то дела совершены были в Антиохии этим прекрасным собранием.

Глава 23

Об обращении к вере индийцев

В это время свет богопознания воссиял у индийцев [31], ибо, когда слава о мужестве и благочестии царя пронеслась всюду и окрестные варвары самым опытом научились предпочитать мир войне, тогда все стали безбоязненно входить во взаимное общение и многие частию из любопытства, частию по видам торговли начали предпринимать дальние путешествия. При этих-то обстоятельствах один сведущий во внешней философии тирянин пожелал видеть крайние пределы Индии и отправился туда с двумя юношами, родными братьями. Удовлетворив своему желанию, он сел на корабль и возвращался назад. Когда же корабль зашел в одну гавань, чтобы запастись водою, на мореплавателей напали варвары и одних потопили, а других забрали в рабство. Тирянин находился в числе умерших, а юноши приведены были к царю. Одного из них звали Эдесием, а другого — Фрументием. Владетель той земли долго испытывал их и, нашедши умными, поручил им управление своим домом. Кто не верит этому рассказу, тот пусть посмотрит на Иосифа и на царство египетское, да еще вспомнит о пророке Данииле и о тех трех подвижниках благочестия, потому что и они, быв пленниками, достигли начальства над вавилонянами. По смерти царя, два брата оставались при его сыне и пользовались еще большею честию [32]. А так как они были воспитаны в благочестии, то людей, приходивших в Индию для торговли, убеждали собираться по римскому обычаю и совершать божественную службу. Потом, по прошествии долгого времени, они приступили к царю и, в награду за свои услуги, просили у него дозволения возвратиться в отечество. Получив это дозволение, они прибыли в землю римскую, и Эдесий пошел в Тир, а Фрументий свиданию с родителями предпочел попечение о делах божественных и, отправившись в Александрию, рассказал предстоятелю тамошней церкви, сколь пламенно желают индийцы просвещения духовным светом. В то время кормило той церкви держал Афанасий. Выслушав это, он сказал: кто же лучше тебя может и рассеять мрак неведения упомянутого народа и просветить его сиянием божественной проповеди? Сказав таким образом, Афанасий сообщил ему благодать епископства и отправил его для просвещения индийцев [33]. Фрументий оставил отечество и, не обращая внимания на обширность моря, отправился к тому необразованному народу и при помощи божественной благодати усердно просвещал его. Совершая чудеса апостольские, он уловлял людей, пытавшихся противоречить его учению, и сила знамений, подтверждая его слова, ежедневно пленяла тысячи.

Глава 24

Об обращении иберийцев к благочестию

Итак, индийцев привел к Богопознанию Фрументий, а иберийцам в то же время указала путь к истине жена-пленница [34]. Она непрестанно упражнялась в молитве: разостланное на полу вретище было для нее ложем и мягкою постелью, а пост считала она высшим наслаждением. Такого рода подвигами приобретены ею апостольские дарования. Так как варвары, по недостатку врачебных познаний, имеют обычай во время болезни ходить друг к другу и от тех, которые были больны, а потом выздоровели, узнавать о способе лечения, то и к этой достохвальной пленнице пришла одна женщина с больным дитятею и просила сказать, что надобно делать. Жена, взяв дитя, положила его на постель и молила Творца всяческих, чтобы Он благоволил разрешить его от болезни. Господь принял ее молитву и даровал дитяти исцеление. С тех пор эта дивная жена стала всем известна, не скрылась даже и от супруги царя, и она вскоре пригласила ее, потому что сама одержима была какою-то тяжкою болезнью. Впрочем, по скромности своего нрава врачевательница отказалась исполнить ее просьбу. Тогда царица, вынуждаемая необходимостью, оставила без внимания царское свое достоинство и сама пришла к пленнице. А пленница, положив также и ее на свое ложе, опять употребила молитву как спасительное врачевание от болезни. За свое исцеление царица предложила ей такую награду, какую считала вожделенною, именно золото, серебро, нижние и верхние одежды, вообще разные дары царской щедрости. Но божественная жена сказала, что она не нуждается в этих вещах, но что сочтет великою для себя наградою принятие благочестия, и в то же время преподала царице, сколько могла, божественное учение и убедила ее построить исцелившему ее Христу святой храм. Выслушав это, царица возвратилась во дворец и изумила своего супруга скоростию своего исцеления. Потом, рассказав ему о силе Бога пленницы, она убеждала его признавать сего единого Бога, построить ему храм и к служению ему привесть весь народ. Царь прославлял совершенное над супругою чудо, но храма строить не хотел.

По прошествии немногого времени случилось ему отправиться на охоту, и здесь-то человеколюбивый Господь уловил его, как некогда Павла, ибо внезапно объявшая его тьма не позволяла ему идти далее, и между тем, как бывшие с ним на охоте наслаждались обыкновенным светом, он оставался один и связан был узами слепоты. Находясь в таком безвыходном положении, он нашел путь к спасению; ибо тотчас вспомнил о своем неверии и, призвав на помощь Бога пленницы, освободился от мрака, потом, отправившись к той дивной пленнице, просил ее показать образ храма. Тогда Тот, кто некогда исполнил художнической мудрости Веселиила, даровал и этой жене благодать начертания божественного храма. Итак, жена начертывала, а они рыли и строили. Когда же строение было окончено и положена крыша и только нужны были священники, тогда дивная жена легко устроила и это. Она убедила вождя того народа отправить послов к римскому царю и просить его, чтобы он прислал к ним учителя благочестия. Приняв этот совет, вождь действительно отправил к царю посольство, а царь — то был отменный ревнитель благочестия, Константин, — узнав о причине посольства, принял послов с величайшим дружелюбием и, избрав человека, украшенного верою, разумом и доброю жизнию, и удостоенного сана епископского, отправил его к тому народу в качестве проповедника с весьма многими дарами. Такой-то попечительности удостоил он иберийцев по их просьбе [35]. А о питомцах благочестия в Персии заботился он без всякого внешнего побуждения, ибо, узнав, что преследуют их неверные и что преданный заблуждению персидский царь строит им всякого рода козни, он писал ему и убеждал его обратиться к

благочестию, а благочестивых удостоить чести. Впрочем, самое послание лучше выскажет заботливость писателя.

Глава 25

Послание царя Константина к персидскому царю Canopy о христианах

Соблюдая божественную веру, я приобщаюсь свету истины; а руководясь светом истины, познаю божественную веру. Вот способы, которыми, как показывает самое дело, я держусь святейшего богопочтения и исповедую, что это служение есть наставник в познании святого Бога. Вспомоществуемый силою сего Бога, я начал от пределов океана и мало-помалу одушевил твердою надеждою спасения всю вселенную, так что все провинции, от порабощения столь многим тиранам и от стенания под бременем ежедневных бедствий почти исчезавшие, поступив под эту защиту, как бы ожили и исцелились, будто каким врачеванием. Сего-то Бога я чту; Его знание носит на раменах своих посвященное Богу мое войско и с ним устремляется всюду, куда призывает справедливость, немедленно получая в награду за это блистательные трофеи. Исповедую, что сего-то Бога я непрестанно содержу в памяти, сего-то в вышних живущего Бога прославляю ясною и чистою мыслию, Его призываю с коленопреклонением, гнушаясь всякою нечистою кровию, неприятными и отвратительными курениями и уклоняясь от всякого земного сияния, чем нечестивый и тайный обман низверг в преисподнюю многие народы и целые поколения, потому что Бог всяческих никак не хочет, чтобы люди прилагали к своим прихотям то, что Его промысл, по человеколюбию, произвел на свет для всеобщей пользы. Он требует от людей только чистой мысли и незапятнанной души, и только этим взвешивает дела добродетели и благочестия. Он услаждается делами милосердия и снисходительности, любит кротких, а мятежных ненавидит, любит верность, а неверность накажет, разрушает всякую надменную власть и казнит превозношение тщеславных, низвергает с высоты напыщенных гордостию, а смиренным и незлобивым воздаст по достоянию. Потому-то, высоко ценя и справедливое царствование, Он укрепляет его своею помощью и царственную мудрость охраняет тишиною мира. Не думаю, брат мой, чтобы я заблуждался, признавая сего Бога началовождем и отцом всего. Многие из здешних государей, увлекшись буйными и превратными помыслами, решились отвергать Его, но всех их в наказание постиг такой конец, что целое поколение следовавших за ними людей подражателям подобной жизни указывает на их бедствия как на пример. Одним из них, по моему мнению, был и тот, которого Божий гнев, подобно молнии, изгнал отсюда и предал вашей стране, где он, к своему стыду, сделался столь знаменитым у вас трофеем. Впрочем, и то, вероятно, послужило к добру, что даже в наше время подобные люди были явно наказываемы; ибо и сам я видел смерть тех, которые недавно беззаконными распоряжениями мучили преданный Богу народ.

Итак, да будет великое благодарение Богу, что, по Его всесовершенному промыслу, все человечество, служащее божественному закону, веселится и радуется, наслаждаясь возвращенным себе миром. Это и меня самого убедило, что все находится в самом лучшем и безопаснейшем положении, поскольку Богу угодно привесть к себе всех людей посредством чистого и истинного Богопочтения, внушая им единомыслие касательно предметов божественных. Можешь представить себе, как я обрадовался, услышав о числе людей, разумею христиан, к пользе которых клонится мое слово, услышав, что ими, соответственно моему желанию, украшаются лучшие провинции Персии. Да будет же и им столь хорошо, сколь хорошо тебе; да наслаждаются они благополучием, как и ты! За это Господь всяческих удостоит тебя снисхождения, милости и благоволения. Итак, я поручаю их тебе, как государю великому, вверяю их известному твоему благочестию; люби их согласно с твоим человеколюбием. Такою верою ты доставишь и себе и нам неописанное благодеяние. Так-то заботился этот наилучший

царь о людях, украшавшихся благочестием. Его попечение простиралось не только на своих подданных, но по возможности и на тех, которые жили под чужою державою. За то и сам он пользовался особенным божеским благоволением. Управляя всею Европою, Ливиею и, сверх того, большею частию Азии, он везде имел подданных благомыслящих, которые с удовольствием покорялись его власти. Да и из варваров одни подчинялись ему добровольно, а другие служили, быв покорены оружием. Он повсюду воздвигал трофеи и являлся царем-победителем. Впрочем, это обширнее прославлено уже другими, а мы будем держаться предположенной истории. Итак, всехвальный этот царь носил в своей душе истинную апостольскую попечительность. Между тем некоторые, даже и удостоенные священства, не только не хотели назидать церковь, но старались подорвать и самое ее основание, ибо на тех-то именно, которые управляли церквами согласно с апостольским учением, сплетая всякого рода клевету, низлагали их и изгоняли. Так, не насытилась их ненависть, составив ту пресловутую басню о великом Евстафии, они замыслили подкопать и другой величайший столп благочестия и употребляли для этого различные козни. Я расскажу, сколько можно короче, и эту печальную историю.

Глава 26

О кознях, направленных против св. Афанасия

Через пять месяцев после никейского собора, скончался тот дивный епископ Александр, подвизавшийся против богохульного учения Ариева [36], и предстоятельство в александрийской церкви принял Афанасий, муж с детства напитанный божественным учением и проходивший с особенным достоинством все степени церковного чина. На великом соборе он подвизался за апостольские догматы, и потому защитники истины прославляли его, а противники ее в этом противоборнике видели врага себе и неприятеля. Афанасий присутствовал на соборе вместе с знаменитым Александром, и хотя был молод возрастом, но уже начальствовал над саном диаконов. Так как люди, решившиеся вести войну против единородного Сына Божия, знали по опыту, что он готов защищать истину, то, осведомившись, что ему вверено кормило александрийской церкви, его начальствование сочли гибелью для своей секты. Вследствие сего они вот что замышляют. Тот Мелетий, которого низложил Никейский собор, не переставал возбуждать смуты и мятежи в Фиваиде и в смежном с нею Египте. Пользуясь этим, они, чтобы отклонить от себя всякое подозрение в доносе, подкупили одного из его соумышленников и убедили его идти к царю и сплесть клевету, будто Афанасий собирает пошлину с Египта и собираемые деньги препровождает к одному человеку, замышляющему тиранию [37]. Обманув таким образом царя, они привели Афанасия в Константинополь. Но, явившись, он обличил лживость доноса и опять получил вверенную себе от Бога церковь [38]. Это видно и из того послания, которое царь писал к александрийской церкви и которого конец я приведу здесь.

Глава 27

Послание царя Константина к александрийцам

...Ничего не могли сделать лукавые против вашего епископа, поверьте мне, братья. Ничего не достигли они, кроме того, что, погубив наше время, не имеют уже в настоящей жизни места для покаяния. Итак, заботьтесь сами о себе, прошу вас; любите возлюбленного вашего и всеми силами гоните тех, которые хотят уничтожить благодать вашего единодушия. Возводя очи свои к Богу, любите друг друга. А я радушно принял вашего епископа Афанасия и беседовал с ним в полном убеждении, что беседую с человеком Божиим.

Глава 28

Другой навет на епископа Афанасия

Впрочем, нечестивые и этим не тронулись, но составили другую басню, какой не выдумывал ни один их бывших в древности трагиков или комиков. Подкупив опять доносчиков из того же сообщества, они приводят их к царю, и те кричат, будто этот подвижник добродетели совершил многие и невыразимые злодеяния. Вождями их были Евсевий, Феогнис и Феодор перинфский (Перинф теперь называется Ираклиею) [39]. Обвинители утверждали, что те злодеяния не только нестерпимы, но и невыносимы для слуха [40], и таким образом убедили царя созвать собор в Кесарии палестинской, где именно Афанасий имел наиболее недоброжелателей, и повелеть там судить его. Царь поверил им, как священникам, ибо совсем не знал скрываемых ими замыслов, и предписал быть по сему; но божественный Афанасий, зная неблагорасположение своих судей, не прибыл на собор. Через это восставшие войною против истины, получив новый повод к клевете, кроме других преступлений, обвиняли Афанасия еще в тирании и дерзости против царя, — и не совсем обманулись в своей надежде, ибо кротчайший государь, услышав о том, разгневался и, выразив свой гнев в письме к Афанасию, приказывал ему ехать в Тир, так как здесь повелел он собраться собору, предполагая, кажется, что Афанасию подозрительна Кесария из-за ее предстоятеля. Между тем царь писал и собору [41], как прилично было писать человеку, украшенному благочестием. Вот его послание.

Глава 29

Послание царя Константина к собору

Константин Август святому собору в Тире:

Естественно и с мирным состоянием нынешнего времени, кажется, было бы очень сообразно, чтобы вселенская церковь наслаждалась безмятежием, а служители Христовы оставили теперь всякую ссору. Но так как некоторые из них, подстрекаемые жалом превратного любопения, не говорю уже — ведущие жизнь недостойную своего звания, стараются все приводить в смятение, что, по моему мнению, выше всякого несчастия, то я обращаюсь, как говорится, к доброй вашей воле и прошу вас, без всякого отлагательства собравшись в одно место, составить собор, подать помощь нуждающимся, уврачевать находящихся в опасности братии, привести к единомыслию разрозненные члены и исправить зло, пока позволяет время, чтобы столь многим епархиям возвратить надлежащее согласие, разрушенное — какое безумие! — высокомерием очень немногих людей. А что такое дело и Господу Богу всяческих благоугодно, и нам всего вожделеннее, и вам самим, если восстановите мир, доставит не малую славу, в том, думаю, все согласны. Итак, не медлите долее, но с этой же минуты, усугубив свое усердие, постарайтесь положить надлежащий конец происшедшим раздорам. Соберитесь со всею искренностию и верою, которой при всяком случае чуть не словами требует от нас чтимый нами Спаситель.

С моей же стороны не будет упущено ничто, относящееся к моему благоговению; исполню все, о чем вы писали. Я отправил уже письмо к тем епископам, которых вы хотели, и требовал, чтобы они приехали и участвовали в ваших заботах, отправил также к вам проконсула Дионисия, чтобы он напомнил о приезде на ваш собор тем, кому должно, и наблюдал за ходом событий, особенно за благочинием. Кто же, — чего впрочем не ожидаю, — осмелится и теперь пренебречь нашим повелением и не явится на собор, к тому мы пошлем чиновника, который по царскому указу изгонит его и научит, что определениям самодержца, направленным к защите истины, противиться не должно. Впрочем, от вашей святости будет зависеть посредством общего суда, не побуждаясь ненавистию, ни пристрастием, но руководясь церковным и апостольским постановлением, придумать приличное врачество, как для преступлений, так и для случайных погрешностей, чтобы и церковь освободить от всякого поношения, и мои облегчить заботы, и вам самим, через возвращение благодати мира возмущаемым ныне церквам, стяжать величайшую славу. Бог да сохранит вас, возлюбленные братия! Итак, по съезде епископов в Тир туда же пришли и некоторые другие, обвиняемые в превратном учении, в числе которых был и Асклепа газский. Пришел и дивный Афанасий. Но я хочу наперед рассказать о жалком вымысле доносчиков и потом описать все происходившее на этом пресловутом судилище.

Глава 30

О соборе, бывшем в Тире

Из числа сообщников Мелетия был некто епископ Арсений. Мелетиане скрыли его и просили, чтобы он как можно долее не показывался. Потом, отсекши правую руку от одного мертвого тела, посолили ее и, положив в деревянный ящик, всюду носили, говоря, что она отсечена у Арсения, и убийцею называя Афанасия. Но всевидящее око не допустило долго скрываться Арсению. Сначала сделалось известным в Египте и Фиваиде, что он жив, а потом Господь привел его в Тир, куда эта, возбудившая много толков, рука принесена была на суд. Здесь окружавшие Афанасия схватили его и, поместив в гостинице, до некоторого времени держали в тайне. Между тем сам великий Афанасий с рассветом пришел в заседание. Тут сперва привели одну, распутной жизни женщину, которая бесстыдно пришла и говорила, что она дала обет девства и что Афанасий, принятый ею как гость, изнасиловал ее и растлил против воли. Лишь только женщина произнесла это, вошел обвиняемый, а вместе с ним и один достохвальный пресвитер, по имени Тимофей. Судьи тотчас же приказали Афанасию отвечать на это обвинение, но он молчал, как будто бы не был Афанасий, а Тимофей сказал женщине: так я когда-то имел с тобою связь, жена? Я ходил в твой дом? Тут она стала еще бесстыднее кричать, подошла к Тимофею, подняла руку и, указывая на него пальцем, говорила: «Да, ты отнял у меня девство, ты лишил меня целомудрия» — и многое другое, что обыкновенно говорят женщины, потерявшие стыд от крайнего распутства. Когда таким образом посрамлены были изобретатели этой басни и пристыжены знавшие о том судьи, женщина была выведена.

Великий Афанасий при этом сказал, что отпускать ее не должно, а надобно исследовать и узнать, кто выдумал ту басню, но злоумышленники закричали, что есть и другие, более важные обвинения, которых нельзя опровергнуть никаким искусством и никакою ловкостью, потому что судьею предложенного будет не слух, а зрение. Сказав это, они открыли тот пресловутый ящик и вынули из него посоленную руку. Увидев ее, все вскрикнули — одни потому, что считали это действительным злодеянием, а другие потому, что хотя и видели здесь ложь, но думали, что Арсений еще скрывается. Как скоро наступило непродолжительное молчание, обвиняемый спросил судей, знает ли кто из них Арсения? На этот вопрос многие отвечали, что они хорошо знают сего мужа. Тогда Афанасий приказал ввести его и опять спросил: это ли тот Арсений, которого я убил, а они отыскивали и который, после убиения, осрамлен и лишен правой руки? Когда же они сознались, что это он, то Афанасий, раскрыв его плащ, показал обе его руки, правую и левую, и примолвил, что третьей, конечно, никто искать не будет, потому что каждый человек получил от Творца всяческих только две руки. После такого обнаружения козней и доносчикам, и знавшим об обмане судьям следовало бы скрыться и желать, чтобы земля поглотила их, но они вместо того произвели в собрании шум и мятеж, называя Афанасия чародеем и говоря, что он каким-то волшебством отводит глаза людей. Незадолго перед тем обвиняя его в человекоубийстве, они сами теперь решились истерзать и убить его, и только лица, которым поручено было от царя заботиться о благочинии, воспрепятствовали им совершить это. Вырвав победителя из их рук, они посадили его на судно и таким образом сохранили ему жизнь. Афанасий отправился к царю и рассказал ему всю эту печальную историю, а судьи, избрав некоторых из единомышленных себе епископов, как-то: Феогниса никейского, Феодора перинфского, Мариса Халкидонского, Наркисса киликийского и других подобных им, послали их в Мареотиду. Мареотида есть страна александрийская, получившая название от озера Мареа. Здесь-то, измыслив ложь, подделав несколько показаний и приложив к

ним обличенные клеветы как истинные обвинения, они все это отправили к царю.

Глава 31

Об освящении храма во Иерусалиме и об изгнании святого Афанасия

А сами отправились в Элию [42], куда по выезде из Тира царь приказал отправиться всему собору. В Элию же повелел он Отовсюду съезжаться и другим епископам и освятить построенные им храмы. Вместе с тем он послал туда и некоторых особенно любимых им начальников с приказанием, чтобы они в изобилии доставляли все всем, не только архиереям и лицам, их сопровождавшим, но и бедным, стекавшимся туда со всех сторон. Божественный жертвенник он разукрасил царскими покровами и золотою утварью, сиявшею драгоценными камнями. Когда это блистательнейшее празднество таким образом совершилось, епископы возвратились в свои города, а царь, узнав о светлости и великолепии торжества, исполнился радости и возблагодарил Подателя благ за то, что Он услышал и это его желание. Между тем к нему пришел Афанасий и жаловался на несправедливый суд собора. Вследствие чего обвиняемым епископам он приказал явиться к себе. Епископы приехали и, предвидя, что будут явно обличены, оставили прежние клеветы и сказали царю, будто Афанасий грозился воспрепятствовать вывозу пшеницы из Египта. Поверив этим словам, царь сослал Афанасия в один город Галлии, по имени Триверу (Трир). Это было в тридцатый год его царствования [43].

Глава 32

О завещании блаженного царя Константина

Спустя год и несколько месяцев царь, в бытность свою в Никомидии, заболел. Зная, как неверна человеческая жизнь, он принял здесь дар божественного крещения; а отлагал его до настоящего времени потому, что хотел удостоиться этого в реке Иордане. Наследниками своего царства оставил он трех сыновей: Константина, Констанция и Константа, по летам самого младшего [4 4]. Повелел также, чтобы великий Афанасий возвратился в Александрию, и это повеление дал в присутствии Евсевия, который всячески старался внушить ему противное.

Глава 33

Защищение того же царя

Да не удивляется никто, что обманываемый царь ссылал в ссылку столь великих мужей: он верил архиереям, которые хотя скрывали в себе лукавство, однако ж имели все наружные достоинства и тем вводили его в заблуждение. Знающим Священное писание известно, что и божественный пророк Давид был также обманут; и обманул его не архиерей, а домашний и негодный раб, — разумею Сиву, который налгал царю на Мемфивосфея и за то получил его поле. Впрочем, это я говорю не в обвинение пророка, а для того, чтобы защитить царя, показать слабость человеческого естества и научить, что не должно слушать только обвинителей, хотя бы они были и очень достойны веры, но одно ухо надобно оставлять и для обвиняемого.

Глава 34

О кончине царя Константина

Итак, царь переселился в лучшее царство. Областные начальники, вожди войска и все другие власти положили его в золотой гроб и перенесли в Константинополь. А перед гробом и за гробом шло все войско, горько оплакивавшее свою потерю, потому что все имели в нем нежного отца. Какой чести удостоилось его тело и сколько времени оставалось оно в царском дворце — так как начальствующие ожидали прибытия его сына, — о том писать считаю излишним, потому что это описано другими, которых сочинения не трудно прочитать и из них узнать, как этот общий покровитель награждал добрых своих слуг. А кто не верит сему, тот пусть посмотрит, что совершается ныне при его гробнице и статуе. Тогда он поверит писанию и словам Господа: «прославляющих меня прославлю и уничижающих меня уничижу» (1Цар **2**.30).

Книга 2

Глава 1

О возвращении святого Афанасия

Итак, пробыв в Тревире два года и четыре месяца, божественный Афанасий возвратился в Александрию[45], — и старший сын Константина Великого, царь Константин, управлявший западною Галлиею, по этому случаю написал к александрийской церкви следующее послание.

Глава 2

Послание царя Константина, сына Константинова, к александрийцам

Константин кесарь — народу кафолической александрийской церкви.

«От вашей благочестивой проницательности, думаю, не скрылось, что Афанасий, истолкователь достопоклоняемого закона, был на время послан в Галлию — для того, чтобы, по жестокости кровожадных и непримиримых врагов, угрожавших опасностью священной главе его, не потерпеть ему от разврата злых неисцелимого зла. Для сохранения его от такой именно жестокости он был исторгнут из челюсти нападавших на него людей и послан жить под моим покровительством, так чтобы в назначенном для его жительства городе иметь ем му в изобилии все нужное, хотя достохвальная его добродетель, полагаясь на помощь Божию, вменила бы ни во что и бремя тягчайшей участи. Потом, желая особенно удовлетворить боголюбивейшему вашему благочестию, владыка наш, блаженной памяти Константин, благочестивейший родитель мой, вознамерился уже возвратить упомянутого епископа на собственное его место, но так как, не исполнив еще сего желания, он предварен был человеческим жребием и почил, то, сделавшись наследником намерения блаженной памяти царя, я с счел долгом исполнить его. Увидевшись с Афанасием, вы сами узнаете от него, какое питал я к нему уважение. Да и неудивительно, если я что-нибудь сделал в его пользу: к этому располагали и побуждали мою душу сколько выражения вашей любви, столько же доблес сть сего мужа. Божественное промышление да хранит вас, возлюбленные братья».

С этим посланием божественный Афанасий прибыл в Александрию и радостно принят был всеми — горожанами и поселянами, знатными и незнатными. Только приверженцев Ариева заблуждения обуздывало его возвращение. Посему Евсевий, Феогнис и все, принадлежавшие к их обществу, снова обратились к обыкновенным своим козням и стали опять без умолку трубить в уши еще юного тогда царя. Здесь надобно сказать, как этот государь совратился с прямого пути апостольских догматов.

Глава 3

О том, как царь Констанций уклонился от правой веры

Жена Лициния, Констанция, была сестра Константина. К ней имел доступ один пресвитер, носивший в себе заразу арианства. Болезни своей он явно не обнаруживал, но, беспрестанно входя с Констанциею в беседы, говорил ей, будто бы Арий подвергся клевете. Всехвальный Константин, после смерти нечестивого мужа своей сестры, имел о ней чрезвычайное попечение и никак не допускал, чтобы она, вследствие своего вдовства, испытала какое-нибудь огорчение. Он даже присутствовал при самой ее кончине и оказывал ей надлежащие услуги. В это-то время она велела позвать к себе упомянутого пресвитера и просила царя, чтобы он удостоил его покровительства. Константин тогда обещал ей это и впоследствии исполнил обещание — облек его особенною доверенностию. Но сколько ни велико было уважение к тому пресвитеру, он, зная твердость убеждений царя в вере, не посмел обнаружить пред ним своей болезни. Наконец, собираясь прейти в царство нетленное, Константин в своем завещании разделил между сыновьями государство тленное, и, так как никто из них не присутствовал при его кончине, он вверил завещание одному только этому пресвитеру, приказав передать его Констанцию, потому что Констанций находился ближе других братьев и по всем ожиданиям должен был приехать прежде их. Пресвитер передал завещание, как было повелено, и, став через то известным Констанцию, скоро сделался человеком к нему близким и получил приказание бывать у него как можно чаще. Потом, заметив, что мысли Констанция непостоянны и подобны тростям, туда и сюда колеблем мым противными ветрами, он осмелился начать войну против евангельских догматов. Как бы оплакивая бурное волнение церквей, он говорил, что виновны в этом те, которые внесли в учение веры чуждое Писанию слово «единосущный», и что это именно производит раздо оры и между духовными, и между мирянами. Вместе с тем, обвиняя Афанасия и единомысливших с ним, он начал потом строить против них козни. Пользуясь содействием этого человека, Евсевий, Феогнис и Феодор перинфский (Феодор был человек весьма ученый и написал толкование на божественные евангелия; его называют обыкновенно ираклийским), как соседи царя по жительству, часто видались с ним и уверяли его, что возвращение Афанасия из ссылки породило множество зол и что буря опять охватила не только Египет, но и Палестину, и Финикию, и другие сопредельные области.

Глава 4

О вторичном изгнании блаженного Афанасия,также о поставлении на его место Григория и о смерти последнего

Такими и подобными речами осаждая легкомысленный ум Констанция, они убедили его изгнать Афанасия из александрийской церкви[46]. Но Афанасий, узнав наперед об их кознях, сам удалился и переехал на запад. Евсевиане выду умали на Афанасия клеветы и изложили их в послании к римскому епископу; а римскою церковию в то время управлял Юлий[47]. Повинуясь церковному закону, он велел и самим клеветникам приехать в Рим[48], и звал на суд божественного Афанасия. Последний поспешил принять это приглашение, а составители обвинения в Рим не ехали, зная, что ложь их легко откроется, и так как овец нашли без пастыря, то вместо пастыря поставили над ними волка, которому имя было Григорий[49]. Шесть лет, подобно дикому зверю, терзая александрийскую паству, он вынудил себе наказание за зло и от своих пасомых погиб жестокою смертию. Между тем Афанасий обратился к Константу, потому что старший из царей — братьев, Константин, был убит на войне, и жаловался ему на козни арианского скопища, говоря со слезами, что против апостольской веры идет открытая война. Он напоминал ему о его родителе, о созванном по его приказанию великом соборе и о том, что, сам участвуя в заседаниях, он определения епископов утвердил законом. Умоляя таким образом царя, Афанасий пробудил в нем ревность его отца[50]. Выслушав все, Констант тотчас же послал своему брату письмо, в котором увещевал его хранить наследие отцовского благочестия неприкосновенным. Отец наш, писал он, утвердив царство благочестием, истребил и римских тиранов, покорил и все окрестные варварские народы. Тронувшись этим письмом, Констанций издал повеление, чтобы как восточные, так и западные епископы собрались в Сардику, город иллирийский, митрополию дакийской провинции, потому что, кроме этого, было в церкви много и других болезней, требовавших соборного врачевания.

Глава 5

О константинопольском епископе Павле

Зараженные язвою арианства в возбуждении смут обвиняли также и константинопольского епископа, ревностнейшего поборника правых догматов, Павла, а к этому присоединяли несколько и других клевет, какие обыкновенно взносили на проповедников благочестия. Народ, однако же, не допустил тогда увезти своего епископа в Сардику, страшась арианских против него замыслов. Но спустя немного времени ариане склонили на свою сторону легкомысленнейшего царя и, изгнав Павла из царственного города, переселили его в Кукуз — маленький городок, принадлежавший прежде к каппадокийской области, а теперь причисленный ко второй Армении. Начальники всех смут не удовлетворились даже и тем, что дивного Павла заточили в пустыню. Они еще послали исполнителей кровавого своего замысла и предали его насильственной смерти. О всем этом свидетельствует божественный Афанасий, к причинам своего бегства, изложенным в защитительной его речи, присоединив сказание и о Павле. Преследуя и нашедши сего константинопольского епископа, ариане открыто задушили его в упомянутом каппадокийском городе Кукузе и орудием своего злодейства употребили тамошнего префекта Филиппа, который был представителем их ереси и усердным слугою в злых их замыслах. Вот какие кровавые злодеяния произрастило богохульство Ариево. Впрочем, неистовству против Единородного свойственны злодейские поступки и против служителей Его.

Глава 6

О Македонии и происшедшей от него ереси

Предав таким образом смерти, или лучше, переселив в царство небесное Павла, ариане поставили на его место Македония, ибо почитали его своим единомышленником, так как он, подобно им, богохульствовал на Всесвятого Духа. Впрочем, немного спустя они изгнали и его — за то, что он не хотел называть тварию Того, кого Священное писание именует Сыном. Отверженный же ими по этой причине, он сделался основателем своей собственной ереси. Не называя Сына единосущным Отцу, он учил, по крайней мере, что Сын во всем подобен Родившему, но Духа Святого именовал прямо тварию. Все это действительно так, как мы сказали, произошло спустя немного времени.

Глава 7

О соборе, бывшем в Сардике

В Сардику, по сказанию древних свидетельств, собралось двести пятьдесят архиереев[51]. Сюда прибыл и Афанасий Великий, и Асклепа газский, о котором я прежде упомянул, и Маркелл, епископ Анкиры, митрополии галатийской, бывший уже епископом во времена великого собора. Сюда прибыли и обвинители их, представители еретического скопища, прежние судьи дел Афанасия. Узнав же, что собор непреклонно и здраво стоит в божественных повелениях, они не явились в заседание, хотя и были званы, но и обвинители, и неправедные судьи — все вместе разбежались[52]. Впрочем, об этом лучше всего свидетельствует самое послание собора, которое, для большего удостоверения, я и внесу в свое повествование.

Глава 8

Соборное послание, написанное собравшимися там епископами, к епископам по всей вселенной

«Святой собор, Божиею благодатию собравшийся из Рима, Испании, Галлии, Италии, Кампании, Калабрии, Африки, Сардинии, Паннонии, Мизии, Дакии, Дардании, другой Дакии[53], Македонии, Фессалии, Ахайи, Эпира, Фракии, Родопы, Азии, Карий, Вифинии, Геллеспонта, Фригии, Писидии, Каппадокии, Понта, другой Фригии, Киликии, Памфилии, Лидии, островов Цикладских, Египта, Фиваиды, Ливии, Галатии, Палестины и Аравии, — епископам по всей вселенной и сослужителям кафолической и апостольской церкви, возлюбленным братиям, желает здравия о Господе. Слепые приверженцы арианства осмеливались много раз и много злого воздвигать против рабов Божиих, блюстителей правой веры. Распространяя искаженное учение, они всячески пытались гнать православных и наконец так восстали против веры, что это не могло уже не дойти до слуха боголюбивейших царей. Посему, при содействии Божией благодати, сами боголюбивейшие цари собрали нас из разных областей и городов и дали нам возможность составить этот святой собор в городе Сардикцев, чтобы таким образом уничтожить всякое разногласие и, изгнав всякого рода нечестивые верования, повсюду соблюсти единую истинную веру во Христа.

По приглашению также благочестивейших царей прибыли сюда епископы и с востока, главным образом по случаю непрестанных толков о возлюбленных братиях и сослужителях наших, Афанасии, епископе александрийском, Маркелле, епископе анкирогалатийском, и Асклепе газском. Может быть, клеветы дошли и до вас самих, может быть, они поражали и ваш слух, чтобы вы, поверив речам, направленным против невинных, упустили из виду пагубную ересь клеветников. Но не долго позволялось им такое дело, потому что церквами управлял Господь, ради их и ради всех нас претерпевший смерть и через церкви указавший всем нам путь к небу. Единомышленники Евсевия, Мариса, Феодора, Феогниса, Урзакия и Валента, Минофанта и Стефана давно уже писали сослужителю нашему, епископу римской церкви, Юлию, против упомянутых сослужителей наших, Афанасия, епископа александрийского, Маркелла, епископа анкирогалатийского, и Асклепы газского, но писали также епископы и других стран[54], свидетельствуя о невинности сослужителя нашего Афанасия и уверяя, что все, донесенное на него единомышленниками Евсевия, есть не более как ложь и клевета. В самом деле, ложность их доноса теперь ясно обнаружилась — особенно из того, что были призываемы возлюбленным сослужителем нашим Юлием, они не явились по его приглашению, — равно как и из писем того же епископа Юлия, потому что, без сомнения, явились бы, если бы смело могли доказать все, что писали и делали против наших сослужителей. Впрочем и самыми своими поступками на этом святом и великом соборе они еще яснее обнаружили свое злоумышление.

По прибытии в город Сардику и осведомлении, что здесь находятся братья наши, Афанасий, Маркелл, Асклепа и другие, им опасно было явиться на суд. Не раз, не два, а многократно приглашали их, но они не вняли приглашению. Все бывшие на соборе епископы, особенно же Осия[55], старец преклонный, и по летам, и по своему исповедничеству, и потому даже, что подъял толикие труды путешествия, достойный всякой чести и уважения, все они дожидались, все убеждали их прийти на суд и в присутствии наших сослужителей доказать то, что было разглашаемо и писано против них заочно. Но быв званы, как сказано, не явились и тем обнаружили свою клеветливость. Они отказались идти и, следовательно, только что не провозгласили, что все их обвинения суть умысел и козни, ибо кто надеется на верностьсвоих

слов, тот непобоится стать с ними пред лицом противника. А так как они не пришли к нам, то всякий, думаем, поймет, что если и опять захочется им умышлять коварство, они, не имея возможности доказать что-нибудь против наших сослужителей, будут клеветать на них заочно и бегать от них при встрече. Да, возлюбленные братья, они убежали — не потому только, что доносы их оказались клеветою, но и потому, что должны были увидеть здесь людей, которые их самих обвиняли в разных преступлениях, которые принесли сюда свои узы и железные оковы, которые явились здесь по возвращении из ссылки, и эти люди были также наши сослужители. Они пришли к нам от лица содержавшихся там заточенных. К числу их принадлежали сродники и друзья лиц даже убитых. Между пришедшими к нам, что всего важнее, находились епископы, из которых один носил железы и цепи, говоря, что он терпит это через ариан, другие свидетельствовали о приготовляемой себе их кознями смерти, ибо они дошли до такого неистовства, что даже покушались умертвить одного епископа и умертвили бы его, если бы он не убежал из рук их (тут-то как бы восстал из мертвых сослужитель наш, блаженной памяти Феодул, избегавший их наветов, когда, по их проискам, приказано было умертвить его), а иные показывали нанесенные себе их мечами раны либо жаловались, что были мучимы от них голодом. И это подтверждали своим свидетельством не какие-нибудь случайно встретившиеся люди, но целые церкви. Прибывшие от них послы доказали нам, что эти враги пользовались оружием войск, дреколием черни, угрозами судей, подделкою грамот. В подтверждение сего читали мы послание приверженцев Феогниса против сослужителей наших, Афанасия, Маркелла и Асклепы, написанное к царям с целью преклонить их на свою сторону. То же засвидетельствовано и бывшими тогда диаконами Феогниса, которые сверх того доносили об обнажении дев, о сжигании церквей, о темничном заключении наших сослужителей, — и все это делалось не ради чего другого, а только ради ненавистной ереси ариан, ибо отказывавшиеся от общения с ними необходимо должны были претерпевать подобное гонение.

Наконец, оглянувшись на такие дела, гонители увидели, что их предприятия доведены до крайности, и, устыдившись своих поступков, когда уже невозможно было скрывать их, прибыли в Сардику, чтобы своим прибытием внушить мысль, будто они ни в чем невиновны. Но увидев, что сюда же сошлись и оклеветанные ими, и терпевшие от них, что здесь же находятся с глазу на глаз и обвинители их, и обличения, — они, сколько ни звали их, не явились в собрание, — не явились, несмотря на то, что сослужители наши, Афанасий, Маркелл и Асклепа, с великим дерзновением жаловались на них, настойчиво звали их на суд и объявляли, что не только обличат их в клевете, но и покажут, сколько погрешали они против самих церквей. Собственная совесть поразила их столь великим страхом, что они обратились в бегство и бегством обличили себя в клевете, самим бегством выразили признание в своих преступлениях. Впрочем, хотя и прежние, учиненные ими поступки, и настоящие очевидно показывают злонравие их и клеветливость, однако ж, чтобы и из самого своего бегства они не могли вывести какого-нибудь повода к новому злодеянию, мы решились по всей справедливости исследовать все, что было совершено ими. Предположив же себе это, мы из самого свойства дел их увидели, что они клеветники и что в делах их нет ничего, кроме наветов на сослужителей наших. Они говорили, будто Афанасий умертвил Арсения, а Арсений жив и был допрашиваем живыми. Из этого уже видно, что и прочие толки их — не более как выдумки. Что же касается до потира, будто бы разбитого, как разглашали они, пресвитером Афанасия Макарием, то прибывшие сюда из Александрии, Мареотиды и других тамошних мест засвидетельствовали, что ничего такого не бывало. А египетские епископы в своем послании к сослужителю нашему Юлию настойчиво требовали, чтобы в этом отношении и подозрения не было. Ариане говорят, что у них против Афанасия есть документы, какие удалось им собрать на месте: но в этих документах призываемы были к допросу только язычники и оглашенные. Один из них, оглашенный, при

допросе показал, что он сам находился в храме, когда пришел туда Макарий, а другой, быв также допрашиваем, объявил, что пресловутый их Исхирас, по болезни, оставался тогда в келий. Из этого видно, что в то время во храме не совершалось никакого таинства, ибо и оглашенные находились внутри его, и Исхираса не было в нем, но по болезни он лежал дома. Да и сам всезлобный Исхирас, налгав, будто Афанасий сжег какие-то божественные книги, и потом сознавшись в своей лжи, говорил, что тогда, как Макарий был в церкви, сам он по болезни лежал в постели, следовательно, и в этом деле показал себя клеветником. Вероятно, в награду за эту-то новую клевету Исхирасу дали они имя епископа, хотя он до того времени не был и пресвитером. К нам прибыли два пресвитера, служившие некогда с Мелетием, потом принятые блаженной памяти Александром, епископом александрийским, теперь же находящиеся при Афанасии. Они засвидетельствовали, что Исхирас никогда не был пресвитером, что в Мареотиде Мелетий вовсе не имел ни церкви, ни священнослужителя. И однако ж, человека, не бывшего Даже пресвитером, ариане возвели теперь в епископы, конечно, а для того, чтобы, удостоив такого имени клеветника, побудить к клевете и других слышащих об этом.

Мы прочитали также сочинение сослужителя нашего Маркелла, — и коварство евсевиан открылось само собою; ибо что высказывал Маркелл только в виде изыскания, то самое они клеветливо сочли за его исповедание. Да, мы прочитали как начала, так и следствия в изыскании Маркелла, — и правая вера этого мужа оказалась видною. Он вовсе не говорит, как утверждали они, будто Слово Божие получило начало от Святой Марии или будто царство его окончится: напротив, пишет, что оно и безначально, и бесконечно. Равным образом и сослужитель наш Асклепа представил нам акты дела, производившегося о нем в Антиохии, в присутствии обвинителей и кесарийского епископа Евсевия, и самыми решениями судивших его епископов доказал свою невинность. После сего арианам естественно было возлюбленные братья, несмотря на многократный зов, не послушаться и бежать. Быв гонимы собственною совестью, они через это бегство сами подтвердили свою клеветливость и заставили поверить всем делам, о которых рассказывали и свидетельствовали присутствовавшие на соборе обвинители. К тому же людей, за арианскую ересь давно уже низложенных и отлученных, они не только принимали в общение, но и возводили их на высшие степени, именно диаконов — в пресвитеры, а пресвитеров — в епископы, и делали это не для чего другого, как, с одной стороны, для рассеяния и распространения своего нечестия, а с другой — для истребления веры истинной. Вожди арианства ныне, после евсевиан, суть: Феодор ираклейский[56], Наркисс неронианский — в Киликии, Стефан антиохийский, Георгий лаодикийский, Акакий кесарийский — в Палестине, Минофант Эфесский — в Азии, Урзакий сингидунский — в Мизии, Валент мурсийский — в Паннонии, ибо они-то именно прибывшим вместе с собою восточным не позволили идти на святой собор и решительно не допустили их явиться в церковь Божию. Еще на пути делали они по местам собрания и с угрозами условливались между собою — по прибытии в Сардику отнюдь не идти на суд и не сходиться в одно место со святым и великим собором, но, приехав, дать только знать о себе, что приехали, и тотчас же бежать. Об этом узнали мы от сослужителей наших Макария[57] палестинского и Астерия аравийского, которые путешествовали вместе с ними, но отступили от их неверия. Явившись на святой собор, эти епископы жаловались на претерпенное от них насилие и говорили, что у них ничто не делается по правде, прибавляя к этому, что между ними было много людей, противодействовавших в пользу правой веры, но что этим людям они препятствовали идти сюда и, кто хотел отступить от них, того удерживали либо угрозами, либо обещаниями. Поэтому-то, конечно, они постарались поместиться все в одном доме и не позволяли кому бы то ни было из своих уединиться даже на самое короткое время[58]. Итак, считая долгом не умалчивать и не скрывать рассказов о клеветах, об узах, об убийствах, о побоях, о подделке грамот, о телесных

казнях, об обнажении дев, о ссылках, о разрушении церквей, о поджогах, о переходе из малых городов в значительнейшие епархии, особенно же о ненавистной арианской ереси, восстановляемой ими против правой веры, мы возлюбленных братьев своих и сослужителей — Афанасия, епископа александрийского, Маркелла анкиро-галатийского, Асклепу газского и всех, служащих с ними Господу, объявляем чистыми и невинными и пишем каждой епархии, чтобы народ тех церквей знал о невинности собственного епископа и его именно почитал и надеялся иметь своим епископом, а тех, которые вторглись в их церкви, подобно волкам, то есть Григория александрийского, Василия анкирского, Квинтиана газского, пусть никто не называет ни епископами, ни христианами и не имеет с ними никакого общения, пусть никто не принимает от них посланий и сам не пишет им. Феодора же, епископа Ираклеи европейской[59], Наркисса, еп. Неронианы киликийской, Акакия кесарийско-палестинского, Стефана антиохийского, Урзакия, еп. Сингидона мизийского, Валента, епископа мурсийского, что в Паннонии, Минофанта Эфесского и Георгия лаодикийского, которые, хотя по боязни и не приходили с востока, но так как уже были низложены блаженной памяти епископом александрийским Александром, — всех их за то, что они вместе с прочими разделяют ариево безумие, равно как и за сделанные на них доносы, святой собор единогласно низлагает с епископского престола.

Мы определили — не только не быть им епископами, но и не иметь им общения с верными, потому что тех, которые отделяют Сына от естества и Божества Отчего и отчуждают Слово от Отца, естественно следует самих отделить от вселенской церкви и сделать чуждыми имени христианского. Итак, за искажение слова истины, да будет им и от вас, как от нас, — анафема, ибо таково апостольское повеление: аще кто благовестит вам «паче, еже приясте, анафема да будет» (Гал **1**.9). Объявите, чтобы никто не имел с ними общения; потому что нет общения «свету ко тьме» (2Кор **6**.14). Далеко отгоните от себя всех их, потому что нет согласия «Христови с велиаром» (2Кор **6**.15). И смотрите, возлюбленные братья, чтобы ни им не писать, ни от них не принимать посланий. Напротив, старайтесь, возлюбленные братья и сослужители, согласоваться с нашим собором, так как бы вы сами присутствовали на нем духом, и подтвердите его определения своею подписью, чтобы таким образом везде и между всеми сослужителями нашими сохранялось единомыслие[60]. Мы и отлучаем и изгоняем из вселенской церкви всех, которые утверждают, что Христос, конечно, есть Бог, но Бог не истинный, что Он есть Сын, однако ж Сын не истинный, что Он рожден и вместе не рожден, а слово «рожден» они понимают так, как бы говорили: Он получил начало. Поелику же Христос существует прежде веков, то они приписывают ему начало и конец — не во времени, а вне всякого времени. Вот тебе от арианского аспида готовы еще две ехидны: Валент и Урзакий. Они хвастливо и не обинуясь называют себя христианами, а между тем говорят, что Слово вместе с Духом было распято, убито, умерло и воскресло, и — о чем еретики особенно любят состязаться — будто ипостаси[61] Отца, Сына и Св. Духа различны и отдельны. Мы же напротив приняли, изучили и держим такое вселенское и апостольское предание, такую веру и исповедание, что ипостась — одна, или, как называют это сами еретики, существо Отца, Сына и св. Духа — одно. А кто спросил бы: какая ипостась Сына? Мы исповедали бы, что та самая, которая, по всеобщему согласию, принадлежит Отцу, что Отец не был и не мог быть без Сына, равно как Сын без Отца и Слово без Духа, ибо нелепо говорить, будто Отец когда-нибудь был без Сына. Что один без другого не мог ни называться так, ни быть, о том свидетельствует сам Сын, говоря: «аз во Отцы, и Отец во мне есть» (Ин **14**.10), и «аз и Отец едино есма» (Ин **10**.30). Никто из нас не отвергает, что (Сын) рожден: но Он рожден прежде всего, что называется видимым, — Он есть Творец и Создатель архангелов и ангелов, всего мира и человеческого рода, как сказано: «всех художница научи мя премудрость» (Прем.**7**:21) и — «вся тем бысша» (Ин **1**.3). Сущее всегда Слово не могло

иметь начала, ибо, получив начало, Ему невозможно было бы существовать всегда, между тем как Бог бесконечен. Мы не говорим, что Отец есть Сын, или еще, что Сын есть Отец, но утверждаем, что Отец есть Отец, а Сын есть Сын Отца. Исповедуем, что Слово Бога Отца есть Сын, кроме которого нет другого, и что Слово есть истинный Бог, и Премудрость, и Сила. Мы преподаем, что Оно есть истинный Сын, а не так называем Его Сыном, как именуются другие сынами, ибо те называются иногда богами — по благодати возрождения, иногда — сынами по удостоению, а не по единству ипостаси, принадлежащей Отцу и Сыну.

Мы исповедуем Его единородным и перворожденным, но Слово единородно — поскольку всегда было и есть во Отце, а Сын перворожден по человеческой природе, особенно же потому, что Он есть новая тварь, как перворожденный из мертвых. Мы исповедуем, что един есть Бог, исповедуем единое божество Отца и Сына. Никто никогда не отвергает, что Отец есть болий Сына, не по отличию ипостаси или какому другому различию, а потому, что самое имя Отца более имени Сына. Богохульно и превратно то толкование, будто Сын для того сказал: «Аз и Отец едино есма», что имел в виду согласие и единомыслие со Отцом. Все мы, члены вселенской церкви, отвергли это безумие и жалкое мнение их, Что можно предположить не менее той мысли, что будто, как смертные люди, когда поссорятся, по взаимной неприязни бывают обо всем различного мнения, а потом снова мирятся, так могут ссориться и разногласить Бог Отец Вседержитель и Сын Его? Нет, мы веруем, утверждаем и убеждены в том, что Божественным изречением: «Аз и Отец едино есма» указывается на единство ипостаси, которая одна и та же принадлежит Отцу, одна и та же — Сыну. Веруем равным образом, что Сын царствует со Отцем всегда, безначально и бесконечно, что царство Его не определено никаким временем и никогда не прекратится, ибо что существует всегда, то не начиналось и не может окончиться. Веруем также и приемлем Утешителя Св. Духа, которого сам Господь обещал и послал нам. Веруем, что Он послан, но не Он страдал, а человек, в которого облекся и которого воспринял (Христос от Духа Святого и) Марии Девы, ибо человек может страдать, потому что он человек, существо смертное, а Бог бессмертен. Веруем, что в третий день воскрес не Бог в человеке, а человек в Боге, и этого человека Сын принес в дар своему Отцу, этого человека освободил от греха и тления. Веруем и тому, что в положенное неопределенное время Он будет судить всех и во всем. Но безрассудство еретиков столь важно и ум их ослеплен таким непроницаемым мраком, что они не могут видеть света истины. Они не понимают, в каком смысле сказано: «да и тии в нас едино будут» (Ин **17**.21). Ясно, каким образом едино.

Апостолы приняли Святого Духа Божия, однако ж от этого сами не были Духом и никто из них не был ни Словом, ни Премудростию, ни Силою, ни Единородным. Как Я и Ты едино есмы, сказал Господь, так и они да будут в нас едино. Но в божественном изречении положено точное разграничение. В нас едино да будут, говорит Он; не сказал, как Мы едино есмы, — Я и Отец, но да будут тии, то есть ученики, через союз и единение между собою, едино в вере, исповедании, благодати и благочестии Бога-Отца, да возмогут тии быть едино по благоволению и любви Господа и Спасителя нашего. Из этого послания можно видеть и клеветливость обвинителей, и несправедливость прежних судей, и вместе здравый смысл догматов сардикского собора. Бывшие на нем блаженные отцы изложили для нас учение не только о существе Божием, но и о домостроительстве спасения. Узнав обо всем, Констант досадовал на легкомыслие брата, особенно же негодовал на тех, которые тут развивали свои замыслы, злоупотребляя удобопреклонностию царя. Итак, избрав двух епископов из числа бывших на сардикском соборе, он послал их с письмом к брату, и в сопутники им дал одного военачальника, по имени Салиан, отличавшегося благочестием и справедливостию. В самом же письме Константа содержались не только увещевания и советы, но и угрозы естественные в устах царя благочестивого. Он писал брату, во-первых, о благосклонном выслушании

посылаемых епископов и о том, чтобы он обратил внимание на дерзкие поступки Стефана и других; потом, о возвращении Афанасия его пастве, так как и клеветы на него, и неприязненность к нему прежних беззаконных его судей — все открылось. К этому он присовокупил, что если Констанций не послушается и не окажет справедливости, то он сам пойдет в Александрию и возвратит Афанасия жаждущим присутствия его овцам, а толпу ненавистных им людей выгонит. Констанций был в то время в Антиохии. Получив здесь это письмо, он дал обещание все исполнить по воле своего единоутробного брата. Но те, для кого такое обещание было досадительно, то есть обычные враги истины, подготовили к сему случаю одно весьма дурное и нечестивое дело. Для помещения приехавших архиереев отведен был дом при подошве горы, а военачальник занял другую квартиру.

Глава 9

О епископах Евфрате и Викентии и о коварном умысле против них в Антиохии

Стефан, державший тогда кормило антиохийской церкви, погрузил свой корабль в бездну. Между прочими исполнителями необузданного его тиранства, распоряжаясь которыми он окружил православных всякого рода бедствиями, главным был один молодой человек, необыкновенно дерзкий и предавшийся беззаконной жизни. Он с ругательствами и побоями не только уводил людей с площади, но даже врывался в дома и оттуда с бесстыдством извлекал мужей и почтенных жен. Впрочем, не распространяясь много в описании его лукавства, я расскажу о наглом его поступке с упомянутыми выше достопочтеннейшими мужами: этого будет довольно, чтобы доказать, какие беззаконные оскорбления делал он жителям Антиохии. Пришедши к одной непотребной женщине, он сказал ей, что какие-то недавно прибывшие чужестранцы желают провести с нею ночь. Потом, взяв пятнадцать соумышленников и скрыв их по склону горы за заборами, повел ее. В это время перекликался он с соучастниками своего замысла и, посредством условленного знака уверившись, что они на месте, продолжал идти с нею к воротам квартиры тех мужей. Ворота были отворены, потому что один из служителей подкуплен был устроить это. Таким образом он ввел женщину во двор и, показав дверь в дом, в котором должны были спать оба прибывшие архиереи, приказал ей войти туда, а сам пошел позвать своих соумышленников. В передней комнате случилось спать Евфрате — так назывался старший из епископов, а Викентии — имя другого — спал во внутреннем покое. Как скоро непотребная женщина вошла в комнату (а тогда было уже темно), Евфрата, услышав шум ее шагов, спросил, кто ходит. И едва только та отозвалась, пришел в ужасное смятение. Он вообразил себе, что говорит с ним демон, подделываясь под женский голос, и в ту же минуту стал призывать на помощь Христа Спасителя. Между тем Онагр — так звали предводителя злодейской шайки, потому что он и руками и ногами, будто копытами, бил благочестивых, — этот Онагр вошел с своею толпою сюда же и называл беззаконниками самых тех, которые хотят быть судиями беззакония. Тут поднялся необыкновенный шум, сбежалась домашняя прислуга, встал и Викентии. Ворота тотчас заперли и успели схватить семерых заговорщиков, но Онагр с прочими соумышленниками убежал. Вместе с другими пойманными взяли под стражу и женщину. Поутру епископы разбудили сопровождавшего их военачальника и пошли с ним во дворец. Жалуясь на наглую дерзость Стефана, они говорили, что для обличения его злодейств не нужно ни следствия, ни пыток. Особенно же горячо обвинял его военачальник, умоляя царя, чтобы наглое беззаконие он повелел исследовать судом не синодским, а гражданским, и обещал прежде всего представить к пытке епископских клириков, только надобно, говорил он, чтобы тому же подвергнуты были и служители Стефана. Так как Стефан бесстыдно противился и говорил, что клириков не должно подвергать побоям, то царь и правительство положили допрос по этому делу произвести во дворце. Прежде всех спросили женщину, кто привел ее в квартиру епископов, и она объявила, что какой-то молодой человек приходил к ней и сказал о прибытии и желании чужестранцев, и что потом, с наступлением вечера, он же повел ее в их квартиру и, на пути отыскав поставленных им в засаде людей, ввел ее через ворота на двор и приказал ей войти в переднюю. Она рассказала также, как окликнул ее епископ, как он испугался, как начал молиться и как сбежался народ.

Глава 10

О низложении Стефана

Выслушав это, судьи велели выйти на середину самому младшему из пойманных. Он, не дожидаясь пыток, прямо открыл, как было дело, и признался, что все устроено Онагром. Позван был и Онагр и показал, что ему велел сделать это Стефан. Обличив таким образом лукавство Стефана, судьи предоставили бывшим в то время в Антиохии епископам низложить его, а потом изгнали его из церкви. Однако же антиохийская церковь через это не совсем освободилась от арианского поношения: предстоятельство в ней после Стефана получил Леонтий[62], родом хотя из Фригии, но человек с умом коварным, опасный, как подводные камни. Впрочем, о Леонтии я буду говорить немного ниже[63]. Дознав опытом козни, устроявшиеся епископам, Констанций тотчас же послал письмо к Афанасию Великому, и писал ему раза три, прося его возвратиться с запада. Я помещу в этом сочинении письмо его второе, как самое краткое.

Глава 11

Письмо Констанция к Афанасию

Констанций победитель, Август — к Афанасию

«Хотя и в прежнем письме мы ясно высказали, чтобы ты без опасения прибыл в нашу столицу, потому что сильно желаем послать тебя в твое место, однако ж и теперь пишем к твоей непоколебимости о том же самом и убеждаем тебя без всякого подозрения и страха взять общественную подводу и спешить к нам, чтобы получить, чего желаешь».

Глава 12

О втором возвращении святого Афанасия

Когда вследствие сего Афанасий возвратился, Констанций принял его благосклонно и повелел ему снова вступить в управление александрийской церковию[64]. Но тогдашние при дворе временщики, зараженные язвою арианства, начали говорить, что Афанасий должен уступить в Александрии одну церковь тем, которые не захотят иметь с ним общение. Это самое сказали они царю, царь передал Афанасию, а Афанасий отвечал, что царскому приказанию надобно повиноваться, но что и он также хо отел бы объявить свое желание и просьбу. Царь обещал охотно согласиться на все, чего бы он ни попросил, — и Афанасий сказал, что равным образом и в Антиохии нужен какой-нибудь молитвенный храм людям, не желающим иметь общение с обладателем церквей, и что поэтому справедливо было бы также уступить им один из домов, назначенных для богослужения. Царь согласился, находя, что такое прошение законно и справедливо. Но представители еретического скопища воспротивились этому и сказали, что лучше уже не отдавать церкви ни тем, ни другим. После сего Констанций удивился мудрости Афанасия и отпустил его в Александрию. Григорий тогда уже умер, и его умертвили сами же александрийцы[65]. Узрев своего пастыря, александрийские христиане назначили народные угощения и отправляли торжественнейшие праздники в честь Афанасия и во славу Божию. Но спустя немного времени Констант окончил свою жизнь[66].

Глава 13

О третьем изгнании Афанасия и его бегстве

Тогда ариане, располагавшие Констанцием с полною свободою, напомнили ему о ссоре его с братом за Афанасия; так что едва не расторглись между ними естественные узы родства и не возгорелась война. Увлеченный подобными речами, Констанций повелел не только изгнать, но и убить божественного Афанасия и послал одного военачальника, Севастиана, с войском по возможности многочисленным, приказав умертвить его как злодея. О том, как действовал этот военачальник и как убежал Афанасий, лучше всего расскажет сам чудесно спасшийся от бедствия страдалец[67]. В апологии своего бегства он пишет следующее: «Пусть разведают, однако ж, и об образе удаления и узнают об этом от своих же. Ибо вместе с воинами шли и ариане, чтобы возбуждать их действовать решительнее и указать им меня, так как лично я был неизвестен им. Но, хотя и не по чувству сострадания, а скорее от стыда, воины, слушая их, сохраняли спокойствие; была уже ночь, и некоторые из народа остались для всенощного бдения в церкви и ожидали службы. Вдруг явился воевода, приведший с собою более пяти тысяч воинов, вооруженных, с обнаженными мечами, с луками, стрелами, дубинками, как и прежде было сказано, и окружил церковь, поставив воинов очень близко друг к другу, чтобы никто не мог, выходя из церкви, ускользнуть от них.

Считая делом неразумным, при таком смятении, оставлять народ, а не предотвращать грозящую ему опасность, я сел на свое место и приказал диакону читать псалом, а народу припевать: «яко в век милость Его» (Пс **135**.1), и вместе с тем, выходя из церкви, расходиться по домам. Наконец, воевода уже подступил, воины обложили алтарь, чтобы схватить нас, бывшие в церкви клирики и миряне кричали и просили, чтобы мы немедленно удалились, но я вопреки им говорил, что не прежде выйду, как по удалении всех до одного. Встав и повелев совершить молитву, я со своей стороны просил всех выходить, говоря, что соглашусь лучше сам подвергнуться опасности, чем кого-нибудь другого подвергнуть злу ради себя. Когда же большая часть народа вышла, а остальной следовал за вышедшими, бывшие со мною в алтаре монахи и некоторые клирики, поднявшись к моему престолу, стащили меня. Мы, свидетельствуюсь истиною, прошли под водительством Господа и охранением Его, прошли между воинами, из которых одни окружали алтарь, а другие церковь. Потом, скрываясь от них, мы удалились и громогласно славословили самого Бога, что не выдали народа, но наперед выслали его, а между тем и сами успели спастись и избежать «от рук ищущих нас».

Глава 14

О Георгии и о совершившихся в Александрии злодействах

После того, как пастырь таким образом ушел от убийственных рук их, начальство над тою паствою вверено было (после Григория) другому волку, Георгию. Он обращался со своими пасомыми еще жесточе всякого волка, медведя или барса, ибо дев, посвятивших себя девству на всю жизнь, принуждал не только отрекаться от общения с Афанасием, но и анафематствовал веру отцов. Орудием своей жестокости имел он одного военачальника Севастиана, который, зажегши среди города костер и становя возле огня обнаженных дев, принуждал их отрекаться от веры. Однако ж они, представляя собою зрелище ужасное и жалкое для верных и неверных, такое бесчестие вменяли себе в великую честь и за веру охотно терпели бичевание. Но и об этом пусть расскажет сам пастырь их Афанасий.

«Потом во время четыредесятницы прибыл Георгий, отправленный ими из Каппадокии, и увеличил зло, которому от них научился, ибо по прошествии Пасхальной седмицы дев начали ввергать в темницу, епископов водили воины связанными, дома сирот и вдов были разграбляемы, по домам совершались хищничества и грабежи, христиане были выносимы (на кладбище) ночью, дома запечатывались и братья клириков подвергались опасности за братьев. Ужасно и это, но следовавшие за этим дерзости были еще ужаснее. В неделю по святой Пятидесятнице постившийся народ вышел для молитвы на кладбище, потому что все избегали общения с Георгием. Узнав о том, злонравный (Георгий) стал подстрекать против них военачальника Севастиана, последователя ереси манихейской, — и тот, в самый день воскресения взяв множество воинов, вооруженных обнаженными мечами, луками и стрелами, бросился на народ и, захватив немногих молящихся — потому что большая часть по времени уже разошлась — сделал то, чего естественно было ожидать от людей, повиновавшихся арианам. Он зажег костер и, поставив против огня дев, принуждал их признать себя арианками. Когда же увидел, что они выше угроз, то обнажил их и так избил им лица, что через долгое время едва можно было узнать их. Сверх того, захватив сорок мужчин, подверг их новому роду побоев. Он приказал нарезать финиковых прутьев, покрытых еще иглами, и так изодрал их спины, что некоторые из них долго лечились от оставшихся в спине игл, а другие не перенесли этого мучения и умерли. Прочие же все и вместе девы отправлены на большой оазис. Тела умерших сначала не были отдаваемы родственникам, но, прикрытые, как пришлось, оставались непогребенными, чтобы столь великая жестокость не обнаружилась. Безумные — они делали это в ослеплении ума, ибо тем самым, что родственники умерших радовались за их исповедание и плакали над их телами, улика в нечестии и жестокости (виновников их смерти) еще более распространялась. Вскоре после сего они изгнали из Египта и Ливии епископов: Аммония, Муия (Тмуиса), Гаия, Филона, Ерму, Алипия, Псеносириса, Ниламмона, Агапия, Анагамфона, Марка, Драконтия, Аделфия, другого Аммония, другого Марка, Афинодора, также пресвитеров: Иеракса и Диоскора, — и столь жестоко гнали их, что некоторые из отправленных умерли на пути, а другие на месте заточения. Умерщвлено было более тридцати епископов. Велика была у них ревность, будто у Ахава, как бы истребить истину».

В утешительном своем послании к тем девам, перенесшим столь тяжкие мучения, Афанасий между прочим пишет следующее: «Посему да не скорбит никто из вас, если нечестивцы завидуют вам в погребении и препятствуют совершать его. Тиранство ариан простерлось до того, что, заперев ворота кладбища, они, как демоны, сидят около гробниц, чтобы не погребли там кого-либо из почивших!» Такие-то и подобные этим дела совершал

Георгий в Александрии. Между тем божественный Афанасий не находил для себя ни одного места совершенно безопасным, потому что царь приказал привести его живого, а если он умрет, доставить его голову, и кто исполнит это, тому обещал весьма большую награду.

Глава 15

О соборе, бывшем в Медиолане

Так как по смерти Константа Западом овладел Магненций[68], то для уничтожения его тирании Констанций должен был предпринять поход в Европу. Но и эта трудная война не остановила войны против церквей. Ариане во всем удобоубедимого и зараженного арианством Констанция убедили созвать собор в Медиолане — город этот в Италии — чтобы всех, имеющих туда съехаться, во-первых, принудить к подтверждению каждого низложения, сделанного неправедными судиями в Тире, а потом, на этом основании отлучив от церкви Афанасия, и изложить другое учение веры. Все, получившие царские предписания, собрались в Медиолан[69], но не решились сделать ничего упомянутого; напротив, в присутствии самого царя доказали и несправедливость и беззаконность этих повелений и за то были изгнаны из своих церквей, долженствовали жить в отдаленнейших пределах вселенной. Дивный Афанасий в вышеприведенной апологии писал и об этом: «кто может исчислить все, что они сделали, говорит он? Церкви только что начали было наслаждаться миром, и народ стал молиться в общественных собраниях, как вдруг римский епископ Либерии[70], галльский митрополит Павлин, италийский митрополит Дионисий, сардинский и окрестных островов митрополит Люцифер, италийский епископ Евсевий, все епископы добрые, все проповедники истины, схватываются и отправляются в ссылку, не подав к сему другого повода, кроме того, что не согласились на арианскую ересь и не подписали клевет, которые взнесены на нас арианами. Говорить же о великом Осии, старце преклонном и истинном исповеднике, считаю излишним: вероятно, все знают, что они и его заточили. Это — старец не неизвестный, он далеко знаменитее всех других. На каком соборе он не председательствовал и на каком, рассуждая здраво, не склонял всех на свою сторону? Какая церковь не имеет прекраснейших памятников его заступления? Кто когда-нибудь, пришедши к нему со слезами, не отходил от него с радостию? Кто обращался к нему с просьбой и ухо одил, не получив желаемого? Однако ж, ариане дерзнули восстать и на него — за то, что зная, какие по своему нечестию сплетают они клеветы, он не подписал сделанных ими на нас наветов».

Из приведенного места видно, как они поступили с упомянутыми святыми м мужами, а сколько умыслов представителями арианского скопища придумано и против многих других, тот же божественный муж и в том же сочинении рассказывает так: «Кого не преследовали, не хватали и не бесчестили они тогда, как хотели? Кого не искали и, нашедши, не приводили в такое состояние, что он или получал бедственную смерть, или был совершенно изуродован? Ибо и то, что делали, по-видимому, судии, было делом ариан, — судьи только исполняли злобные намерения последних. Да какое место не имеет памятников их злобы? Кого, мудрствовавшего о вере противно им, не опутывали они, как некогда Иезавел, вымышленными обвинениями? Какая церковь не скорбит ныне от их наветов? Антиохия плачет о православном исповеднике Евстафие, Валанеи — об Евфратионе, Палт и Антарад — о Киматии и Картерии, Адрианополь — о христолюбивом Евтропии и потом о Люции, который многократно носил наложенные ими оковы и так скончался, Анкира — о Маркелле, Берия — о Кире, Газа — об Асклепе. Этим мужам коварные враги наши причинили много бед и заточили их еще прежде. А фракийских епископов Феодула и Олимпия, также меня и пресвитеров моих столь усердно отыскивали, что если бы нашли нас, то потерять бы нам свои головы. И может быть, мы давно бы уже умерщвлены были, если бы, сверх их чаяния, не ус спели скрыться, ибо такого именно содержания даны были указы проконсулу Донату об Олимпии, а Филагрию обо мне». Вот каким

насилием преследовало святых это нечестивое скопище. Упомянутый Осия был епископ кордовский; он имел высокое значение еще на великом Никейском соборе и председательствовал между собравшимися на собор Сардикиский. Я хочу также внесть в свое сочинение рассказ о дерзновенной защите истины, выраженной всехвальным Либерием, и о достодивных словах, сказанных им Констанцию. Они записаны были жившими в то время боголюбивыми мужами в поощрение и пример для подражения ревнующим о вещах божественных. Либерии управлял римскою церковью после Юлия, преемника Сильвестрова.

Глава 16

Разговор епископа римского Либерия и царя Констанция

Царь Констанций сказал: «Предполагая в тебе христианина и епископа нашего города, мы заблагорассудили призвать тебя и убедить, чтобы ты отрекся от общения в нелепом безумии с нечестивым Афанасием. Вся вселенная признала это за благо и соборным определением присудила считать Афанасия чуждым церковного общения». Но епископ Либерий отвечал: «Царь! Церковные суждения должны совершаться с самою строгою разборчивостью. Поэтому, если угодно твоему благочестию, повели нарядить суд — и когда Афанасий окажется достойным осуждения, то пусть будет произнесен против него приговор по церковному Порядку, иначе как произнести приговор человеку, которого мы не судили?» Царь Констанций сказал: «Вся вселенная осудила его нечестие, только он издавна выигрывает время». Но епископ Либерий отвечал: «Лица, подписавшие его осуждение, не были очевидцами его преступлений, но подписали этот приговор, увлекаясь то честию от тебя, то страхом, то опасением испытать гнев твой». Царь: «Как это?» «Так что славы Божией не любя и предпочитая ей твои дары, они без суда осудили человека, которого не видели и в лицо. Это не по-христиански». Царь: «Но он был лично судим на Тирском соборе, где осудили его все епископы вселенной». Либерий: «Никогда не был он судим лично, осудить его дерзнули несколько собравшихся тогда епископов, и осудили в то время, когда он уже удалился из судилища, — то был суд беззаконный». Тут евнух Евсевий сказал: «Однако ж на Тирском соборе он объявлен чуждым вселенской веры». Но Либерий продолжал: «Из числа бывших в то время судей пять только человек ездили в Мареотиду, быв посланы туда для собрания свидетельств против обвиненного. Из этих посланных двое потом умерли, именно Феогнис и Феодор, а прочие трое, то есть Марис, Валент и Урзакий, живы и доныне. На всех сих послов, за это самое дело, в Сардике произнесен приговор; но осужденные подали потом собору прошение, прося прощения в том, что показания против Афанасия взяты были ими в Мареотиде по злона-меренности только от одной стороны. Некоторые донесения их мы и теперь имеем под руками. С кем же надобно согласиться и прийти в общение, царь? С теми ли, которые прежде осудили Афанасия, а потом просили в этом прощения, или с теми[71], которые впоследствии произнесли приговор им м самим?» Тогда епископ Эпиктет сказал: «Царь! Либерии спорит теперь не для защиты веры или определений церковного суда, а для того, чтобы похвастаться пред римскими сенаторами, что он царя переспорил». Поэтому царь сказал Либерию: «Да что ты за важное ли ицо в государстве, что один поддерживаешь сторону нечестивого человека и разрушаешь спокойствие вселенной, даже целого мира?» Либерии: «Слово веры не бессильнее от того, что я защищаю его один. И в древности только три человека воспротивились повелению (Навуходоносора)». Тут евнух Евсевий сказал: «Ты царя нашего сделал Навуходоносором?» Но Либерии отвечал: «Отнюдь нет. Но беззаконно было бы осудить человека так, без рассмотрения его дела. Я считаю нужным прежде всего собрать вселенскую подпись, которой бы утверждалась изложенная в Никее вера, чтобы, через это возвратив из заточения братьев наших и восстановив их на принадлежащих им кафедрах, а потом рассмотрев, окажутся ли согласными с апостольскою верою люди, производящие ныне в церквах столько смятени ий, тогда уже собраться всем в Александрию, где лично будут присутствовать и обвиняемый, и обвинители, и защитники той и другой стороны, и там, рассмотрев все дело, произнести единогласное решение». Но епископ Эпиктет сказал: «Не достанет общественных подвод для такого множества епископских поездок». Либерии: «Для решения церковных дел нет нужды в

общественных подводах. Каждая церковь имеет собственные средства для доставления своего епископа к берегам моря». Царь: «Но сделанного определения переменить уже нельзя. Приговор большинства епископов должен иметь свою силу. Ты один только стоишь за дружбу того нечестивца». Но Либерии сказал: «Государь! Мы никогда не слыхивали, чтобы судья обвинял подсудимого в нечестии, не видя его пред собою; через это он выс сказывал бы личную свою вражду к нему». Царь: «Он обидел всех вообще, но никого не обидел столько, как меня. Не довольствуясь несчастною смертию старшего моего брата, он не переставал возбуждать к вражде против меня блаженной памяти Константа и успел бы в этом, если бы особенной кротостию мы не удержали от неприязненных намерений и того, кто возбуждал к вражде, и того, кто был возбуждаем. Для меня не может быть столь великого подвига, хотя бы даже я победил Магненция и Сильвана, каким подвигом было бы отторжение этого злодея от дел церковных». Либерии: «Личной вражды, Государь, не выражай через епископов. Руки духовных должны быть приготовляемы для освящения. Посему, если тебе угодно, повели вызвать епископов из заточения и возвратить им их места, — и когда окажется, что они единодушны с тем, кто ныне защищает православную, изложенную в Никее веру, тогда пусть, собравшись вместе, они же и позаботятся об умирении мира, чтобы через это устранилась мысль о наказании человека невинного». Царь: «Вот в чем дело: если ты согласишься иметь общение с церквами, я хочу обратно послать тебя в Рим. Итак, согласись на мир, подпишись и возвращайся в Рим». Либерии: «Я уже простился с римскими братьями; церковные законы дороже пребывания в Риме». Царь: «Но тебе дается три дня сроку на размышление. Если хочешь, подпишись и возвращайся в Рим, а когда не хочешь, подумай, в каком другом месте хотел бы ты жить». Либерии: «Срок трехдневный или трехмесячный — все равно не переменит моего убеждения. Так посылай меня, куда хо очешь». Спустя два дня царь снова призывал Либерия, но, видя, что мысли его те же, объявил ему ссылку в Бероэ фракийскую. Когда Либерии вышел, царь послал ему пятьдесят олокотинов на издержки. Но последний сказал принесшему их: ступай и возврати это царю; ему нужно давать жалованье своим воинам. То же присылала ему и царица; но он опять сказал: отдай царю; это нужно ему на содержание войска. Если же царь сам не имеет нужды, то пусть отдаст их Авксентию и Эпиктету, которые нуждаются в этом. Так как от них Либерии не принял денег, то евнух Евсевий принес их ему от себя; но епископ сказал: «Ты опустошил церкви вселенной и теперь мне, как осужденному, подаешь милостыню! Пойди, сделайся наперед христианином». Ничего не приняв, он через три дня был сослан.

Глава 17

О ссылке и возвращении блаженного Либерия

Итак, победоносный поборник истины, согласно с повелением, жил во Фракии. Между тем, по прошествии двух лет, Констанций прибыл в Рим — и супруги людей знатных и чиновных стали докучать своим мужьям, чтобы они попросили царя о возвращении пастыря пастве. Если вы не сделаете этого, говорили они, то мы оставим вас и переселимся к тому великому пастырю. Но мужья отвечали, что они боятся царского гнева, что им, как мужчинам, Констанций, может быть, никак не простит этого, а когда возьметесь просить вы, то вас он, конечно, пощадит и, одно из двух, либо примет вашу просьбу, либо, и в случае отказа, отошлет вас без взыскания. Приняв этот совет, достохвальные жены пришли к царю в одежде, по обычаю, пышной, чтобы приняв их по одежде, как знатных, он обошелся с ними почтительно и кротко. Явившись в этом виде, они стали умолять царя, чтобы он сжалился над столь знаменитым городом, — зачем лишен он пастыря, сделавшегося добычею волчьего коварства. Но Констанций отвечал им, что город не имеет нужды в другом пастыре, что среди его есть пастырь, который может о нем заботиться. Ибо после великого Либерия рукоположен был один из его диаконов, по имени Феликс[72], который, изложенную в Никее веру хотя соблюдал и ненарушимо, однако ж, свободно вступал в общение и с отступниками, а потому из жителей Рима никто не входил в молитвенный дом, когда в нем был Феликс, Упомянутые жены сказали об этом царю, царь, склонившись на их просьбу, повелел возвратить того — достойного во всех отношениях мужа, чтобы он управлял церковью вместе с Феликсом. Когда указ об этом читан был на ипподроме, народ оглашал воздух восклицаниями, называя царский приговор справедливым.

Впрочем, жители разделялись на две партии, носившие прозвание по различию цв ветов, и потому сперва положили было, чтобы один епископ управлял одною партией, а другой — другою; но потом все единогласно воскликнули: один Бог, один Христос, один епископ. Я счел справедливым поместить здесь самые их слова. После этих восклицаний христолюбивого народа, внушенных благочестием и справедливостью, божественный Либерии возвратился[73], а Феликс выехал и стал жить в другом городе. Об этих событиях я упомянул в связи с тем, что постигло епископов, собиравшихся в Медиолане, ибо желал соблюсти гармонию в повествовании. Теперь же снова перехожу к описанию следовавших по порядку происшествий.

Глава 18

О соборе, бывшем в Аримине

Когда поборники веры были изгнаны, люди, по своей воле располагавшие мыслями царя, подумали, что теперь можно вдруг ниспровергнуть противную им веру и утвердить учение Ария, а потому убедили Констанция созвать в Аримине[74] восточных и западных епископов и приказать им, чтобы они исключили из символа веры слова: «существо» и «единосущие» как орудия, изобретенные Отцами против злокозненности Ария, ибо эти-то слова, говорили они, были причиною разделений церквей. Епископы собрались и, зараженные язвою арианства, пытались обольстить великое множество собравшихся, особенно же епископов западных, людей с простыми понятиями, говоря им, что из-за двух слов, притом не находящихся в Писании, не следует раздирать тело церкви и что Сына должно называть подобным Родившему по всему, а слово «существо», как чуждое Писанию, оставить. Но те, запретив обман, отлучили этих проповедников, а сами через послание изложили царю собственный образ мыслей. «Мы дети, писали они, и наследники отцов, собиравшихся в Никее, а посему если бы осмелились либо уничтожить что из написанного ими, либо делать прибавление к прекрасным их положениям, то объявили бы себя детьми незаконными и обвинителями своих родителей». Впрочем, точное правило их веры яснее будет видно из послания их к Констанцию.

Глава 19

Соборное послание, написанное собравшимися здесь епископами, к царю Констанцию

«Мы веруем, что воля Божия и указ твоего благочестия устроили общее собрание епископов всех западных городов в Аримине с тою целью, чтобы и вера кафолической церкви для всех объяснилась, и мыслящие противное обнаружились. Итак, после продолжительных рассуждений, мы признали за лучшее — веру, дошедшую из древности, проповеданную Пророками, Евангелиями, Апостолами и самим Господом нашим Иисусом Христом, веру, хранительницу твоего царства и покровительницу твоего могущества, — эту веру содержать постоянно и, содержа, блюсти ее до конца; ибо нам показалось делом безрассудным и незаконным изменять что-либо правильно определенное и точно рассмотренное на Никейском соборе в присутствии славного твоего отца и царя Константина, проповеданное в слух всех и сделавшееся всеобщим учением и образом мыслей. Эта вера — одна поставлена в поборание и истребление ереси Ариевой, и ею опровергнуто не только арианство, но и всякая другая ересь. В ней и прибавить что-либо поистине не безопасно, и отнять гибельно; ибо допусти то или другое, — врагам тотчас откроется возможность делать, что угодно. Поэтому-то Урзакий и Валент, давние сообщники и единомышленники арианского учения, и были отлучены от общения с нами, пока, для возвращения его, не сознались в своих заблуждениях, не раскаялись и не получили прощения, как свидетельствуют представленные ими письменные доказательства. По уважению к сим знакам раскаяния, они прощены и освобождены от виновности. Это сделано в то время, когда продолжались заседания собора меди иоланского, в присутствии между прочими и пресвитеров римской церкви.

Притом мы знаем и после смерти достойного памяти Константина, который со всяким тщанием и вниманием изложил письменную веру, был в ней крещен[75], когда выходил из среды людей и переселялся для наследования вожделенного мира; а потому сочли делом безрассудным после него ввести что-либо новое и презреть столь многих святых исповедников и мучеников, которые письменно изложили и рассмотрели это самое учение, которые все обсудили согласно с древними уставами кафолической церкви и которых веру Бог сохранил до времен твоего царствования, через Господа нашего Иисуса Христа, даровавшего тебе царство вести так, что ты обладаешь и обитаемою нами империей. Несмотря на то, несчастные и жалкие умом люди опять стали с преступным дерзновением проповедовать нечестивое учение и разрушать все здание истины. Когда, по твоему указу, заседания собора начали производиться — и они обнаружили также намерение своего заблуждения, — стали коварно и возмутительно вводить нечто новое и, при помощи сообщников своей ереси, Германия, Авксентия и Гаия, начали возбуждать вражду и разномыслие. Переменчивое их учение одно превосходит все прочие богохульства. Увидев же, что помыслы у них нео одинаковы и что нет согласия в худых их мнениях, они присоединились к нашему совету с намерением — догматы веры изложить иначе. Но для обличения их намерения довольно было и краткого времени, а чтобы дела церковные не подвергались постоянно одним и тем же опасностям и чтобы смятения и непрерывные беспокойства не привели всего в беспорядок, признано за благо сохранить твердыми и неизменными постановления древние, вышеупомянутых же людей отлучить от общения с нами. По этой причине мы отправили к твоей мило ости послов, которые известят тебя о всем и через послание объявят мнение собора. Этим послам прежде всего повелено утверждать истину на основании древних и верных определений: они объяснят твоему благочестию, что, вопреки

словам Урзакия Валента, мира не может быть, если извратится что-либо правое; ибо как могут сохранить мир люди, нарушающие мир? Это и в прочих городах, и в римской церкви скорее произведет распри и беспокойства. Итак, умоляем твою милость принять представления нашего посольства слухом м благосклонным и лицом светлым и не попускать, чтобы к оскорблению умерших вводили какие-либо новости (живущие), но позволить нам оставаться при том, что определено и узаконено предками, которые, можем сказать, все совершили прозорливо, мудро и по внушению Святого Духа; между тем как нынешние нововведения тех людей внушают верующим неверие, а неверующим — упорство. Умоляем также повелеть, чтобы епископам, проживающим на чужой стороне и угнетаемым как преклонностию лет, так и нуждами бедности, даны были средства для возвращения домой, дабы церкви, в отсутствие епископов, не оставались сиротствующими. Но ко всему этому, снова умоляем не попускать, чтобы из прежних определений что-либо убавляли или прибавляли к ним, но оставить ненарушимым и на будущее время все, соблюдаемое от времен благочестивого твоего отца до настоящего времени. Пусть, наконец, мы не страдаем и не остаемся вне своих епархий, пусть епископы вместе со своим народом мирно возносят молитвы и совершают богослужение, молясь о твоем спасени ии, царстве и мире, что да дарует тебе Бог навеки. Наши послы имеют при себе подписи и имена епископов; они же убедят твое благочестие и на основании Священного писания».

Когда послы с этим письмом прибыли к царю, то придворные, покровительствуя ереси, приняли от них послание и передали его царю, а самих к нему не допустили, говоря, что державный теперь занят государственными заботами. Это сделали они в той мысли, что епископы, утомившись долговременным ожиданием и нетерпеливо желая возвратиться к вверенным себе паствам, принуждены будут раскопать и уничтожить крепость, устроенную ими против ереси. Но такой умысел не удался, потому что мужественные поборники веры отправили к царю и другое послание, умоляя его принять послов и распустить их самих. Вношу в свою историю и это Послание.

Глава 20

Другое послание к Констанцию

«Победителю царю Констанцию собравшиеся в Аримине епископы.Мы получили грамоту твоей милости, славнейший Государь Самодержец! В ней сказано, что, быв занят государственными делами, ты не мог тотчас же видеть наших послов, и повелеваешь нам ожидать их возвращения, пока твое благочестие не узнает о наших определениях и об отеческих наших догматах, Не отступая нисколько от своих мыслей, которые и прежде изложены нами, мы настоящим письмом снова убеждаем твою милость и умоляем тебя благосклонно принять как это ответное твоему благочестию послание нашего смирения, так и то, которое отнести к твоей милости поручили мы своим послам. Сколь сожалительно и неестественно, что в благополучное время твоего царствования такое множество церквей как бы вовсе не имеют епископов, твоя милость понимает это не менее нас. Поэтому снова просим тебя, славнейший Самодержец, повелеть нам, если это угодно будет твоему человеколюбию, прежде наступления непогод зимнего времени возвратиться в наши церкви, чтобы мы могли вместе с народом возносить Вседержителю Богу и Христу Сыну Его, Господу и Спасителю нашему, усерднейшие моления о благосостоянии твоей державы, как мы это всегда делали и делаем».

Глава 21

Собор, бывший в Нике фракийской, и изложение веры, им написанное

Возбудив против них гнев царя за это послание, ариане переводят большую часть епископов против их воли в один фракийский город, по имени Ника[76]. И на иных простосердечных действуя ласкою, на других страхом, склоняют их принять план, издавна придуманный против благочестия, то есть слова «существо» и «единосущие» исключить из веры, а вместо их поставить «подобие». Я вношу в свою историю и это изложение веры — не для того, чтобы оно было хорошо, а для того, чтобы им обличить скопище ариан; ибо нынешние нечестивцы не принимают уже и этого символа, но вместо подобия проповедуют неподобие.

Неправая вера, изложенная в Нике фракийской. «Веруем в единого и одного истинного Бога Отца Вседержителя, из которого все, и в единородного Сына Божия, который родился от Бога прежде всех веков и прежде всякого начала, и через которого произошло все, видимое и невидимое — веруем, что единородный родился один от одного Отца, Бог от Бога, подобный родившему Его Отцу, по писаниям, что рождение Его не знает никто, кроме одного родившего Его Отца. Знаем, что сей единородный Сын Божий, быв послан Отцом, сошел с небес, как написано, для уничтожения греха и смерти, и родился по плоти от Духа Святого и Девы Марии, по писаниям — обращался с учениками и, по исполнении всего домостроительства согласно с волею Отца, пригвожден был ко кресту, умер, погребен, сходи ил в преисподнюю, где сам ад вострепетал от Него, воскрес из мертвых в третий день и обращался с учениками в продолжение сорока дней, а потом взят на небеса и сидит одесную Отца, в последний же день воскресения при-идет со славою Отчею воздать каждому по делам его. И в Духа Святого, которого сам единородный Сын Божий Иисус Христос, Бог и Господь, обещал послать роду человеческому, — послать, как написано, Утешителя, Духа истины, которого и послал, восшедши на небеса и седши одесную Отца, откуда и приидет судить живых и мертвых. Слово же «существо», внесенное отцами по простоте, непонятное для народа и возбудившее соблазн, собор заблагорассудил исключить, так как оно не встречается в Священном писании, — и положить вперед вовсе не употреблять слова «существо», тем более, что и Священное писание нигде не упоминает о существе Отца и Сына. Говоря о лице Отца, Сына и Святого Духа, не должно также именовать одну ипостась: мы называем Сына подобным Отцу, как говорит и учит само Священное писание. Все же ереси, какие и прежде были осуждены, и вновь появились, как скоро они противны этой изложенной нами вере, да будут анафема». Такой-то символ подписали епископы, побеждаемые — одни страхом, другие — обольщением; а не согласившиеся подписать его были рассеяны по границам империи.

Глава 22

Собор, бывший в Нике фракийской, и изложение веры, им написанное

Что все поборники истины, и особенно епископы западные, Действительно осуждали это изложение веры, о том свидетельствует послание их к иллирийцам. Между писателями его первенствовал Дамас[77], получивший предстоятельство в римской церкви после Либерия и украшавшийся многочисленными видами добродетели. Вместе с ним в написании этого послания участвовали девяносто епископов, собравшихся в Рим из Италии и Галатии, называемой ныне Галлиею. Я перечислил бы здесь и имена их, если бы не находил этого излишним. Писали же они следующее: «Епископы, собравшиеся на святой собор римский, Дамас, Валериан и прочие, возлюбленным братьям епископам иллирийским желаем о Боге здравия. Мы надеемся, что вы держите святую, на учении Апо остолов утвержденную нашу веру и, как священнослужители Божий, которым надлежит учить и других, преподаете ее народу, нисколько не отступая от определений отеческих. Между тем, однако ж, по донесениям братьев наших из Галлии и Венеции, мы знаем, что некоторые вводят ересь. Этого зла не только должны беречься епископы сами, но и противостоять чьему бы то ни было разногласящему учению, чтобы кто-либо по неопытности или простоте не принял этих ложных толкований, думая о том, как бы не преткнуться, но когда доходят до слуха различные мнения, ближе держаться отеческого образа мыслей. Уже написано, что за это особенно осужден и Авксентий Медиоланский.

Итак, надобно, чтобы в римском мире все учителя Закона хранили единомыслие и не оскверняли своей веры разногласящими учениями, ибо едва только нечестие еретиков начало усиливаться, подобно тому как ныне особенно прокрадывается арианское богохульство, — отцы наши в числе трехсот восемнадцати епископов, равно как и избранные от римской церкви, сделав в Никее исследование спорного предмета, воздвигли эту твердыню в защиту от диавольского учения и таким противоядием из вершили смертельный яд ереси, то есть положили, что в Отца и Сына должно веровать как в единую силу и единое Божество и что ту же ипостась и существо имеет и Дух Святой, а всякого, мыслящего иначе, признали чуждым нашего общения. Но потом это спасительное определение и досточтимое исследование некоторые задумали разрушить и осквернить другими исследованиями. Однако ж, и из этих самых иные, сначала принужденные вводить новости и пересматривать то определение в Аримине, так исправили дело, что признали себя обманутыми каким-то сторонним рассуждением, вовсе не думая противиться мнению, принятому отцами никейскими; ибо между членами Ариминского собора во время его открытия никто не мог поддерживать какой-либо предрассудок, — ни римский епископ, которого мнение надлежало принять прежде всех, ни Викентий, который столько лет неукоризненно хранил епископство, ни другие согласившиеся с их определениями, — особенно когда представим, что и те самые, которые, как сказано, по-видимому, увлеклись хитростию, пришедши к лучшей мысли, засвидетельствовали, что то прежнее мнение им не нравится. Итак, да усмотрит ваша непорочность, что надобно с постоянной твердостию держать одну ту веру, которая основана в Никее на авторитете апостолов. Этою самою верою вместе с нами хвалятся и восточные, если они признают себя христианами кафолической церкви, и западные. Веруем, что мыслящие иначе за такую решимость скоро будут отлучены от общения с нами и лишены имени епископов, чтобы их миряне, освободившись от рассеиваемого ими обмана, могли отдохнуть, ибо, находясь в заблуждении, они не будут иметь никакой возможности исправить его в других. Итак, с

мыслями всех иереев Божиих да придет в согласие и образ мыслей вашей чести, в котором вы, как мы веруем, пребудете твердыми и непоколебимыми. А что мы с вами должны право веровать, — докажите это обратною грамотой вашей любви. Будьте здоровы, честнейшие братья».

Глава 23

Послание александрийского епископа Афанасия о том же соборе

Равным образом и Афанасий Великий в послании к Афрам об Ариминском соборе писал следующее: «Если все это было так, то кто примет слова людей, противопоставляющих собор ариминский, или какой другой, собору Никейскому? Или кто не возненавидит отвергающих постановления отцов, и предпочитающих постановления новейшие, утвержденные любопрением и насилием в Аримине? Кому захочется сойтись с людьми, не принимающими и своих определений? Более, чем на десяти своих соборах, как мы выше сказали, утверждая каждый раз все иное и иное, они сами явно осуждают каждый свой собор и подвергаются тому же самому, что потерпели некогда предатели — Иудеи. Как те, пишет пророк Иеремия, оставив единственный источник воды живой, «ископаша себе кладенцы сокрушенные, иже не возмогут воды содержати» (Иер **2**.13), так и они, восстав против собора вселенского, ископали себе множество соборов суетных, которые оказались у них «рукоятьми, не имущими силы» (Ос **8**.7). Итак, не потерпим, чтобы Ариминский, или другой так называемый собор противупоставляем был Никейскому, ибо ссылающиеся на собор Ариминский, кажется, сами не знают, что на нем происходило. В противном случае они молчали бы. Но вы знаете, возлюбленные, по донесениям тех между вами, которые с вашей же стороны ездили в Аримин, — вы знаете, что Урзакий, Валент, Евдоксий, Авксентий, и вместе с ними Демофил, были низложены на нем за то, что хотели утвердить противное определениям никейским, и когда просили их анафематствовать арианскую ересь, отказались от этого и решились быть ее защитниками. Напротив, епископы, истинно верные рабы Господа и правоверующие, которых было около двухсот, определили, что они довольствуются одною верою никейскою и ни больше, ни меньше, сравнительно с нею, ничего не хотят ни изыскивать, ни принимать. Это же самое объявили они и Констанцию, по воле которого собор назначен был. Однако ж, низложенные в Аримине еретики, пришедши к Констанцию, успели возбудить его к оскорблению отцов собора и грозили им, что, осудив их, одни не возвратятся уже в свои епархии, и в ту же самую зиму насилиями принудили их во Фракии дать согласие на свои нововведения.

Итак, кто станет ссылаться на Ариминский собор, тому пусть укажут сперва на низложение упомянутых лиц и на послание епископов, говоривших, что после исповедания, изложенного отцами в Никее, исследовать более нечего и что иного собора, кроме сего, признавать не должно. Это-то они скрывают, а выставляют только то, что произошло во Фракии через их насилие. Из этого видно, что они — приверженцы арианства, чуждые веры истинной. Желая сравнить между собою тот великий собор и соборы арианские, всякий нашел бы там богочтимость, а здесь безумие, ибо собравшиеся в Никее, и не быв низложены, исповедали, что Сын единосущен Отцу, а эти, быв уже низложены раза два, и в третий раз на самом Ариминском соборе, дерзнули постановлять, будто бы не должно говорить, что Бог имеет существо, или «ипостась». Столько-то ухищрений и такие-то козни против догматов истины придумывали на Западе приверженцы Ария.

Глава 24

О злоухищрениях антиохийского епископа Леонтия, и о дерзновении Флавиана и Диодора

В Антиохии после преемника Флакиллова Стефана, который изгнан был из церкви, предстоятельство получил Леонтий, и получил против правил Никейского собора, ибо был скопец, оскопивший сам себя. Блаженный Афанасий рассказывает и о причине этого необдуманного его поступка. О Леонтии распускали молву, будто он имеет связь с одною молодою женщиною, по имени Евстолия, и ему запрещено было держать ее в своем доме. Поэтому, чтобы иметь возможность без опасения обращаться с нею, он оскопил сам себя, через что, однако ж, не устранился от подозрения и, находясь уже в сане пресвитера, был низложен. По связи с этим, Афанасий Великий писал также об остальной его жизни, и я коротко расскажу о его злонравии и коварстве. Будучи заражен арианскою ересью, он старался скрывать свою болезнь. Видя, что духовенство и прочий народ делятся надвое, что одни в славословии перед словом «Сын» произносят союз, а другие перед тем же словом употребляют предлог «во», он произносил славословие шепотом, так что стоявшие и подле него могли слышать только слова: во веки веков. Впрочем, если бы лукавство его души не обнаруживало чего другого, можно бы еще сказать, что он придумал такую хитрость, заботясь о поддержании единомыслия в народе. Но так как им вымышляемо было множество жестокостей против исповедников истины, а люди, причастные нечестию, удостаивались всевозможного его попечения, то явно было, что он скрывал свою заразу, только боясь народа и Констанция, который сильно грозил дерзающим называть Сына неподобным.

Итак, образ его мыслей обнаруживался его делами: кто следовал догматам апостольским, тот нисколько не пользовался его попечением и не удостаивался рукоположения; а последователи ариева безумия имели перед ним самое великое дерзновение и возводимы были по степеням с священнослужения. В то время он причислил к сонму диаконов Евномиева учителя Аэция, который богохульство Ария увеличил новыми изобретениями. По сему случаю Флавиан и Диодор, мужи, избравшие аскетический род жизни и бывшие открытыми поборниками апостольского учения, прямо обличили Леонтия в нечестивых его замыслах, сказав, что человека, воспитанного в началах нечестия и своим нечестием думающего стяжать себе славу, он удостоил имени диакона ко вреду церкви, и грозили отстать от церковного с ним общения, отправиться на Запад и объявить о сокровенных его действиях. Убоявшись этого, Леонтий запретил Аэцию священнодействовать, однако ж, всячески покровительствовал ему. Между тем те два достодивные мужа, Флавиан[78] и Диодор, не получив должностей священнослужения и находясь в числе мирян, днем и ночью возбуждали всех к ревности по благочестию. Они первые стали делить поющих на два хора и научили петь Давидовы псалмы попеременно — то одним, то другим хором. Этот обычай сперва принят был в Антиохии, а потом распространился повсюду и сделался общим во всех пределах вселенной. Людей, любивших заниматься делами божественными, они собирали к гробам мучеников и проводили с ними в бдении всю ночь, восхваляя Бога. Видя это, Леонтий находил опасным запрещать им такие занятия, ибо заметил, что народ весьма расположен к тем превосходным мужам, но, говоря с ними кротко, он только просил их совершать свое богослужение в церквах. Они, хотя и очень хорошо понимали лукавство Леонтия, однако ж, повиновались его приказанию и, с великим усердием созывая своих соревнователей в церкви, по-прежнему возбуждали их воспевать всесвятого Господа. Что же касается до Леонтия, то ничто не могло расположить его

к исправлению себя от лукавства. Прикрываясь личиною ласковости, он таил в себе бесстыжество Стефана и Флакита, людей, следовавших превратному учению, возводил на степени пресвитеров и диаконов, хотя бы они вели самую распутную жизнь, а державшихся учения апостольского не удостаивал этой чести, хотя бы они украшены были всеми родами добродетели. Поэтому клир составлялся большею частию из лиц, зараженных арианством, а народ особенно стоял за правые догматы, так что облеченные властию учительства не осмеливались обнаруживать богохульных своих мнений. Вообще Флакит, Стефан и Леонтий совершили в Антиохии столько нечестивых и беззаконных дел, что описание их по обширности предмета требует особенного сочинения, а по великости его напоминает одну печальную песнь авида, ибо и об этих людях надобно сказать: «яко се врази твои возшумеша, и ненавидящие тя воздвигоша главу. На люди твоя лукавноваша волею, и совещаша на святыя твоя, реша: приидите и потребим я от язык, и не помянется имя Израилево к тому» (Пс **82**.3—5). Но будем продолжать свою историю.

Глава 25

О нововведении Евдоксия германикского и о противодействии ему Василия анкирского и Евстафия севастийского

Город Германикия, лежащий на границе Каппадокии с Киликиею и Сириею, принадлежит к так называемой евфратской епархии. Предстоятель германикской церкви Евдоксий, узнав о смерти Леонтия, немедленно отправился в Антиохию, захватил епископскую кафедру и начал, подобно дикому вепрю, опустошать этот вертоград Божий. Он уже не скрывал, подобно Леонтию, своего злонравия, но с открытым неистовством восставал против апостольского учения и осмеливавшихся противоречить себе поражал всевозможными бедствиями. В то время в Анкире, митрополии галатийской, кормило правления церковью держал преемник Маркелла, Василий, а в Севастии, главном городе Армении, правил Евстафий. Узнав о противозаконных делах и неистовстве Евдоксия, эти епископы письменно раскрыли его преступления царю Констанцию, который находился еще в западных частях империи и, истребив тиранов, исправлял там произведенные ими беспорядки. Они были любимы царем и, по своей достохвальной жизни, имели перед лицом его особенно великое дерзновение.

Глава 26

О соборе, предположенном в Никее, но собравшемся после в Селевкии исаврийской

Узнав об этом, Констанций известил антиохийцев письменно, то не он дал Евдоксию предстоятельство в их церкви, как разглашал это сам Евдоксий, и потому приказывает изгнать сего епископа из города и подвергнуть дела его суду в Никее вифинской, где, по его повелению, имеет быть собор. Назначить местом для собора Никею убедил царских придворных чиновников сам Евдоксий. Но Промыслитель всяческих, ведая будущее, как бы уже прошедшее, необычайным землетрясением воспрепятствовал состояться этому собору. Землетрясение разрушило большую часть города и погубило большую часть жителей. Ехавшие сюда епископы, узнав о том, сильно испугались и возвратились в собственные епархии. В этом событии я вижу действие Божией премудрости, так как святые отцы в Никее изложили учение веры апостольской, а собиравшиеся теперь в тот же город имели намерение утвердить учение противное, и это приверженцам Ария могло представлять случай к обманыванию простых людей рождеством имени, то есть когда бы они стали называть никейским этот свой собор, выставляя его для простодушных вместо Никейского древнего, то Господь, пекущийся о церкви, и рассеял собрание их. Спустя немного времени, те же обвинители Евдоксия опять напомнили Констанцию о соборе, и царь повелел быть ему в Селевкии[79]. Этот город находится в Исаврии, лежит при море и почитается главным во всей провинции. Сюда-то приказано было собраться всем восточным епископам и в том числе епископам понтийского и азийского округов.

В это время Кесариею, палестинскою митрополиею, управлял преемник Евсевия Акакий, тот самый, которого отлучил собор сардикский, но который, презрев столь великий сонм епископов, не покорился приговору. В Иерусалиме же, после Макария, о котором я много раз упоминал, был прежде предстоятелем Максим, муж, славившийся подвигами за благочестие, ибо у него был выколот правый глаз и подрезаны жилы правого колена. А когда он переселился в жизнь бессмертную, то благодать епископства принял усердный поборник апостольского учения Кирилл. Спор этих двух епископов о первенстве был причиною величайших зол для церкви. Акакий под каким-то ничтожным предлогом низложил Кирилла и изгнал его из Иерусалима. Кирилл отправился в Антиохию, но, нашедши этот город без пастыря, переехал в Таре и жил с дивным тогдашним епископом тарсской церкви Сильваном. Узнав о том, Акакий писал к Сильвану и уведомил его о низложении Кирилла, но Сильван, питая уважение к Кириллу и опасаясь народа, который с величайшею любовию внимал учению Кирилла, не возбранял ему служить в церкви. Равным образом когда епископы собрались в Селевкию, то и Кирилл также в их собрании занимал свое место, имея общение с Василием, Евстафием, Сильваном и прочими. Но Акакий, прибыв на собор, составившийся из ста пятидесяти епис скопов, объявил, что он тогда только примет участие в соборных совещаниях, когда удален будет из собора Кирилл, как лишенный сана архиерейского. Некоторые, заботясь о сохранении мира, просили Кирилла удалиться, обещая после рассуждения о догматах рассмотреть и его дело, но он не послушал этого. Тогда Акакий, отделившись от собора, соединился с Евдоксием, успокоил его от страха, в котором он находился, ободрил, обещался быть его защитником и помощником и, не дав ему ехать на собор, отправился вместе с ним м в Константинополь.

Глава 27

О том, что случилось с православными епископами в Константинополе

Возвратившись с Запада, Констанций был в Константинополе. Во многом обвиняя перед царем Селевкийский собор, называя его сборищем негодных людей, соединившихся на погибель и поругание церкви, Акакий возбудил гнев в царе и не менее раздражил его также своею клеветою на Кирилла. Он клеветал, будто Кирилл продал ту священную златотканую ризу, которую всехвальный царь Константин, желая почтить иерусалимскую церковь, подарил архиерею того города Макарию, чтобы он облачался в нее для совершения службы в день таинственного крещения, и будто ту ризу купил какой-то театральный плясун и надел ее, но, прыгая в ней на театре, упал, расшибся и умер. Имея общение с такими-то людьми, берутся они (говорил Акакий о селевкийских епископах) рядить и судить других. При этом случае царедворцы убедили царя призвать к себе не целый собор, потому что боялись общего его голоса, а только десять главнейших епископов. В числе призванных были Евстафий армянский, Василий галатийский, Сильван тарский, Элевсий кизикский. Прибыв в Константинополь, они просили царя обличить богохульство и преступления Евдоксия, но он, действуя под влиянием противников их, сказал, что сперва надобно рассудить дела касательно веры, а потом уже исследовать и обвинения против Евдоксия. Василий, по прежней близости к царю, начал было говорить с дерзновением, напоминая, что он умышляет против апостольского учения, но Констанций сильно разгневался на то, и Василию, будто бы виновнику всего смятения в церкви, приказал замолчать. Между тем как Василий оканчивал свои слова, Евстафий сказал: если ты хочешь рассуждений о вере, Государь, то взгляни, на какое богохульство против Единородного дерзнул Евдоксий, — и с этими словами подал царю изложение веры, в котором ко многим другим выражениям нечестия присоединялось и следующее: «Неподобное по проявлению неподобно и по существу; «един Бог Отец, из негоже вся... и един Господь Иисус Христос, имже вся» (1 Кор. **8**:6): но из него же не подобно тому или не то значит, что им же; следовательно, Сын неподобен Богу-Отцу». Констанций приказал вслух прочитать это изложение и, сильно вознегодовав на содержавшееся в нем нечестие, спросил Евдоксия, он ли писал это? Евдоксий тотчас же отрекся и сказал, что это написано Аэцием, разумея того самого Аэция, которого некогда Леонтий, боясь обвинений со стороны Флакиана и Диодора, лишил диаконства и который потом жил у лукавого врага александрийской церкви, Георгия, и был его сотрудником в нечестивых поучениях и в злодейских предприятиях, теперь же вместе с Евномием находился у Евдоксия. Когда Леонтий умер и предстоятельство в антиохийской церкви захватил Евдоксий, тогда он возвратился из Египта и привел с собою Евномия. Заметив, что Евдоксий держится одного с ним образа мыслей и что, кроме нечестия, любит также сибаритскую негу, он нашел, что в Антиохии жить лучше, чем где-либо, и вместе с Евномием, будто пригвоздившись к мягким постелям Евдоксия, подражал жизни празднолюбцев — бродил сегодня к одному, завтра к другому, чтобы наполнить свое чрево. Услышав ответ Евдоксия, царь приказал позвать Аэция и, когда тот вошел, показал ему помянутое изложение и спросил, не он ли писатель этого сочинения? Аэций, вовсе не зная, что сейчас происходило, и не поняв тона, в каком дан был вопрос, а между тем надеясь за свое исповедание получить похвалу, сказал, что действительно он произвел это.

Ясно увидев, что за нечестивец этот человек, царь немедленно осудил его на изгнание и приказал отправить в какую-то фригийскую деревню. Аэция вытолкали из дворца, и он таким образом за богохульство приобрел себе одно бесчестие. Евстафий стал говорить, то и Евдоксий

разделяет убеждения Аэция, что Аэций живет у него, вместе с ним обедает и в угождение ему составил богохульное вое изложение. Да и то — явный признак Евдоксиева в этом изложении участия, продолжал Евстафий, что не кто другой, а Евдоксий сказал, что оно изложено Аэцием. Судьи обязаны произносить приговор не по догадкам, заметил при этом царь, а по строгому исследованию самого дела. Так пусть же Евдоксий произнесет анафему на сочинения Аэция, сказал Евстафий, и тем убедит всех нас, что он не одних с ним мыслей. Царь охотно согласился на это предложение и приказал быть посему, но Евдоксий уклонялся и употреблял различные уловки, чтобы избавиться от вызова. Однако ж, когда царь разгневался и начал грозить ему ссылкою вместе с Аэцием, как сообщнику в нечестивом его мудровании, он отказался от собственного учения, которого и в то время и после был постоянно представителем, впрочем, потребовал и с своей стороны, чтобы действовавшие заодно с Евстафием анафематствовали также не находящееся в Писании прибавочное слово «единосущный». Но в таком случае надобно, возразил Сильван, отменить равным образом и исключить из соборных определений выражения: из не сущего, творение и иносущие, как не находящиеся в Писании и не встречающиеся ни у Пророков, ни у Апостолов. Это подтвердил и царь и приказал те выражения анафематствовать. Евдоксиане сначала стали было противоречить, но потом, заметив, что царь гневается, хотя с неудовольствием, произнесли, однако ж, отмену того, что предолжил им Сильван, и после сего тем настойчивее стали требовать анафематствования слова «единосущный». Но Сильван тогда сказал им и царю, что как скоро Бог Слово не есть ни изнесущное, ни сотворенное, ни иносущное бытие, то последовательно и истинное будет исповедывать Его единосущным родившему Отцу, — Богом из Бога, Светом из Света, имеющим одно естество с Родителем. Сколь ни сильно и справедливо сказал он это, но не убедил никого из присутствовавших: сообщники Акакия и Евдоксия подняли великий шум. Разгневался также и царь и грозил изгнать (православных) из церквей. Сильван, Элевсий и другие с ними говорили при этом царю, что он имеет право наказывать, а они — быть благочестивыми или нечестивыми, и никогда не предадут учения отеческого. Но Констанций, вместо того чтобы удивляться их мудрости, мужеству и дерзновению в защищении апостольских догматов, изгнал их из церквей и приказал на места их поставить других. Тогда Евдоксий тирански захатил кафедру константинопольской Церкви, а Евномий занял место изгнанного из Кизики Элевсия. Между тем царь повелел письменно низложить Аэция и сообщники его нечестия должны были осудить своего единомышленника. Они даже писали об этом александрийскому предстоятелю Георгию. Чтобы показать низость их, по которой им было все равно — нападать на единомышленников своих и противников, это послание я внесу в свою историю.

Глава 28

Соборное послание против Аэция

Копия с послания к Георгию, написанного всем собором, — против беззаконного богохульства диакона его Аэция.

«Святой собор, составившийся в Константинополе, честнейшему господину, александрийскому епископу Георгию, желает здравия.

Производя соборный суд над Аэцием по поводу беззаконных и преисполненных соблазна его сочинений, епископы, согласно с церковными правилами, определили лишить его диаконского сана и отлучить от церкви. За этим же в нашем определении следовало еще увещание, чтобы беззаконные его письма отнюдь не читались, но были отвергаемы, как бесполезные и негодные. Сверх того мы прибавили, что, если он будет упорствовать в своих мнениях, то должен быть подвергнут анафеме со всеми его единомышленниками. После сего естественно было ожидать, что все собравшиеся на соборе епископы возгнушаются этим виновником соблазнов, смятений, расколов, шума на весь мир, взаимных споров между церквами и единодушно примут состоявшееся касательно его решение. Но несмотря на наши просьбы и сверх всякого нашего чаяния, Серра, Стефан, Илиодор, Феофил и их сообщники не согласились с нашим мнением и не захотели подписать произнесенных нами определений, хотя Серра сам же обвинял упомянутого Аэция в каком-то другом, свойственном только безумному, хвастовстве. Он доносил, что Аэций с наглою и настойчивою дерзостию утверждал, будто Бог открыл ему то, что скрывал от времен апостольских и доселе. Но и после таких бессмысленных и хвастливых речей Аэция, засвидетельствованных самим Серрою, нельзя было ни вразумить, ни упросить поименованных судей согласиться с произнесенным нами Аэцию приговором. Долго и с великим терпением отлагали мы суд над ними, желая то негодованием, то просьбами, то честию, то вразумлением привлечь их и согласить во мнении со всем собором. Упорно ждали мы, не послушают ли, не уступят ли. Но так как долговременным своим терпением мы не могли склонить их к принятию определений касательно упомянутого человека, то, Церковные правила считая гораздо дороже их дружбы, положили отлучить их от общения и дать им целых шесть месяцев сроку для исправления, покаяния, и возжелания прийти к единению и согласию с Собором. Если в течение данного срока они исправятся, изберут единомыслие с своими братиями и согласятся на приговор касательно Аэция, то по нашему определению, будут приняты церковью и воспользуются снова принадлежащим себе значением на соборах и нашею любовью, а когда станут нераскаянно упорствовать и дружбу человеческую предпочитать церковным правилам и согласию с нами, то, определили мы, считать их чуждыми епископского сана. Но пока они будут ожидать низложения, необходимо на их места поставить других епископов, чтобы законная церковь, подчиненная должному порядку, имела согласие сама с собою и принадлежала к союзу любви, который взаимно сохраняют все епископы, говоря всегда одно, утверждая одно общее мнение и одну общую мысль. Мы отправляем твоему благоразумию это послание, чтобы ты знал о наших соборных определениях, и усердно просим тебя соблюдать их и вверенными тебе церквами, при содействии благодати Христовой, управлять мирно и законно».

Глава 29

Повод к отделению евномиан от ариан

Евномий в своих сочинениях превозносил Аэция, называл его человеком Божиим и осыпал многоразличными похвалами; но в то же время он дружелюбно жил и с лицами, которые осудили его, так как принял от них епископское рукоположение. Евдоксий, Акакий и их сообщники, одобрив составленное в Нике фракийской вероопределение, о котором мы упомянули выше, рукоположили на место Василия и Элевсия других епископов в их церкви. Упоминать о них я нахожу излишним, — расскажу только об Евномий. Когда Евномий, еще при жизни Элевсия, принимал в управление кизикскую церковь, Евдоксий, зная здравомыслие в вере кизикской паствы и видя, как негодует царь на тех, которые единородного Сына Божия называют сотворенным, убеждал Евномия скрывать свой образ мыслей и не высказывать его людям, ищущим случая к обвинению. Придет время, говорил он, будем проповедовать во всеуслышание, что теперь скрываем, научим невежд, а кто станет спорить, того либо убедим, либо принудим, либо накажем. Согласившись с такими советами, Евномий преподавал свое нечестие чрезвычайно прикровенно, но люди, напитанные Священным писанием, заметили скрывавшуюся в его речах ложь и, хотя негодовали на это, однако ж противоречить открыто считали делом более смелым, нежели благоразумным. Поэтому, надев личину еретического зломыслия, они пришли к Евномию в дом и умоляли его явно изложить им истину догмата, не смотреть на них как на людей, колеблющихся туда и сюда между различными учениями. Евномий смело открыл им тайные свои мысли. Да это было бы неправое и безбожное дело, сказали они ему тогда, если бы такой истины ты не сообщил всем своим подчиненным! Быв обольщен сими и подобными им речами, Евномий свое богохульство стал явно раскрывать в церковных беседах. После сего те люди, возбуждая души свои ревностию, отправились в Константинополь и сначала на Евномия подали донос Евдоксию. Когда же последний не принял их обвинения, обратились к царю и жаловались ему на новую язву, говоря, что учение Евномиево гораздо нечестивее богохульства Ариева.

Разгневанный этим царь повелел Евдоксию призвать к себе Евномия, обличить его и лишить священного сана. Но Евдоксий, несмотря на беспрестанные понуждения со стороны обвинителей, продолжал уклоняться от этого дела. Тогда они снова явились к царю с жалобами и воплями, что Евдоксий не исполняет его повеления и небрежет о столь великом городе, оглашаемом богохульствами Евномия. После сего Констанций грозил ссылкою самому Евдоксию, если он не вызовет к себе на суд Евномия, не обличит его в возносимых на него преступлениях и не накажет, Страшась этой угрозы, Евдоксий посланием уведомил Евномия, чтобы он бежал из Кизики и жаловался сам на себя, не послушавшись его совета. Боясь беды, Евномий оставил Кизику, но, досадуя на свое бесчестие, обвинял Евдоксия в предательстве, говорил, что Евдоксий жестоко обидел и Аэция, и его. С того времени он основал особенное свое братство, потому что знавшие о согласии его учения с учением Евдоксия отступили от последнего как от предателя, и, присоединившись к первому, называются его именем даже доныне. Сделавшись таким образом ересеначалъником, Евномий увеличил богохульство Ария новыми прибавлениями нечестия. Что отдельную свою секту учредил он только по страсти любочестия, это явно из самого дела: потому что, когда Аэций был осужден и отлучен от церкви, Евномий не сходился с ним, хотя и называл его своим учителем и Божиим человеком, но оставался в соединении с Евдоксием, а когда сам подвергся наказанию за нечестие, то, не покорившись определению собора, стал рукополагать епископов и пресвитеров, хотя был лишен

уже епископского сана. Вот что происходило в Константинополе.

Глава 30

Об осаде города Низибы и об апостольской жизни епископа Иакова

Когда персидский царь Сапор начал войну с римлянами, Констанций отправился для собрания войска в Антиохию, однако ж, Не войско римское прогнало врагов, а победил их чтимый римлянами Бог. Я расскажу, как произошла эта победа. Низиба, которую иные называют Антиохией Мингидонскою, лежит на границе римских владений с персидскими. Епископом, блюстителем и воеводою этого города был Иаков, о котором я упоминал и прежде, муж, сиявший лучами апостольской благодати. Описав достодивные и всехвальные его чудотворения в «Боголюбце, или Истории благочестивой жизни», я считаю излишним и не необходимым перечислять их снова, но по связи с настоящим повествованием расскажу только об одном. Персидское войско осадило управляемый Иаковом и подвластный римскому государству город, но, простояв под ним семьдесят дней, придвинув к стене множество осадных машин, обставив ее многими другими орудиями, устроив валы и рвы, персы никак не могли взять города. Наконец, запрудив в некотором расстоянии выше его течение протекающей через него реки Мингидона, возвысив с обеих сторон ее берега и сделав их необыкновенно высокими, чтобы удержать ее от разлития, они вдруг, когда накопилось уже множество воды и она стала даже переливаться через насыпь берега, пустили ее, как машину, против стены. Стена не вынесла чрезвычайного напора воды, покачнулась и упала. Той же участи подверглась и другая часть крепости, где Мингидон выходил из города, — и она также не устояла перед стремительностью реки. Видя это, Сапор надеялся уже взять крепость без сражения и на один день успокоился, чтобы между тем и грязь высохла, и река сделалась переходимою. Но, в следующий день приступив к городу со всем войском и надеясь вторгнуться в него через разрушенные части стены, он видит, что стена с обеих сторон восстановлена и труд его остался бесполезным. Этот божественный муж, укрепив своею молитвою и воинов, и других жителей города, возобновил ограду и, поставив на ней машины, прогнал осаждающих, и все это совершил не всходя на стену, но умоляя Бога внутри святого храма.

Впрочем Сапор поражен был не одним скорым восстановлением стены; его ужаснуло также и другое видение: он видел на стене кого-то, облеченного в царскую одежду, сиявшего блеском порфиры и диадемы. Предположив что это был римский государь, он грозил смертию подданным, которые доносили ему, что царя нет в Низибе. Когда же те твердо стали за истину своих слов и уверили его,, что Констанций находится еще в Антиохии, тогда он понял значение видения и сказал, что римлянам поборает Бог, и в до осаде бедняк пустил к небу стрелу. Знал он, конечно, что ею нельзя поразить Бестелесного, но не мог вынести вспышки бешеного своего негодования. В то время знаменитейший сирийский писатель, дивный Ефрем, умолил святого Иакова взойти на стену посмотреть на варваров и пустить в них стрелы молитвы. Уступив этой просьбе, божественный муж взошел на одну башню и, увидев бесчисленное множество врагов, не вымаливал против них ничего, кроме скнипов и комаров, чтобы через этих малых насекомых они познали силу Владыки их бытия. По молитве Иакова скнипы и комары явились тучами и набились в трубообразные по природе хоботы слонов, в уши и ноздри лошадей и других вьючных животных, которые, не имея сил вынести нападение этих насекомых, освобождались от поводьев, сбрасывали всадников, смешивали ряды и, оставив лагерь, бросились изо всех сил бежать. Таким образом этот троекратно жалкий царь, из столь малого и человеколюбивого наказания познав силу хранителя благочестивых, Бога, отправился назад и долговременною осадою выработал себе не победу, а стыд[80].

Глава 31

О соборе антиохийском и о том, что произошло на нем касательно святого Мелетия

Констанций в это время жил еще в Антиохии. По наступлении мира с окончанием персидской войны он опять собрал епископов — с тем, чтобы заставить всех их отказаться от единосущия и иносущия. Между тем церковь антиохийская, когда Евдоксий, по случаю смерти Леонтия захватив ее кафедру, был изгнан из Антиохии и по миновании многих соборов беззаконно завладел Константинополем[81], оставалась без пастыря. Отовсюду съехавшихся тогда в Антиохию епископов было много, и о они говорили, что сперва нужно избрать пастыря этой пастве, а потом уже вместе с ним рассуждать о догматах. В ту пору святый Мелетий, управлявший одним армянским городом, недовольный необузданностию своих подчиненных, удалился на покой и жил в другом месте. Ариане предполагали, что он единомыслен с ними и разделяет их учение, а потому упросили Констанция вверить ему бразды правления антиохийскою церковью, ибо они безбоязненно нарушали всякий закон[82], стараясь усилить свое нечестие, и нарушение постановлений служивало им основою богохульства. Много дел в этом роде совершили они везде на земле. Но и защитники апостольских догматов, быв убеждены в здравомыслии великого Мелетия касательно учения веры, вполне зная чистоту его жизни и богатство Добродетелей, согласились также на его избрание и с особенною заботливостию вели дело так, чтобы определение о его Избрании было изложено письменно и подписано всеми. Потом хранить его, как бы общий договор, обе стороны поручили само осатскому епископу Евсевию, благородному поборнику истины.

Когда Мелетий, по царскому зову, прибыл в Антиохию навстречу ему вышли священнослужители и прочие церковные чины, — все жители города, даже иудеи и язычники, — все жаждали увидеть славимого молвою Мелетия. Потом царь и ему, и другим, более красноречивым епископам поручил раскрыть народу слова: «Господь созда мя начало путей своих в дела своя» (Притч **8**.22), а скорописцам приказал записывать их речи, предполагая, что через это точнее обнаружится учение каждого. Итак, первый начал говорить Георгий лаодикийский и изобличал еретическое зловоние, за ним вышел Акакий кесарийский и высказал какое-то учение среднее, которое хотя весьма отличалось от арианского богохульства, однако ж, и не имело свойств чистого, неповрежденного апостольского учения, Наконец, третьим восстал великий Мелетий и выразил прямой смысл догматического учения о Боге: руководясь истиною, как отвесом, он избежал и преувеличения, и недостатка. Народ долго сопровождал его речь одобри ительными восклицаниями и просил его повторить вкратце свое учение. Тогда Мелетий, показав три перста и потом два из них сложив и оставив один, произнес следующее достохвальное изречение: «Разумеем три, а беседуем как бы о едином». Люди, носившие в душе болезнь арианства, подняли толки и сплели клевету, будто святой Мелетий следует учению Савеллия. В этом именно убедили они и своего, куда угодно склоняющегося Еврипа и устроили дело так, что Мелетий изгнан был в свое отечество, а на его место тотчас же избран был явный защитник арианского учения Евзой[83], который некогда вместе с Арием удостоился диаконства, а потом отлучен великим Александром. Вслед за этим здравомыслящий народ, отделившись от зараженных болезнью, стал собираться в апостольской церкви, находящейся в так называемом старом городе[84]. Целых тридцать лет[85] с того времени, как пострадал от наветов всехвальный Евстафий, православные антиохийцы терпеливо сносили арианское нечестие своих епископов и надеялись наконец какой-нибудь перемены к лучшему.

Но когда увидели, что в их городе нечестие постоянно усиливается, а блюстители апостольского учения и явно, и тайно подвергаются гонениям и наветам, что святой Мелетий изгнан и вместо его получил предстоятельство покровитель ереси Евзой, то впомнили сказаное Лоту: «спасая спасай твою душу» (Быт **19**.17), и евангельское повеление, ясно заповедающее: «аще око твое десное соблазняет тя, изми ее, и верзи от себе», и подобное же узаконение Господа о руке и ноге: «уне бо ти есть, да погибнет един от уд твоих, а не все тело твое ввержено будет в геенну огненную» (Мф **5**.29). Таким-то образом произошло разделение антиохийской церкви.

Глава 32

О самосатском епископе Евсевии

Между тем дивный Евсевий, которому, как я прежде упомянул, отдано было общее той и другой стороны определение, увидев, что оно нарушено, возвратился в вверенный себе город. Боясь собственноручного обличения, ариане убеждали Констанция послать кого-нибудь взять назад то определение. Убежденный ими царь послал с этою целию одного из тех людей, которые ездят обыкновенно на переменных лошадях и в самое скорое время доставляют ответы. Когда посланный прибыл к Евсевию и передал ему волю царя, то дивный этот муж отвечал: «Не решусь отдать сообща вверенный мне залог иначе, как в присутствии всех вверивших». Посланный передал это пославшему. Пылая гневом, царь отправил его снова с тем же повелением и прибавил в своем письме, что повелевает отсечь Евсеви ию правую руку, если он не отдаст определения, впрочем, прибавил это с целью только устрашить Евсевия, в самом же деле запретил посылаемому исполнять свою угрозу. Развернув послание и узнав из написанного, каким наказанием грозил ему царь, этот святой муж вместе с правою протянул и левую руку и предлагал отсечь их обе. «Не отдам, — сказал он, — этого определения: оно очевидная улика низости ариан». Узнав о таком его мужестве, Констанций и тогда изумлен был им, и после не переставал ему удивляться. Так-то перед великими делами людей невольно благоговеют даже враги их. Около этого времени Констанций узнал, что Юлиан, которого он объявил кесарем Европы, предпринимает очень важные дела и собирает войско против того, кто удостоил его высокого сана, и немедленно уехал из Сирии, но в Киликии скончался. Не сохранив в целости оставленного себе в наследие родительского благочестия, он не имел и оставленного себе помощника, а потому горько раскаивался в перемене веры[86].

Книга 3

Глава 1

О воцарении Юлиана

Констанций оставил эту жизнь с скорбию и сокрушением, что уклонился от веры отеческой. Между тем Юлиан на пути из Европы в Азию узнал о его смерти и, представляя, что нет более уже противника ему, сделался смелее и вступил на престол.

Глава 2

О том, что, воспитанный в благочестии,он обратился к нечестию

Еще не достигнув зрелого возраста и находясь в летах отроческих, Юлиан вместе со своим братом Галлом питался млеком благочестивого учения[87]. Того же учения держался он и тогда, когда вступал уже в возраст юношеский и приближался к совершеннолетию; даже боясь Констанция, который с ужасным тиранством убивал его родственников[88], причислен был к сонму чтецов и при богослужебных собраниях читал народу у священные книги. Мало того, он построил было и храм в честь мучеников, только мученики, предвидя уклонение его в нечестие, не приняли его дара: храм, по непрочности основания, сообразной с непрочностию мыслей самого строителя, пал еще прежде, чем был ос священ. Так прошел первый и второй его возраст.

Глава 3

О том, что прежде он скрывал свое нечестие и обнаружил его уже вспоследствии

Когда Констанций, увлекаемый войною против Магненция, должен был переехать на Запад, тогда кесарем Востока объявил он Галла[89], который и в то время соблюдал благочестие, и после, до конца жизни был благочестив. Этот случай расположил Юлиана рассеять спасительный страх души, и он с предосудительною самонадеянностию начал домогаться царского скипетра: обходя Элладу, выискивал провещателей и гадателей — с намерением узнать, сбудется ли его желание. Наконец он напал на человека, который обещал ему предсказать это. Приведши Юлиана в одно идольское капище, тот человек указал ему место внутри самого святилища и начал вызывать лукавых демонов. Когда же демоны явились в обыкновенном своем виде, ужас невольно сообщился Юлиану и заставил его положить на челе крестное знамение[90]. Увидев это знамение Христовой победы и собственного поражения, они мгновенно исчезли. Волшебник узнал о причине их бегства и стал укорять Юлиана, но Юлиан признался ему в своем испуге и при этом выразил изумление, как велика сила креста, если демоны не устояли перед его изображением и разбежались. Не думай так, добрый человек, отвечал обманщик, они ушли не по боязни, как ты говоришь, а по отвращению к тому, что сделано тобою. Обольстив таким образом этого бедняка, он ввел его в таинства и исполнил беззакониями. Страсть сделаться царем совлекла с несчастного ризу благочестия.

Впрочем, Юлиан, даже и приняв правление, долго еще скрывал свое нечестие, потому что боялся особенно проникнутого благочестием войска. Оно сперва освобождено было от древних заблуждений всехвальным Константином и от него же получило урок истинного учения, а потом посеянные в нем родителем семена веры еще более утвердили его дети. Если Констанций, обманываемый управлявшими им людьми, и не принимал слова «единосущный», то по крайней мере искренно исповедовал его значение, потому что Бога-Слово называл Сыном, истинным рожденным от Отца прежде веков, и явно отвергал дерзавших называть Его тварию, а идолопоклонство воспрещал решительно. Припомним и другой достохвальный поступок Констанция, вполне доказывающий его ревность в делах веры. Во время войны с Магненцием, он собрал все войско и увещевал воинов принять святое крещение. «Нам неизвестен конец нашей жизни, — говорил он, — особенно же в сражении, когда со всех сторон летят тысячи стрел, дротиков и копий, когда грозят насильственною смертию удары мечей, сабель и другого оружия. Посему каждый необходимо должен облачиться в ту вожделенную одежду, в которой мы будем очень нуждаться на том свете. А кто не расположен теперь возложить на себя это одеяние, тот пусть оставит войско и возвратится домой; я не хочу сражаться вместе с неосвященными».

Глава 4

О возвращении епископов из ссылки

Понимая все это очень ясно, Юлиан отнюдь не открывал душевного своего нечестия — даже чтобы приобресть общее благорасположение, повелел сосланных Констанцием и рассеянных по пределам государства епископов возвратить, каждого в свою церковь. В силу этого-то повеления святой Мелетий возвратился в Антиохию, а всехвальный Афанасий — в Александрию. В то время Иларий, Евсевий Италийский, и Люцифер — пастырь острова Сардинии, находились в египетской провинции Фиваиде, куда заточил их Констанций. Собравшись с другими, единомышленными себе (епископами), они признали нужным позаботиться о водворении в церквах единства и согласия, потому что, кроме внешних нападений на церкви со стороны противников по учению, происходила борьба и в недрах самых церквей. Так, в Антиохии православный народ распался на две партии: приверженцы всехвального Евстафия, отделившиеся еще прежде, собирались на богослужение особо, а отступившие от арианского общества вместе с дивным Мелетием совершали богослужение опять особо в так называемой старой церкви. Между тем обе эти партии одинаково исповедовали веру, ибо та и другая с равным усердием стояла за символ изложенного в Никее учения. Разделяла их только взаимная вражда и привязанность каждой к своему предстоятелю, и раздор не окончился даже смертию одного из тех епископов. Евстафий умер еще прежде, чем рукоположен был Мелетий, но когда православные, по изгнании Мелетия и рукоположении Евзоя, отделились от общения с неправомыслящими, евстафиане не согласились соединиться с ними. Поэтому собравшиеся с Евсевием и Люцифером хотели найти средство соединить упомянутые партии, и Евсевий просил Люцифера отправиться в Александрию, чтобы там касательно сего дела посоветоваться с Афанасием Великим, а сам брал на себя труд — примирить враждовавших антиохийцев.

Глава 5

О возвращении епископов из ссылки

Однако ж, Люцифер не поехал в Александрию, а отправился в Антиохию. Много речей о примирении говорил он той и другой партии, но, видя, что евстафиане, руководимые пресвитером Павлином, не соглашаются ни на что, наконец, рукоположил им этого самого Павлина в епископы, и поступил нехорошо, потому что своим поступком продлил существовавший раздор на восемьдесят пять лет[91], до времени достойного всякой хвалы Александра, который, приняв кормило правления антиохийской церковью, употреблял все средства, прилагал все старание и усердие к восстановлению единосущия и наконец успел присоединить к телу церкви отделившийся член ее. Увеличив таким образом распрю, Люцифер оставался в Антиохии еще довольно долго. Между тем туда же прибыл и Евсевий и, заметив, что от нехорошего врачевания болезнь сделалась неисцелимою, отплыл на запад. А Люцифер возвратился в Сардинию и к церковным догматам присоединил нечто чуждое, так что последователи его стали называться по его имени и долгое время известны были под именем люцифериан. Впрочем, и это учение впоследствии уничтожилось и предано забвению. Такие-то дела происходили по возвращении епископов из ссылки.

Глава 6

О том, что Юлиан не по человеколюбию, а по ненависти не убивал, христиан открыто

Как скоро нечестие Юлиана сделалось явным, города наполнились смятениями[92]. Преданные заблуждению идолопоклонства снова ободрились, растворили идольские капища и начали совершать сво ои нечистые и достойные забвения таинства, зажгли жертвенный огонь и заразили воздух курением и дымом, а землю оскверняли кровию жертв. Быв приводимы в исступление демонами, которым служили, они неистовствовали, бегали по площадям, как помешанные, преследовали христиан проклятиями и насмешками, направляли против них все роды ругательств и наглостей. А чтители благочестия, не имея силы сносить их богохульство, сами отвечали им поруганиями и обличали их заблуждение. Негодуя на то и ограждая свою дерзость благоволением державного, деятели нечестия наносили христианам нестерпимые побои. А безбожный царь вместо того, чтобы заботиться о спокойствии подданных, еще более разжигал борьбу в народе и как бы не замечал обид, наносимых людьми дерзкими людям кротким. . Все гражданские и военные должности вверил он самым жестоким и самым нечестивым из граждан, которые, хотя явно не принуждали ревнителей благочестия к отступничеству, тем не менее, однако ж, всячески бесчестили их. Он отнял также и преимущества, какие великим Константином дарованы были духовенству.

Глава 7

О том, сколько и какие обиды наносили христианам покровительствуемые им язычники

Преданные заблуждению идолопоклонства наносили в то время христианам такое множество обид, что для описания их нужно было особое сочинение; но из многого я расскажу немногое. В Аскалоне и Газе, городах палестинских, они схватили удостоенных священства мужей и давших обет девственной жизни жен, разорвали им утробы и, наполнив их ячменем, бросили страдальцев в пищу свиньям. В Севастии, главном городе провинции того же имени, они открыли гробницу Иоанна Крестителя, предали огню кости его и развеяли прах их. А кто может рассказать без слез злодейство, совершенное ими в Финикии! В Илиополисе, близ Ливана, жил один диакон, Кирилл. Пламенея божественною ревностию, он в царствование Константина разрушил множество идолов, которым там поклонялись. Вспомнив его деяния, эти ненавистники не только умертвили его, но еще, разрезав ему чрево, съели его печень. Однако ж, такое неистовство не утаилось от Всевидящего ока, за свое злодейство они были праведно наказаны. Участники этого злодеяния лишились, во-первых, зубов, которые у них все выпали, лишились потом и языков, которые истлели, быв поражены гниением, лишились, наконец, и зрения и своими мучениями показали, как велика сила благочестия. В недалеко отстоящем оттуда городе Эмесе язычники посвятили Дионису Гиниду новопостроенную церковь и поставили в ней достойный смеха мужеско-женский кумир. В знатном фракийском городе Доростоле начальник всей Фракии Капитолии сжег на костре победоносного воина Христова Эмилиана. А история аретузского епископа Марка? Нужно бы возвышенное красноречие Эсхила или Софокла, чтобы достойно представить страдания этого святителя. Во времена Констанция, разрушив одно идольское капище, он построил в Аретузе церковь. Аретузцы, узнав теперь о намерении Юлиана, обнаружили за это свою злобу против Марка.

По заповеди евангельской, Марк сперва старался было спастись бегством, но потом, узнав, что вместо него схвачены некоторые из его пасомых, возвратился и добровольно предал себя злодеям, а они, взяв его, не пощадили его старости и не постыдились его добродетелей. Обнажив этого и по жизни и по учению знаменитого мужа, они сначала секли его и покрыли ранами все члены его тела, потом бросили в зловонный погреб, вытащив же оттуда, отдали его на поругание толпе мальчишек, приказав им нещадно колоть его стилями, затем посадили его в корзину, намазали рыбьим жиром и медом и в самое знойное время высоко подняли на воздух, чтобы таким образом предоставить его в пищу осам и пчелам. Делая это, мучители принуждали его к чему-нибудь одному из двух, то есть либо восстановить разрушенное капище, либо внести требующиеся для того деньги. Но, терпя столь тяжкие страдания, он не соглашался исполнить ни одного из этих предложений. Язычники думали, что Марк не предоставляет требуемой суммы по бедности, а потому уменьшили требуемое вполовину и настаивали на уплате другой половины, но он, вися на воздухе, быв исколот стилями и съедаем осами и пчелами, нисколько не обнаруживал чувства боли, напротив, еще насмехался над нечестивцами, называл их тварями низкими и пресмыкающимися по земле, а себя — высоким и парящим к небу. Наконец, мучители требовали от него уже самой малой части денег, но он отвечал, что почитает равно нечестивым делом отдать им всю требуемую сумму или хотя один обол. Быв таким образом побеждены, они освободили Марка и, изумляясь его твердости, одною крайностию переведены были в другую, то есть из его противления научались благочестию.

Глава 8

Законы Юлиана против христиан

В то время повсюду, на суше и на море, люди нечестивые наносили множество и других обид людям благочестивым, потому что богоненавистный отступник начал явно уже издавать законы против благочестия. Во-первых, он запретил детям Галилеян, называя этим именем верующих в Спасителя нашего, учиться поэзии, риторике и философии: нас колют, говорил он, по пословице, нашими же стилями, то есть ведут против нас войну, вооружившись произведениями наших же писателей. Потом издал и другой закон, повелевавший изгонять всех Галилеян из военной службы[93].

Глава 9

Об изгнании и бегстве святого Афанасия

В то время Афанасий, подвижник непобедимый во всех родах борьбы за истину, подвергся еще новой опасности. Не вынося силы слова и молитв его, демоны противопоставили ему злословие своих служителей. Подручники их, обращаясь к покровителю нечестия, представляли ему много и других причин изгнать Афанасия, да присоединяли к ним и следующую: если Афанасий останется, говорили они, то не останется ни одного язычника, он всех их привлечет в свое общество. Вняв такой просьбе, Юлиан повелел не изгнать его только, но умертвить. Между тем как христиане были в страхе, Афанасий, говорят, предсказал, что эта буря скоро утихнет, и называл ее быстро разрешающеюся тучею. Впрочем, узнав, что посланные прибыли, он оставил город и, нашедши и судно на берегу реки, отплыл в Фиваиду. А тот, кому повелено было умертвить его, слыша, что он убежал, быстро погнался за ним. Между тем, однако ж, один из друзей афанасиевых перегнал преследователя и успел уведомить Афанасия о поспешной за ним погоне. Туг некоторые из спутников просили его уклониться в пустыню, но он приказал кормчему поворотить судно назад в Александрию. Когда они таким образом плыли навстречу преследователю, этот носитель смертного приговора приблизился к ним и спросил: «Далеко ли плывет Афанасий?» «Недалеко», — отвечал Святитель и, расставшись с ним, отправился в Александрию, где потом скрывался во все остальное время Юлиановой жизни[94].

Глава 10

О статуе Аполлона в Дафнии и о святом Вавиле

Намереваясь вступить в войну с персами, Юлиан разослал более доверенных своих слуг ко всем бывшим в римской империи прорицалищам, а сам об открытии будущего просил дафнийского оракула. Оракул отвечал, что прорицать препятствует ему соседство мертвецов, что тела их сперва надобно перенести в другое место; тогда-то уже предскажет он: «не могу прорекать, пока не будет очищена моя роща». А в это время лежали там останки победоносного мученика Вавилы[95] и вместе с ним подвизавшихся отроков: явно, что благодатная его сила возбраняла лжепрорицателю давать обыкновенно-лживые предречения. Так понял это и Юлиан. Во времена прежнего своего благочестия он знал могущество мучеников и потому не вынес оттуда никакого мертвого тела, а приказал исповедникам Христа перенести только останки победоносных мучеников. Согласно с этим повелением, верные радостно собрались в рощу[96] и, возложив гроб на колесницу, всенародно сопровождали его и, воспевая песнь Давидову, каждый стих псалма заключали словами: «да постыдятся вси кланяющийся истукан ым» (Пс **96**.7), ибо перенесение мученика почитали свидетельством победы его над диаволом.

Глава 11

Об исповеднике Феодоре

Юлиан не стерпел посрамления, причиненного ему этим торжеством, и на другой день приказал схватить главных виновников его. Тогдашний префект Саллюстий, хотя был раб нечестия, однако ж, старался упросить тирана, чтобы он не содействовал желанию христиан, гонение вменявших себе во славу, но, видя, что царь не может умерить своего гнева, схватил одного, случайно проходившего по площади юношу, украшенного святою ревностию, и, приказав публично привязать его к столбу, сек ремнями, рвал ему крючьями бока и таким образом мучил его с самого утра до конца дня, а потом велел надеть на него железные оковы и заключить в темницу. Поутру, донося об этом Юлиану и говоря ему о твердости юноши, префект прибавил, что такое дело нас только посрамляет, а христиан украшает славою. Убедившись его представлениями, богоненавистник запретил мучить других подобным образом и приказал выпустить из темницы самого Феодора, ибо так назывался этот юный и мужественный поборник истины. После того спрашивали Феодора[97], чувствовали он боль, вынося столь жестокие и бесчеловечные муки? Сначала я немного чувствовал, отвечал он, потом явился мне кто-то и, постоянно отирая пот с моего лица мягким и холодным полотенцем м, повелевал мне мужаться, так что, когда палачи прекращали свое дело, я не радовался, а начинал чувствовать боль, ибо вместе с тем отступал от меня и воодушевитель. Между тем лжепрорицатель демон еще больше увеличил славу мученика и обнаружил собственную лживость, потому что спадшая с неба молния сожгла все капище и самую статую Аполлона, деревянную и только позолоченную снаружи, обратила в мельчайший прах. Узнав об этом пожаре ночью, Юлиан, по матери дядя Юлиана царя, префект Востока, со всею скоростию поехал в Дафну, чтобы подать помощь чтимому ими божеству, и, нашедши так называемого бога уже превратившимся в прах, подверг пытке прислужников храма в том предположении, что пожар произведен каким-нибудь христианином, однако ж, и под пытками они не решились сделать ложного показания и говорили, что пламя сперва показалось не внизу, а вверху. То же подтверждали и собравшиеся из соседних деревень поселяне, свидетельствуя, что они сами видели, как молния спала с неба.

Глава 12

Об отобрании в казну церковных сосудов и об отнятии хлебных запасов

Уверившись, что все произошло действительно так, нечестивцы вооружились против Бога всяческих. Тиран повелел церковные сосуды предать в царские казнохранилища, заколотить двери построенной Константином великой церкви и сделать ее недоступною для христиан, собиравшихся в ней на молитву. Этою Церковью владели тогда ариане. Вместе с префектом востока Юлианом в сей Божий храм вошли блюститель государственной казны, Феликс, и хранитель сокровищ и стяжаний, принадлежащих лично самому царю, Элпидий, или Comes privatus, как называют эту должность римляне[98]. Феликс и Элшидий прежде были, говорят, христианами, но в угодность нечестивому царю отступили от благочестия. Юлиан осквернил святой престол и дал пощечину Евзою, когда он покусился было воспретить это. Говорят, что при этом случае Юлиан прибавил: «Теперь Божественное провидение уже не печется о делах христианских», а Феликс, обратив внимание на драгоценность священых сосудов, которые с сделаны были Константином и Констанцием со всею щедростью, сказал: «Вот на каких сосудах служат Сыну Марии!»

Глава 13

О том, что произошло с дядею царя, Юлианом, и другими нечестивцами

Но недолго ждали они наказания за это нечестивое и безумное поругание. Юлиан немедленно поражен был жесточайшею болезнию, от которой сгнили его внутренности, так что очищение совершалось уже не через обыкновенные части тела, но органом его были скверные уста, служившие ему прежде органом богохульства. Рассказывают, что славившаяся верою жена его при этом случае так говорила своему супругу: «Надобно благодарить Христа Спасителя, муж, что этим наказанием Он дал тебе уразуметь свое могущество. Ты и не узнал бы, кто тот, против кого ты враждовал, если бы, по своему обыкновенному долготерпению, Он не послал на тебя свыше этих ударов». Подобными речами жены и своими мучительными страданиями вразумившись о причине болезни, этот несчастный умолял царя возвратить церковь тем, которых он лишил ее, но не убедил его и окончил жизнь свою. Равно и Феликс был внезапно наказан свыше: из его уст день и ночь текла кровь, как будто бы к этому органу она направлялась из всех жил тела. Истекши, таким образом, кровию, он отжил, и предан вечной смерти. Так были наказаны эти люди за свое нечестие[99].

Глава 14

О сыне одного жреца

Около того времени в сонм благочестивых вступил отрок сын жреца, воспитанный в нечестии. С его матерью была знакома одна весьма благонравная жена, удостоенная степени диаконисы. Когда его мать вместе с ним, еще ребенком, захаживала к ней, она ласкала его и располагала к благочестию. Потом и не имея уже матери, мальчик по-прежнему посещал ее и с удовольствием внимал обыкновенным ее наставлениям. Твердо решившись следовать добрым советам своей наставницы, он спросил ее, каким бы путем избежать ему отцова суеверия и принять проповедуемую ею истину. Она отвечала, что отца должно оставить и предпочесть ему Бога, который сотворил и его самого, и его отца, должно уйти в другой город, в котором можно было бы скрыться и избежать от рук нечестивого царя, и наконец обещалась сама позаботиться об этом. Так я приду к тебе, отвечал отрок, и отдам в твое распоряжение свою душу. Через несколько дней после сего Юлиан прибыл в Дафну с намерением дать общественный праздник. С ним находился и отец отрока, как жрец и обыкновенный спутник царя, а с отцом надлежало быть и этому самому отроку, и его брату, потому что оба они занимали места прислужников при храме и должны были окроплять царские яства.

Праздник в Дафне обыкновенно продолжался семь дней. Быв в первый день поставлен у царского ложа и по обыкновению окропив и исполнив скверны языческой царские кушанья, отрок потом убежал в Антиохию и, явившись к той дивной жене, сказал: «Вот я пришел к тебе, не изменил своего слова: позаботься же и ты о моем спасении, душевном и телесном, исполни обещание». Тогда она немедленно встала и сама отвела его к человеку Божию, Мелетию, который велел ему пока жить в верхнем отделении своего дома. Между тем отец, ища сына, обошел всю Дафну, потом пришел в город и исходил все улицы и переулки, смотрел везде и старался всячески напасть на следы его. Наконец, пришедши в ту деревню, в которой находилось жилище святого Мелетия, он взглянул и, увидев, что его сын выглядывает из-за решетки, тотчас же побежал, выволок его и повел. Приведши к себе домой, он сначала нанес ему множество побоев, потом обжигал ему руки, ноги и спину раскаленными вертелами, и наконец запер его в спальне наружным замком и отправился в Дафну. Это я слышал от него самого, когда он был уже старцем. Пришедши как бы в воодушевление и исполнившись божественной благодати, он рассказал также, что в той спальне разрушил всех идолов своего отца и посмеялся над их бессилием, а потом, подумав, что сделал, с ужасом представил себе возвращение отца и начал молиться Господу Иисусу Христу, чтобы он сокрушил замки и отверз ему двери. Истинно ради тебя только, молился он, я вытерпел такое мучение и совершил это. По моим словам, продолжал он, замки действительно отпали, двери отворились, и я убежал опять к своей наставнице. Она одела меня в женское платье, посадила с собою в крытую повозку и отвезла снова к св. Мелетию. Мелетий же передал меня иерусалимскому епископу, а епископом иерусалимским был тогда Кирилл. И так ночью они со всею поспешностию уехали в Палестину. Потом, по смерти Юлиана, он обратил к истине и своего отца, потому что и об этом между прочим рассказал нам. Таким-то образом они приведены были к богопознанию и получили спасение.

Глава 15

О римлянах Ювентине и Максиме[100]

Между тем Юлиан все дерзновеннее, или лучше — все бесстыднее, вооружался против благочестия, прикрывался личиною снисходительности и расставлял западни и сети, чтобы обольщаемых уловлять в пагубу нечестия. Во-первых, он велел все колодези в городе и в Дафне осквернять отвратительными идольскими жертвами, чтобы каждый, почерпая из них воду, через то приобщался скверны. Потом он исполнил идольскою язвою и все то, что продавалось на площади, ибо и хлеб, и мясо, и плоды, и и огородные овощи — все съестное приказал окроплять водою жертвенною. Видя это, люди, носившие имя Спасителя, стенали и, гнушаясь осквернения, сетовали, однако ж, не могли не вкушать всего, следуя апостольскому повелению: «все, еже на торжищи продаемое, ядите, ничто же сумняшеся за совеет» (1Кор **10**.25). Два знатных воина, пешие щитоносцы царские, на одном обеде с особенным жаром выражали свою жалобу на это осквернение и, повторяя дивную речь славных вавилонских отроков, говорили: «предал еси нас, Господи, царю, отступнику, лукавнейшу паче всея земли» (Дан **3**.32)[101]. Один из собеседников донес это царю, который немедленно призвал тех отличных мужей и спросил, что говорили они. Приняв вопрос царя за случай к дерзновению, они с достохвальною ревностию отвечали ему следующим образом: «Быв воспитаны в благочестии, Государь, и повинуясь всехвальным христианским законам, а эти законы даны нам Константином и его детьми, мы сетуем ныне, когда видим, что все осквернено, что всякая пища и всякое питье заражены ненавистными веществами идоложертвенными. И дома мы плакали об этом, и теперь рыдаем в твоем присутствии. Подлинно, из всех царских твоих дел это одно невыносимо». Выслушав такие слова, царь, кротчайший и мудрейший, как называли его подобные ему, сбросил с себя личину снисходительности и проявил образ действительного своего нечестия. Он приказал подвергнуть этих мужей жестоким и ужасным истязаниям и лишил их настоящей жизни, или лучше — освободил от этого плачевного века и доставил им венцы победителей. Причиною же их казни выставил Юлиан не благочестие, за которое они умерщвлены, а дерзость: он говорил, что эти воины казнены как оскорбители царского величества, и приказал так рассказывать о них всем, чтобы у поборников истины отнять имя и славу мучеников. Из этих мучеников один назывался Ювентином, а другой Максимом. Чтя их как подвижников благочестия, антиохийцы положили их в драгоценной раке и доселе каждый год всенародно празднуют их память[102].

Глава 16

О Валентиниане, который впоследствии был царем

Были и другие сановники и люди почетные, решавшиеся на подобное дерзновение перед царем и такими же украсившиеся венцами. К числу их принадлежал и Валентиниан[103], немного спустя[104] царствовавший, а в то время бывший тысяченачальником и предводителем царских копьеносцев, и равным образом не скрывавший своей ревности по благочестию. Однажды тот оглушенный нечестием (Юлиан) торжественно вступал в храм гения. Прислужники храма, стоя по обе стороны дверей, окропляли всех входивших в него с намерением предварительно очистить их. При этом случае, идучи впереди царя, Валентиниан заметил на своей одежде каплю жертвенной воды и ударил кулаком прислужника — в наказание, что он не очистил, а осквернил его, за что и удостоился земного и небесного царствия. Увидев это, ненавистник сослал Валентиниана в одну пустынную крепость и приказал ему жить там. Однако ж, спустя год и несколько месяцев, он, в награду за свое исповедничество, провозглашен был царем, ибо заботящихся о Божественном праведный Судия возвышает не в будущей только жизни. Иногда благие труды Он вознаграждает тотчас же и надежды на будущее утверждает немеденно посылаемыми дарами. Тиран против благочестия избрал и другое оружие. По древнему обычаю, раздавая деньги полкам, он садился на царском троне и при этом случае, против обыкновения, поставил подле своего места наполненную горящими углями кадильницу, а на столе ладан с повелением, чтобы каждый шедший за деньгами сперва клал в кадильницу несколько ладану, а потом уже подходил для получения денег из рук его. Большая часть войска, по совершенному неведению, вдалась в тот обман, но проведавшие о нем предварительно притворились больными и избежал ли столь опасной ловли. Иные же по страсти к деньгам небрегли о своем спасении, или, боясь царя, изменяли благочестию.

Глава 17

О других исповедниках

После этой гибельной раздачи денег несколько воинов из числа получивших золото пировали за одним столом. Кто-то из них, принимая чашу с вином, прежде чем выпить, положил на ней спасительное знамение креста, но другой пи ировавший укорил его и сказал, что это противно недавнему его поступку. Что же сделал я противное, спросил тот? А этот напомнил ему о кадильнице и ладане, о бывшем отречении и сказал, что подобные вещи противны исповеданию христианства. Услышав это, весьм ма многие из пировавших вскрикнули от ужаса и возрыдали, начали рвать на голове волосы и, оставив пир, побежали через площадь и кричали, что они — христиане, что они обмануты хитростию царя и теперь поют противное, готовы восстановить битву, проигранную по неведению. С подобными воплями скоро прибежали они к дворцу и, громко жалуясь на хитрость тирана, просили предать себя сожжению, чтобы, осквернившись огнем, очиститься посредством другого огня.

Такие и подобные слова воспламенили гнев губителя, и он сперва приказал отрубить им головы. Поэтому вывели их за город в сопровождении множества городских жителей, радовавшихся об их великодушии и удивлявшихся их дерзновению за благочестие. Пришедши на то место, где обыкновенно казнимы бывали злодеи, старший из них стал усиленно просить палача отрубить голову наперед самому младшему, чтобы, видя убиение старших, он не был побежден страхом. Но едва только самый младший склонил колена на помост и палач обнажил меч, как прискакал вестник прощения, крича еще издали, чтобы не было убийства. Тот юноша, недовольный отменою смертной казни, сказал: знать Роман[105] недостоин был украситься именем мученика Христова, ибо так звали его. Впрочем, тот лукавец отменил в этом случае смертную казнь только по побуждению ненависти, желая лишить подвижников доброй славы. Он не позволил им жить в городах и сослал на границы римской империи.

Глава 18

О вожде Артемии

Подобно этому, Юлиан не только лишил имуществ, но и отсек голову начальствовавшему над египетскими войсками Артемию. Причина была та, что приняв эту должность во время Констанция, он разрушил множество идолов[106]. Вот сколько и каких дел совершил этот, по словам нечествующих, царь, самый кроткий и самый умеренный в гневе. В свою историю я внесу еще повествование об одной отличнейшей между женами, ибо и жены, вооружившись божественною ревностию, презирали его свирепость.

Глава 19

О дерзновении по Богу диаконисы Публии

В то время жила некто Публия, женщина знаменитая и славившаяся подвигами добродетели. От своего недолгого супружеского союза она принесла Богу достодивный плод: святое материнское лоно ее произрастило того Иоанна, который немало времени начальствовал над антиохийскими пресвитерами и, быв много раз избираем на апостольскую кафедру, всегда избегал предстоятельства[107]. Теперь она окружила себя ликом дев, которые дали обет девствовать в во всю жизнь, и с ними постоянно восхваляла творца и Спасителя Бога. Однажды проходил мимо них царь, и подвижницы еще громче обыкновенного запели все вместе, почитая гонителя достойным пренебрежения и посмеяния и избирая преимущественно те песни, в которых осмеивается бессилие идолов. «Идоли язык сребро и злато, дела рук человеческих» (Пс **113**.12), возглашали они с Давидом и, описав потом их бесчувственность, воспевали: «подобны им да будут творящий я, и все надеющийся на ня» (П с **113**.16). Слыша это, царь очень оскорбился и приказал певицам молчать, когда он будет проходить мимо. Но Публия, мало думая о его приказаниях, возжгла в своем сонме еще большую ревность и, при новом мимошествии Юлиана, велела ему петы «да воскреснет Бог, и расточатся врази его» (Пс **67**.2). Тогда царь вознегодовал и приказал привести к себе начальницу хора. Увидев перед собою старицу, по летам своим достойную всякого почтения, он не сжалился над ее сединами, не почтил душевных ее доблестей, но одному из копьеносцев велел бить ее по щекам, и убийственные руки обагрили кровию ее ланиты. Вменив бесчестие в высокую почесть, Публия возвратилась домой и продолжала по-прежнему поражать царя духовными песнопениями, подобно тому как сам писатель псалмов и наставник песнопения укрощал одержимого злым духом Саула.

Глава 20

Об иудеях, о намерении их построить храм и о ниспосланном на них свыше наказании

В самом деле, и этот царь, свирепствуя и неистовствуя против благочестия, был также жилищем демонов-губителей. По этой-то причине он и иудеев вооружил против верующих во Христа. Сперва, собрав их, Юлиан спрашивал, почем му они не приносят жертв, тогда как закон повелевает им это, и, получив ответ, что по предписанию они должны отправлять свое богослужение только в одном месте, богоненавистный отступник тотчас приказал им воздвигнуть разрушенный храм. Он суетно предполагал обличить во лжи предречение Господне, а между тем еще с радостию выслушав слова царя, иудеи о его повелении возвестили всем в государстве единоплеменникам. Поэтому они начали стекаться отовсюду, неся свои богатства и свое усердие к восстановлению храма. Весьма большое пособие давал им и тот, кто предписал дело, давал не по щедрости, а по вражде против истины. Он отправил на место постройки и начальника, достойного исполнителя нечестивых повелений. Говорят, что и лопаты, и ведра, и корзины у иудеев были сделаны из серебра. Начав копать и вытаскивать землю, многие десятки тысяч их трудились над этим с утра до вечера, но во время ночи выкопанная земля из вала сама собою переносилась опять на прежнее место. Вот они раскопали уже самые остатки прежнего храма и надеялись построить все вновь. Для этого свезены многие десятки тысяч медимнов алебастра и извести, но вдруг поднялись сильные ветры, вихри, бури, ураганы, и все это скоро было развеяно. Однако ж, строители продолжали упорствовать и не вразумлялись Божиим долготерпением.

Наконец, произошло сильнейшее землетрясение и — вовсе чуждых Божественной веры привело в немалое изумление. Но они не убоялись — и тогда-то уже из раскопанных оснований исторгся огонь и пожег большую часть копателей, а остальных рассеял[108]. Эти последние в весьма большом числе собрались на ночь для отдыха в один соседний портик, но занятое ими здание вдруг обрушилось вместе с кровлею и подавило всех, спавших в нем»[109]. В ту же самую ночь и потом опять в следующую видно было на небе световидное начертание спасительного креста. Самые даже одежды на иудеях были испещрены крестами, только не световидными, а черного цвета. Видя это и устрашившись небесных казней, враги Божий разбежались, возвратились в свои места и исповедовали Богом Того, Кто распят был на кресте их предками. Юлиан слышал об этом событии, ибо оно известно было каждому, но он ожесточил свое сердце, подобно Фараону.

Глава 21

О походе против персов

Узнав о смерти Констанция, персы сделались смелее и, объявив войну, вступили в пределы Римской империи. Юлиан повелел собрать войско, но не хотел иметь помощника себе в Боге: он послал в Дельфы, Делос, Додону и к другим м прорицалищам вопросить оракулов, должно ли ему воевать[110]. Оракулы повелевали начинать войну и обещали победу. В обличение лжи я внесу в свою историю одно из их предречений, именно следующее: «все мы, боги, готовы теперь нести победные трофеи к реке Зверю, а предводительствовать ими буду я, бурноярostный и могущественный в брани Арей». Пусть люди, величающие Пифия красноречивым богом наук и вождем муз, осмеивают эти забавные стихи: я жалею только о том, кто обольщался такою ложью. Рекою Зверем названа здесь река Тигр, по названию одноименная со зверем. Она выходит из пределов Армении и, протекая через Ассирию, впадает в Персидский залив. Обольщенный подобными предречениями, несчастный грезил о победе и после поражения персов предначертывал войну против галилеян. А галилеянами называл он христиан, думая таким прозванием нанести им бесчестие, хотя ему, как человеку образованному, следовало бы знать, сколь мало может вредить доброй славе перемена имени. Пусть бы Сократа назвали Критиасом, а Пифагора Фаларисом через такое изменение имени тот, ни другой не получили бы вреда. Пусть бы равным образом Нерей слыл под именем Терсита, он нисколько не потерял бы дарованной себе природою красоты[111]. Но, учившись всему этому и не поняв того, чему учился, Юлиан думал повредить нам прозванием, которое нисколько нас не касается! Веруя в лживые предсказания, он грозился поставить в церквах статую богини бесстыдства.

Глава 22

О дерзновении одного правительственного лица в Бероэ[112]

Отправившись с подобными угрозами, Юлиан был побежден одним мужем в Бероэ. Этот муж, знаменитый и вообще, ибо принадлежал к тамошнему правительству, еще более прославился ревностию по вере. Видя, что его сын уклонился в господствовавшее тогда нечестие, он выгнал его из дому и явно отрекся от него. Сын пришел к царю, когда он имел свой стан недалеко от Бероэ, и открыл ему как свои мысли о вере, так и свое изгнание из родительского дома. Царь повелел юноше быть спокойным м и обещался умилостивить его отца. Потом, прибыв в Бероэ, пригласил к себе на обед всех сановников и почетных граждан, между которыми находился также и отец юноши. Как отцу, так и его сыну Юлиан приказал возлежать на собственном своем ложе и, в половине обеда обратившись к первому, сказал: «Мне кажется несправедливо было бы делать насилие людям с иным настроением мыслей и против воли человека направлять его к другим мыслям. И так не принуждай сына следовать своему учению, когда он не хочет этого. Ведь я не принуждаю же тебя, — продолжал он, — следовать моему, хотя и очень легко мог бы приневолить к этому». Но отец, оживив свой ум верою в Бога, отвечал: «Ты говоришь, царь, об этом беззаконнике, который истине предпочел ложь». «Ну полно, ворчун», — сказал Юлиан, надев опять маску кротости и, обратившись к юноше, прибавил, — «Я сам позабочусь о тебе, когда не мог склонить на это твоего отца». Припоминаю о рассказанном событии не без цели: мне хотелось показать не только достохвальное дерзновение упомянутого о мужа, но и то, что много было людей, презиравших могущество тирана.

Глава 23

Предсказание одного учителя

Таков между прочими в Антиохии был один отличный человек, бравший на себя труд учить детей, но понимавший в науках гораздо более, нежели сколько нужно для учителя, и потому пользовавшийся знакомством тогдашнего главы преподавателей, знаменитейшего софиста Либания[113]. Быв язычником, ожидая победы над персами и мечтая об угрозах юлиановых, Либаний насмешливо расспрашивал этого детского учителя о наших делах и сказал: «Что-то делает теперь сын плотника!» При сих словах учитель исполнился божественной благодати и предрек скоро последовавшее за тем событие. «Содетель всяческих, которого ты, софист, в насмешку называешь сыном плотника, делает теперь гроб», — отвечал он. По прошествии нескольких дней в самом деле разнесся слух о смерти Юлиана, и он привезен был в гробе: его хвастливые угрозы оказались пустыми, а Бог прославился.

Глава 24

О пророчестве святого отшельника Юлиана

Во плоти подражавший жизни бесплотных, Юлиан, на сирском языке называвшийся Саввою и описанный мною в «Боголюбивой истории», услышал об угрозах нечестивого царя и стал ревностнее молиться Богу всяческих. В тот самый день, когда Юлиан был убит, Савва, во время молитвы, получил откровение о его смерти, хотя от монастыря отшельника до царского лагеря считалось более двадцати станций. Говорят, что когда он молился и просил милости у человеколюбца Господа, вдруг поток его слез прекратился, лицо засияло радостию, воодушевилось, просветлело и таким образом обнаружило веселие духовное. Заметив эту перемену, люди, к нему приближенные, умоляли его открыть им причину своей радости, и он сказал им, что за свои неправды наказан дикий вепрь, опустошатель Божия вертограда, что он теперь мертв и замыслы его прекратились. Узнав об этом, все возвеселились, вознесли Богу благодарственную песнь и после, через вестников о смерти Юлиана, удостоверились, что он был убит в тот самый день и и час, когда провидел и предсказал это святой старец[114].

Глава 25

Об убиении царя Юлиана в Персии

Его безумие еще яснее доказано его смертию. Перешедши реку, отделяющую римские владения от персидских, и переправив войско, он тотчас сжег все суда и через то принудил, а не убедил воинов сражаться. Отличные полководцы обыкновенно воодушевляют подчиненных мужеством, если же и замечают в них малодушие, то все-таки успокаивают и ободряют их надеждами; а этот, сожегши перевозные суда, с первого раза отнял у войска всякую надежду на отступление[115]. При том к войскам надлежало отовсюду доставлять и подвозить необходимое содержание, а этот мудрец и из своего государства не велел ничего брать, и в изобильной неприятельской стране не старался найти добычу, но, оставив населенные места, повел войско по пустыне. Вследствие сего, терпя недостаток в пище и питье, не имея проводников и блуждая по пустынной стране, воины теперь, конечно, узнали всю нерассудительность мудрейшего царя. Они скорбели и стенали, как вдруг увидели, что беснующийся противник Божий лежит раненый. Не сдержал обещания и не помог ему могущественный в брани Арей, ложным оказалось пророчество Локсия, и молниеносец не поразил перунами убийцы. Вот хвастовство угроз простерто на земле! Кто нанес Юлиану этот праведный удар, и доселе еще никому неизвестно. Одни говорят, что поразила его невидимая сила, другие, что кто-нибудь из кочевых жителей пустыни, называемых исмаильтянами, а иные думают, что убийцею был его же воин, доведенный до отчаяния голодом и трудностию похода в пустыне. Но человек ли, ангел ли простер свой меч, кто бы это ни сделал, очевидно, он был только исполнителем воли Божией. Рассказывают, что, получив рану, он тотчас набрал в горсть крови и, бросив ее на воздух, сказал: «Ты победил, Галилеянин!» В одно и то же время признать победу над собою и дерзнуть на богохульство? Какое безумие![116]

Глава 26

Об открывшемся после смерти его волховании в городе Каррах

После убиения его открыты были обманы его волхвования; и город Карры доселе сохраняет памятники этого нечестия. Проходя через упомянутый город, а украшенную благочестием Эдессу оставив слева, он вступил в одно чтимое язычниками капище и там, совершив что-то с сообщниками своего безбожия, повесил потом на все двери замки и свои печати и, приставив к дверям избранную стражу, приказал никого не впускать в капище до своего возвращения. Но когда пришло известие о его смерти и после нечестивого царствования наступило благочестивое, в капище вошли и открыли изумительное доказательство «неустрашимости, мудрости и благочестия» Юлианова — открыли женщину, повешенную за волосы, с распростертыми руками и рассеченным чревом: злодей, без сомнения, гадал по ее печени о победе над персами. Так это-то злодеяние открыто было в Каррах.

Глава 27

Об открытых в антиохийском дворце отрубленных головах

А в антиохийском дворце найдено было, говорят, множество ящиков, наполненных человеческими головами, многие же антиохийские колодези завалены были мертвыми телами; все это — внушения проклятых богов.

Глава 28

О всенародном торжестве в Антиохии

Узнав об убиении Юлиана, город Антиохия совершал народные праздники и делал торжественные собрания. Антиохийцы не только в церквах и храмах мучеников выражали свою радость, но проповедовали победу креста и смеялись над языческими прорицалищами в самых театрах. Прекрасные их восклицания внесу в свою историю, чтобы память о них сохранилась и в нашем потомстве. Они все единогласно взывали: «Где твои предсказания, глупый Максим! Победил Бог и Христос его!» А упоминаемый и ими Максим был современник Юлиана и, под видом философии занимаясь волшебством, славился предсказыванием будущего[117]. Что антиохийцы, наставленные в божественных догматах двумя верховными апостолами, Петром и Павлом, и пламенно преданные Господу всех и Спасителю, постоянно гнушались Юлианом — да будет забвенная память его, — это сам он ясно высказал, и потому-то написал против них сочинение под заглавием: «Мисопогон»[118]. Торжеством о смерти тирана я оканчиваю эту книгу, ибо считаю неприличным рассказ о нечестивом правлении поставлять в соприкосновение с историею царствования благочестивого.

Книга 4

Глава 1

О царствовании и благочестии Иовиана.

Когда Юлиан был убит, военачальники сошлись с префектами и начали рассуждать, кому следует принять царскую власть, чтобы спасти войско в военное время и вместе поправить дела римлян, доведенные до крайнего расстройства дерзостию покойника. Между тем как они рассуждали об этом, войско, собравшись в одно место, потребовало в цари Иовиана[119], который не был ни военачальником, ни трибуном. Впрочем, слыл мужем отличным и знаменитым и получил известность по многим причинам. Он был очень высокого роста и имел великую душу, обыкновенно отличался в войнах и в подвигах еще более важных, ибо смело говаривал против нечестия, не боялся власти тирана и за свою ревность относим был к мученикам нашего Спасителя.

Тогда военачальники, единогласие войска почитая знаком Божественного приговора, вывели того отличного мужа на середину и, когда все принесли ему царские поздравления и провозгласили его Августом и Кесарем, этот удивительный муж, по свойственной себе смелости, не боясь ни начальников, ни неблагоприятной перемены в расположении войска, сказал: «Я христианин, и потому не могу владычествовать над такими людьми, царствовать над войском Юлиана, которое воспитано в нечестивом учении, ибо эти люди, лишенные Божественной помощи, легко сделаются добычею врагов и предметом их посмеяния». Выслушав его слова, воины вскричали в один голос: «Не сомневайся, царь, и не отвергай владычества над нами, как бы над нечестивыми. Ты будешь царствовать над христианами и людьми, воспитанными в благочестии, потому что старейшие между нами пользовались наставлениями самого Константина, а те, которые моложе их, получили уроки от Констанция. Покойник же, по кратковременности своего царствования, еще не успел укоренить порчи даже и в тех, которые подверглись его обольщению».

Глава 2

О возвращении святого Афанасия.

Обрадованный этими словами, царь начал теперь думать об общем спасении и о том, как бы вывести войско невредимым из неприятельской страны. Впрочем, он не нуждался в продолжительном размышлении: семена благочестия принесли ему и плоды; потому что Бог всяческих тотчас показал Свое о нем попечение и разрешил представлявшееся недоумение. Персидский царь, узнав о воцарении Иовиана, отправил к нему послов для заключения мира. Потом он послал воинам съестных припасов и повелел для них в пустыне устроить рынок. Таким образом, заключив мирные условия на тридцать лет, Иовиан из неприятельской земли вывел войско оживленным и, как только вступил в подвластное себе царство, прежде всего издал закон, которым возвещалось о возвращении епископов из ссылки и вместе повелевалось, чтобы церкви были отданы тем, которые неповрежденно сохраняли Никейскую веру. Писал он и к тому поборнику никейских догматов, Афанасию, прося его изложить ему точное учение веры. Но Афанасий, собрав ученейших епископов, в своем ответе убеждал царя хранить веру по изложению никейскому, как согласному с учением апостольским. Для пользы читателей я приведу и самое послание.

Глава 3

Соборное послание о вере, написанное святым Афанасием к царю Иовиану.

«Благочестивейшему и человеколюбивейшему победителю Августу Иовиану, Афанасий и прочие епископы, пришедшие от лица всех епископов Египта, Фиваиды и Ливии. Твои жажда знания и желание небесного приличны боголюбивому царю; так-то и сердце твое поистине в руке Божией, и царствовать будешь ты мирно в продолжение многих лет[120]. Удовлетворяя желанию твоего благочестия узнать от нас веру кафолической Церкви, мы, по принесении Господу благодарения за это, определили напомнить твоему благочестию более всего о той вере, которую исповедали Отцы в Никее. Некоторые, отвергнув ее, взносили на нас различные клеветы за то, что мы не принимали арианства, а сами же они сделались виновниками ереси и расколов в кафолической церкви, между тем как истинная и благочестивая вера в Господа нашего Иисуса Христа очевидна для всех, поскольку и узнается и почерпается она из Божественных Писаний. Ею-то запечатленные святые приняли мученичество и ныне почивают в Господе. Вера эта всегда пребывала бы неповрежденною, если бы злонравие некоторых еретиков не дерзнуло переиначить ее. А внести в нее порчу и нечестие решил некто Арий со своими единомышленниками, говоря, что Сын Божий — из не сущих, что Он создание и тварь, подверженная изменению. Этим учением они прельстили многих, так Что даже люди значительные[121] увлечены были их богохульством. После сего святые отцы наши поспешили, как сказано выше, собравшись в Никее на соборе, арианскую ересь анафематствовать, а веру кафолической Церкви исповедать письменно, так что когда она повсюду была объявлена, то возбужденное еретиками учение умолкло, а та вера признавалась и прововедывалась везде во всей церкви, Но так как некоторые, с намерением возобновить арианство, решились исповеданную отцами в Никее веру опять отвергнуть, иные же только притворно исповедуют ее, а на деле чуждаются ее, перетолковывая слово единосущный, и вместе с тем, богохульствуя о Святом Духе, будто Он есть произведенное через Сына творение, то мы, видя, что от такого богохульства необходимо должен происходить вред для народа, постарались представить твоему благочестию исповеданную в Никее веру, дабы твое преданное Богу чувство уразумело, с какою точностию она написана и как заблуждаются те, которые учат вопреки ей. Знай, боголюбивейший Август, что эта вера проповедуется от века. Ее исповедали сошедшиеся в Никее отцы, и с нею согласны все поместные церкви в Испании, Британии, Галлии, во всей Италии и Кампании, в Далмации, Дакии, Мизии, Македонии и во всей Элладе, все церкви Африки, Сардинии, Кипра, Крита, Памфилии, Ликии, Исаврии, во всем Египте и Ливии, Понте, Каппадокии и странах окрестных, все Церкви восточные, исключая немногие единомысленные с Арием. Мы собственным опытом узнали мнение всех упомянутых Церквей и имеем от них грамоты. И хотя некоторые противоречат этой вере, но нам известно, боголюбивейший Август, что они не могут судить всей вселенной, потому что будучи долгое время заражены арианской ересью, тем упорнее противятся теперь благочестию!

Итак, чтобы твое благочестие знало (хотя оно и знает) веру, исповеданную в Никее 318-ю епископами, мы вознамерились изложить ее. Она такова: Веруем во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца видимым же всем и невидимым; и во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, единородного, рожденного от Отца, то есть из сущности Отца, Бога от Бога, света от света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного несотворенного, единосущного Отцу, через которого произошло все, как на небе, так и на земле, который для нас, человеков, и для

нашего спасения сошел, воплотился, вочеловечился, страдал и воскрес в третий день, взошел на небеса, и придет судить живых и мертвых; и в Духа Святого. А говорящих, что было время, когда (Сына) не было, что Его не было до рождения, и что Он родился из не сущего, либо утверждающих, что Сын Божий существует из иной ипостаси или сущности, что он или творим, или превращаем, или изменяем, — святая кафолическая и апостольская церковь анафематствует. В этой вере, боголюбивейший Август, необходимо пребывать как в вере Божественной и апостольской. И никто не должен изменять ее правдоподобными объяснениями или словопрениями, как сначала делали приверженцы Ария, говоря, что Сын Божий — из не сущего и что было время, когда его не было, что Он тварен, производим и превращаем. Поэтому-то Никейский собор, как выше упомянуто, анафематствовал эту ересь и исповедал веру истинную: Отцы не сказали, что Сын просто подобен Отцу, чтобы (христиане) веровали в Него не как в подобного только Отцу, но как в истинного Бога от Бога. Они написали даже, что Он единосущен, каким и свойственно быть настоящему и истинному Сыну от Отца истинного и по естеству. Они и Святого Духа не отделили от Отца и Сына, но прославили Его вместе с Отцом и Сыном в единой вере во святую Троицу, потому что во святой Троице[122] одно Божество».

Глава 4

О возвращении церквам отсыпного хлеба.

Прочитав это послание, царь утвердил это исповедание и убеждение в вере, какое имел сам, и издал другой закон, которым повелевалось возвратить церквам количество съестных припасов, которое присвоил им Константин Великий, потому что Юлиан, начав борьбу с Богом и Спасителем нашим, лишил их и этого пособия. Но так как приключившийся за его нечестие голод не позволял тогда собрать установленных Константином взносов, то Иовиан приказал выдать (церквам) только третью часть, а полное количество хлеба обещал доставить им тогда, когда время голода пройдет.

Глава 5

О смерти царя.

Такими законами украсив начало своего царствования, Иовиан из Антиохии отправился к Боспору, но в селении Дадастане, лежащем на границе Вифинии и Галатии, кончил жизнь. Сам он отошел с величайшими и прекраснейшими напутствованиями[123], но тех, которые испытали царскую его кротость, оставил в горести. Я думаю, что общий распорядитель всего, хотя, для обличения нашего злонравия, и показывает нам блага, но потом снова отнимает их, научая нас через то, как легко для него подавать нам все, что Ему угодно, а этим Он обличает нас, что мы недостойны благ, и располагает к лучшей жизни.

Глава 6

О царствовании Валентиниана и о том, как он сделал соправителем, брата своего Валента.

Узнав о нечаянной смерти царя, войско оплакивало умершего, как отца, и провозгласило царем того Валентиниана, который собственноручно ударил храмового прислужника и за то был посажен в крепость, человека, отличавшегося не только мужеством, но и умом, и рассудительностию, и справедливостию, и высоким ростом тела. Притом он обладал таким царственным величием духа, что, когда войско попыталось предложить ему соправителя, он дал следующий, всеми прославленный ответ: «Когда не было царя, от вас, воины, зависело вверить мне бразды правления; но как скоро я принял власть, то уже мое, а не ваше дело — разбирать дела государственные». Удивленные и восхищенные этими словами, воины с тех пор повиновались каждому его мановению. Между тем, однако ж, призвав из Паннонии брата[124], он сделал его, — лучше, если бы не делал этого! — своим соправителем, когда последний содержал еще неповрежденные догматы веры. Брату отдал он скипетры Азии и Египта, а себе оставил Европу. Удержав Запад, Валентиниан начал царствование указами о благочестии и во всех областях установил прекрасные законы. Когда кончил жизнь Авксентий, которому вверена была церковь медиоланская и который заразился язвою Ария, за что отлучен был многими соборами, тогда царь, собрав епископов, произнес перед ними следующие слова: «Вы хорошо знаете, потому что напитаны божественным учением, каков должен быть тот, кто удостаивается епископства, знаете, что он должен настроить своих подчиненных не только словом, но и жизнию, быть первым образцом всякой добродетели и в своем житии представлять свидетельство своего учения. Такого-то мужа и теперь возведите на епископскую кафедру, чтобы и мы, правители царства, искренно, как спасительное врачебное средство, принимали его увещания».

Глава 7

О рукоположении Амвросия в епископа Медиоланского.

Когда царь сказал это, то собор избрать епископа предложил ему самому, как мужу мудрому и украшенному благочестием. Но он сказал: «Это поручение выше наших сил, изберите лучше вы, так как вы сподобились Божественной благодати и приняли тот небесный свет». После сего епископы вышли и стали рассуждать об этом сами по себе. Между тем у жителей того города произошла распря: одни из них старались наречь одного, а другие другого. Зараженные болезнию Авксентия избирали своих единомышленников, а здравомыслящие граждане желали иметь пастырем человека одинаковых с собою мнений. Тогда Амвросий, которому вверена была гражданская власть над областью, узнав об этом смятении и опасаясь, как бы не случилось чего худого, поспешно занял церковь. В эту минуту народ, оставив распрю, вдруг единогласно вскричал и в пастыря себе потребовал Амвросия, а он еще и не был крещен. Узнав об этом, царь приказал тотчас же и крестить и рукоположить этого достохвального мужа, ибо ему было известно, что Амвросиев смысл вернее всяких весов, а мнения — точнее всякого правила. Притом, принимая в соображение единодушное согласие сторон разномыслящих, он догадывался, что это избрание было делом Божиим.

Когда же (Амвросий) получил дар божественного и всесвятого крещения, а затем принял благодать епископства, тогда этот, по всему превосходнейший, царь, лично присутствовавший при сих событиях, говорят, вознес Спасителю Господу следующую хвалебную песнь: «Благодарение Тебе, Господи вседержителю и Спасителю наш, что тому же мужу, которому я поручил тела, Ты поручил души, и тем показал, что избрание мое было справедливо». Через несколько дней после сего божественный Амвросий, весьма смело разговаривая с царем, порицал некоторые незаконные действия властей. «Такая смелость твоя мне и прежде была известна», — сказал ему царь, — «Зная о ней, я не только не противоречил твоему рукоположению, но к общему голосу присоединил и свой. Врачуя язвы душ наших, как внушает тебе божественный закон». Это-то высказал и сделал он в Медиолане. Узнав же, что в Азии и Фригии некоторые вступают в споры о божественных догматах, он приказал быть в Иллирии[125] собору, и то, что на нем определено и утверждено было, послал спорящим. А сошедшиеся на соборе определили содержать веру Никейскую. Да и от себя, сообща со своим братом, отправил он в Азию послание, в котором убеждал ссорившихся согласиться с постановлениями собора. Я приведу самый этот закон; он ясно свидетельствует о благочестии Валентиниана, равно как и о том, что тогда и Валент касательно Божественных догматов держался еще понятий здравых.

Глава 8

Послание царей Валентиниана и Валента, писанное азийскому округу о единосущии.

«Самодержцы Великие, Досточтимые, Победители, Августы — Валентиниан, Валент и Грациан[126] епископам азийского округа, Фригии, Карофригии-Пакацианы[127] желаем здравствовать о Господе. После продолжительных исследований многочисленного собора, созванного в Иллирии для рассмотрения спасительного учения, преблаженнейшие епископы определили, что Троица — Отец, Сын и Святой Дух, — единосущна. Нисколько не уклоняясь от служения, справедливо на них возложенного, они чтут Ее согласно с Богопочтением великого царя, и наше величество повелело объявить о ней, впрочем, так, чтобы не подумал кто, будто он следует Богопочтению правящего этою землею царя, отвергая Того, кто заповедал нам спасительное учение. Евангелие Бога нашего содержит в себе и такую мысль: «воздадите ... кесарево кесареви, а Божия богови» (Мф **22**.21). Что же говорите вы, епископы и представители спасительного учения? Если ваше исповедание веры — таково, то, любя друг друга, перестаньте злоупотреблять достоинством царя и не преследуйте тех, которые ревностно служат Богу; их молитвами утишаются войны на земле и отражаются нападения отпадших ангелов. Своими прошениями они стараются отразить всех демонов-разрушителей, законно вносят государственные повинности и не противятся власти самодержца, но искренно соблюдают повеления и великого царя, и Бога, и повинуются нашим законам, между тем как вы оказались людьми непокорными. Мы употребили для вас все средства от первого до последнего, а вы изменили нам.

Впрочем, не хотим разделять нечистых ваших намерений, как Пилат, во время истязаний жившего между человеками Христа, не желая убить Его и, однако ж, слыша, что домогаются Его казни, обратился к востоку и, потребовав себе воды, умыл руки и сказал: «неповинен есмь от крови праведного сего» (Мф. **27**:24)[128]. Так и наше величество постоянно предписывало не преследывать возделывателей Христовой нивы, не утеснять их и не завидовать им, не изгонять домоправителей великого царя, чтобы не казалось, будто вы даже теперь возрастаете насчет нашей власти и принадлежите к служителям того, который назван попрателем Завета Христова, как случилось в крови Захарии. Союзники того попрателя были сокрушены пришедшим свыше царем нашим Иисусом Христом и преданы на суд смерти вместе с помощником их, демоном-разрушителем. Эти-то наши мысли должны передать вам Амегетий, Кироний, Дамас, Даилампон и Вретисий[129], которые слышали их от нас и с которыми мы посылаем к вам самые деяния, чтобы вы знали, что сделано этим досточестным собором. К сим бумагам присоединили мы и соборные догматы, содержание которых в общих чертах есть следующее: Согласно с великим и православным собором исповедуем, что Сын единосущен Отцу — и единосущие понимаем не так, как когда-то толковали иные неискренно подписавшие наше исповедание, или как ныне толкуют его другие, тех прежних называющие своими отцами. Они ослабляют значение этого слова и, следуя писаниям своих предшественников, говорят, что единосущием выражается подобие и что через это последнее Сын не равняется ни с одним из прочих, созданных им творений, но уподобляется одному Отцу. Так, изъясняющие это слово нечестиво учат, что сын божий есть только превосходнейшее творение. Напротив, мы, согласно с нынешними соборами в Риме и Галлии, мыслим, что сущность отца, и Сына, и святого Духа одна и та же в трех Лицах, т. е. в трех совершенных ипостасях[130]. Мы, согласно также и с Никейским изложением веры, исповедуем, что единосущный Сын Божий воплотился от св.

Девы Марии, витал между людьми и своим рождением, страданием, воскресением и восшествием на небеса исполнил все домостроительство о нас, и что Он опять придет, чтоб в день суда воздать нам, смотря по жизни каждого, явится людям во плоти и покажет свою Божественную силу как плотоносный Бог, а не как Богоносный человек. Тех же, которые думают противно этому, анафематствуем. Равным образом анафематствуем и тех, которые неискренно анафематствуют людей, говорящих и пишущих, что до рождения Сына не было, и что прежде, чем Сын родился действительно, Он существовал у Отца в возможности. Это свойственно всем тварям, которые не всегда существуют с Богом, между тем как Сын всегда существует с Отцом, будучи рожден вечным рождением». Так раскрыл царь в общих чертах содержание соборного постановления; а я внесу в свою историю и самое это постановление.

Глава 9

Соборное послание иллирийского собора о вере.

«Иллирийские епископы церквам Божиим и епископам азийского округа, Фригии, Карофригии-Пакацианы желают здравствовать о Господе. Собравшись в одно место и долго рассматривая спасительное учение, мы определили, что Троица — Отец, Сын и Святой Дух — единосущна. Справедливость требовала написать об этом и вам — не для того, чтобы почитание Троицы доказывать софистически, но чтобы говорить о Ней смиренномудренно. Это свое послание отправили мы к вам через возлюбленного нашего брата и сослужителя, пресвитера Элпидия. Не в писаниях рук наших, но в книгах Спасителя нашего Иисуса Христа написано, «аз есмь Павлов, аз же Аполлосов, аз же Кифин, аз же Христов... Еда Павел распятся за вас, или во имя Павлово креститеся» (1Кор **1**.12:13)? Для нашего смирения и того было бы достаточно, чтобы вовсе не писать к вам послания, но так как почти во всем своем округе вы проповедуете такое страшное нечестие, что Святого Духа отделяете от Отца и Сына, то мы сочли необходимым отправить к вам господина нашего и сослужителя Элпидия с этим, полученным от царственных властей Рима, посланием, чтобы он узнал, таково ли в самом деле ваше учение. Да будут анафема все, проповедующие, что Троица не единосущна; да и тот — анафема, кто был бы обличен в общении с ними. Напротив, тем, которые исповедуют, что Троица единосущна, уготовано царствие небесное.

Итак, умоляем вас, братия, и не учить и не мыслить иначе; проповедуя всегда и везде, что Троица единосущна, вы возможете наследовать царствие Божие. Говоря об этом в своем послании, мы вспомнили, что надобно написать вам также о поставляемых епископах или о поставлении сослужителей. В епископы должно поставлять мужей из вельмож, если они держатся здравого учения, в противном случае избирать их из пресвитеров. Равным образом и пресвитеры и диаконы должны быть избираемы из духовного сословия, а не из гражданского или военного, чтобы они были неукоризненны во всех отношениях. Впрочем, мы не хотим писать вам много потому, что посылаем к вам одного из всех нас, господина нашего и сослужителя Элпидия, чтобы он тщательно исследовал ваше учение, таково ли оно, как мы слышали от господина нашего и сослужителя Евстафия. Если вы действительно находитесь в заблуждении, то, отложив ветхого человека, облекитесь в нового. Тот брат и сослужитель наш Элпидий научит вас проповедывать веру истинную, то есть что Святая Троица, единосущная Богу и Отцу, святится, прославляется и проявляется Святым Духом, что Отец в Сыне, Сын во Отце со Святым Духом во веки. При Его явлении мы можем явно исповедывать святую единосущную Троицу согласно с верою, древле изложенную в Никее и утвержденную отцами. Проповедуя же эту веру, конечно избежим сетей пагубного демона, а уничтожив его, будем приветствовать одни других мирными грамотами и жить в согласии между собою. Это послание мы написали с намерением дать вам знать, что отлученные ариане суть те, которые не исповедуют, что Сын и Святой Дух — из сущности Отца. Приводим здесь и имена их: Полихроний, Телемак, Фавст, Асклепиад, Аманций, Клеопатр. И все это так совершается во славу Отца, и Сына, и Святого Духа, во веки веков, аминь. Желаем вам здравствовать во Отце и Сыне Спасителе нашем Христе, со Святым Духом, многие лета.

Глава 10

О ереси авдиан.

Такое-то попечение об апостольских догматах прилагал этот достойный всякой хвалы царь. Около сего времени некто Авдий, и по происхождению, и по языку сириянин, сделался изобретателем нового учения. Давно уже начал он болезновать злом, но обнаружил себя только в то время. И во-первых, безумно поняв слова: «сотворим человека по образу Нашему и по подобию» (Быт. **1**:26), он подумал и положил, что божество имеет человеческий образ, и начал представлять, что Оно наделено телесными членами, не видя намерения божественного Писания, которое действия Божий часто означает именами человеческих членов потому, что люди, неспособные понимать истины тонкие, удобнее понимают Божественное промышление посредством этих изображений. К такому нечестивому своему учению прибавил он и другие подобные мнения. Основывая свое учение на заблуждении Манеса[131], он говорил, что Бог всяческих не есть Творец ни огня, ни тьмы. Впрочем единомышленники его скрывают эти и многие другие мнения. Они говорят, будто потому отделяются от сословия духовных лиц, что некоторые из них вынуждают (должников) платить проклятые проценты; иные же ведут беззаконную жизнь, соединившись с женами незаконным браком, а кто от этого (по их мнению) свободен, с тем они беспрепятственно входят в общение. Вот причины, говорят они, скрывать богохульные свои догматы, по которым мы живем сами по себе. Но этот предлог исполнен гордости и происходит от фарисейского учения, ведь и фарисеи обвиняли Врача душ и телес, говоря св. Апостолам: «почто с мытари и грешники учитель ваш яст и пиет» (М ф **9**.11)? О таких-то людях говорит Бог через Пророка: «иже глаголют: ... чист есм, не прикоснися мне; сей дым ярости моея» (И с **65**.5). Впрочем, теперь не время опровергать их безумие, а потому я перехожу к повествованию о других событиях.

Глава 11

О ереси мессалиан.

Около того же времени родилась и ересь мессалиан. Перелагатели этого имени на греческий язык называют их эвхитами[132]. Впрочем, у них есть и еще название, заимствованное от самого дела; то есть, они известны под именем энтузиастов, потому что пользуются содействием какого-то демона, и это содействие принимают за присутствие в них Святого Духа. В высшей степени зараженные такою болезнию, они избегают, как зла, всякого труда рук и, предаваясь сну, грезы сновидений называют пророчествами. Вождями этой ереси были Дадой, Савва, Аделфий, Ерма, Симеон и другие. Они не удаляясь от церковного общения, говоря, что Божественная пища, о которой сказал Господь Христос: «ядый мою плоть и пияй мою кровь ... жив будет во веки», — и не вредит и не приносит пользы (Иоан **6**.56:58). Стараясь скрывать свою болезнь, они и после обличения бесстыдно запираются и даже чуждаются тех, которые думают согласно с их внутренними убеждениями. Литой, владыка церкви мелетинской[133], муж, украшенный Божественною ревностию, увидев, что этою болезнию заразились многие монастыри, или лучше сказать, вертепы разбойников, сжег их и изгнал волков из стада.

Так же всехвальный Амфилохий, которому вверено было пасти митрополию Ликаонии[134] и который управлял всей областью, узнав, что эта язва перешла и в его край, восстал против нее и пасомое им стадо освободил от сей заразы. Знаменитый же Флавиан[135], сделавшись антиохийским архиереем и узнав, что в Эдессе живут люди, заражающие своим ядом и соседей, созвал в Антиохию множество монахов и, запиравшихся в своей болезни, обличил следующим образом: он сказал, что обвинители их — клеветники, а свидетели против них лжецы, и между тем, ласково подозвав к себе Аделфия, который был уже в глубокой старости, предложил ему сесть возле себя и сказал: «Мы, старик, пожив на свете довольно долго, лучше изучили и природу человека, лучше узнали и ухищрения наших противников, демонов, да и на самом опыте изведали помощь благодатную. А эти молодые люди, еще не зная хорошо ничего подобного, неохотно слушают речи духовные. Так скажи мне, как понимать ваши слова, что из человека удаляется враждебный дух и поселяется в нем благодать Духа Всесвятого?» Очарованный этими словами, старик извергнул весь скрытый свой яд. Он сказал, что сподобляющиеся Божественного крещения не получают от него никакой пользы, но что одна усердная молитва изгоняет живущего в человеке демона. Каждый из земнородных заимствовал от прародителя как природу, так и рабское служение демонам. Но когда усердною молитвою они изгоняются, то их место заступает Всесвятой Дух и обнаруживает свое присутствие ощутительным и видимым образом, именно: освобождает тело от волнения страстей и совершенно отвлекает душу от наклонности к злу, так что уже не нужен бывает ни пост для обуздания тела, ни учение для удержания человека и внушения ему добропорядочного поведения. Кто достиг этого, тот не только освобождается от плотских похотей, но и ясно проводит будущее, и (телесными) очами созерцает Божественную Троицу. Когда таким образом божественный Флавиан раскопал смердный источник и открыл поток нечестия, то сказал несчастному старику: «О ты, поседевшая во зле голова! Ты обличена теперь не мною, а собственными устами; против тебя свидетель — твое же слово». После такого открытия болезни их, они были выгнаны из Сирии и, удалившись в Памфилию, наполнили ее своею заразою.

Глава 12

О том, как Валент впал в ересь.

Теперь я буду рассказывать прочие исторические события и покажу начало той бури, которая воздвигла в церквах множество треволнений. Приняв царство, Валент сперва упражнялся догматами апостольскими. Когда готы перешли Истр и начали опустошать Фракию, он собрал войско и вознамерился вести против них войну. При этом ему показалось, что лучше воевать, оградив себя всеоружием всесвятого крещения, чем оставаясь чуждым Божественной благодати[136]. И эта мысль его была хорошая и весьма мудрая, но то, что случилось после сего, показывает крайнюю слабость его души и обличает в нем измену истине. Он, бедный, потерпел то же, что праотец Адам, ибо, подобно последнему, поработился от того, что был обольщен словами жены — был взят в плен не силою оружия, а обманчивыми женскими словами. Сделавшись сперва сама добычею арианского обмана, жена Валента[137] увлекла за собою и мужа, и Валент вместе с нею впал в одну и ту же бездну богохульства. Вождем и тайносовершителем у него был Евдоксий, который тогда еще держал кормило Константинополя и не управлял кораблем, а потоплял его.

Глава 13

О том, как он удалил сиявших доблестями епископов.

Евдоксий, еще крестя этого несчастного, связал его клятвою, чтобы он и сам верен был нечестивым догматам и изгонял отовсюду тех, которые думают иначе. Таким образом, оставив апостольское учение, Валент перешел на сторону противников, а по прошествии некоторого времени исполнил и остальные пункты клятвы. Из Антиохии он изгнал великого Мелетия, из Самосата — божественного Евсевия, Лаодикию лишил дивного ее пастыря Пелагия[138]. Этот (Пелагий) еще в юности подъял иго брака, но в первый же день на брачном ложе убедил невесту — супружескому сообщению предпочесть чистоту и братскую любовь считать выше супружеской связи, и таким образом совершил подвиг целомудрия. Кроме того, он имел и другие сродные с целомудрием и неразлучные с ним добродетели, а потому общим приговором возведен был на степень предстоятеля. Но и этот блеск его жизни не усовестил врага истины: он сослал Пелагия в Аравию, божественного Мелетия — в Армению, а изнуренного апостольскими трудами Евсевия — во Фракию. Этот Евсевий, узнав, что многие церкви лишены пастырей, облекся в одежду воина, возложил на голову тиару и в этом виде прошел Сирию, Финикию и Палестину, рукополагая пресвитеров, диаконов, пополняя духовенство другими церковными чинами; а когда встречал единомышленных с собою епископов, то делал их предстоятелями и тех церквей, которые имели нужду (в предстоятеле).

Глава 14

О Евсевии, епископе самосатском[139].

Теперь незнающим считаю нужным показать, сколько мужества и мудрости обнаружил Евсевий, когда получил царский указ, повелевавший ему отправиться во Фракию. Человек с этим указом прибыл к нему в вечеру, и Евсевий просил его молчать и скрыть причину своего прибытия. Если народ, напитанный Божественною ревностью, говорил он, узнает, зачем ты пришел, то утопит тебя, и я за твою смерть подвергнусь казни. Сказав это и отправивши, по обыкновению, вечернюю службу, старец, когда все заснули первым сном, один, в сопровождении только слуги, вышел из дома и пошел пешком, а следовавший за ним слуга нес изголовье и книги. Достигнув берега реки (потому что близ самых стен города протекал Евфрат), он вошел в судно и приказал гребцам плыть в Зевгму[140]. При наступлении дня, плаватели находились уже в Зевгме, а между тем Самосат оглашался уже воплями и плачем: ибо как скоро тот слуга известил знакомых, о чем ему было приказано, и о лицах, долженствовавших сопровождать епископа, и о том, какие нес он книги, — тотчас все стали оплакивать потерю пастыря, и река вдруг наполнилась отправлявшимися в путь (судами). Плывшие на них достигли Зевгмы и, увидев там желанного пастыря, с рыданиями, стонами и слезами старались убедить его остаться и не отдавать стада в добычу волкам. Когда же, не убедив его, они выслушали произнесенную себе апостольскую заповедь, ясно повелевающую повиноваться начальникам и властям (Рим **13**.1)[141], то одни приносили ему золото, другие — серебро, иные — одежду, а некоторые давали ему слуг, как человеку, который отправляется в чужую и далекую сторону, но он взял только немногое от самых близких к себе людей, потом, укрепив всех наставлениями и просьбами и убеждая твердо стоять за апостольские догматы, отправился к Истру, а граждане возвратились в свой город и, ободряя друг друга, стали ждать нападения волков.

Глава 15

О благочестивой ревности самосатцев, о пресвитере Антиохе и диаконе Еволкии.

Я расскажу о теплоте и искренности их веры, потому что не упомянуть об этом в истории, по моему мнению, значило бы обидеть их. Когда ариане лишили эту паству доброго пастыря и на его место поставили другого предстоятеля, то никто из жителей города, ни бедный, ни богатый, ни слуга, ни ремесленник, ни земледелец, ни огородник, ни муж, ни жена, ни юноша, ни старик, не приходили по обыкновению на церковное собрание. Новый предстоятель жил один, никто не видал его и не говорил с ним, хотя, по рассказам, он обходился весьма ласково, на что я представлю и доказательство. Однажды он хотел мыться, и слуги при бане, затворив двери, не пускали тех, кто хотел войти. Тогда, увидев перед дверями толпу народа, он приказал отворить их и предлагал всем свободно мыться вместе с собою. То же сделал он и в ванне. Купаясь здесь, он увидел, что некоторые подошли к нему, и просил их разделять с ним купанье в теплых водах, однако ж подошедшие стояли молча. Тогда, предполагая, что они стоят из почтения к нему, купавшийся встал и тотчас вышел из ванны, а они, думая, что и самая вода заражена язвою ереси, спустили ее в подземные трубы и приказали налить себе свежей. Узнав о том, епископ удалился из города, ибо считал за величайшее безрассудство и безумие — жить в таком городе, где все ненавидят его и питают к нему недоброжелательство.

По удалении же Евномия (так звали его) из Самосата, ариане на его место поставили им известного волка и хищника овец Люция. Впрочем эти овцы и без пастыря делали то, что свойственно пастырям: они до конца оставались верными апостольскому учению и сохраняли его неповрежденным, а как гнушались и этим вторым (епископом), — покажет следующий рассказ. Дети на площади перебрасывались мячом и забавлялись игрой. В это время проезжал епископ и случилось, что брошенный мяч прокатился под ногами его осла. Тут дети закричали, предполагая, что мяч осквернился. Заметив это, Люций приказал одному из своей свиты остаться и узнать, что будут они делать. Дети зажгли огонь и, перебросив мяч сквозь пламя, убедились, что таким образом он очистился. Знаю, что это поступок ребяческий — остаток старинного обыкновения, однако ж он достаточно показывает, какую ненависть питал этот город к последователям Ария. Впрочем, Люций не подражал кротости Евномия, но убедил начальников отправить многих — даже из духовенства — в ссылку, а тех, которые с особенною силою защищали божественные догматы, заслал на самые пределы римской империи. Еволкия, удостоенного степени диаконской, заточил он в пустынный городок Оазис, а Антиоха, украшавшегося еще и родством с великим Евсевием, который был ему дядя, и сиявшего многими собственными доблестями, да притом удостоившегося уже степени священнической, загнал на край Армении. Каким образом Антиох подвизался за божественные догматы, покажет следующий случай. Когда божественный Евсевий, после многих битв и стольких же побед, принял мученический конец, тогда, по обыкновению, составлен был областной собор, на который прибыл и тогдашний епископ Перги Иовиан, незадолго перед тем допустивший общение с арианами. На соборе преемником божественного Евсевия все избрали Антиоха и, приведши его к священной трапезе, повелевали ему преклонить колена. Но, оглянувшись, он увидел, что и Иовиан возложил ему руку на голову, а потому, оттолкнув ее, велел ему отделиться от рукополагающих и сказал: «Не могу терпеть десницы, которая право совершать таинства получила через богохульство». Это случилось немного спустя после того — и за сей то поступок он сослан был в глубину Армении. Между тем божественный Евсевий, как видно из

его писаний, жил на Истре, когда готы опустошали Фракию и осаждали ее города.

Глава 16

О святом Варсе, епископе эдесском и о сосланных вместе с ним клириках.

Слава Варсы и теперь еще велика не только в Эдессе, которою он управлял, и в близких к ней городах, но и в Финикии, и в Египте, и Фиваиде, потому что со светильником своей добродетели он обошел все эти области. Валент сперва приказал ему жить на острове Араде[142], но, узнав, что к нему, как к человеку, исполненному апостольской благодати и словом исцелявшему болезни, отовсюду стекаются бесчисленные толпы народа, сослал его в египетский город Оксиринх[143]. Когда же слава о нем привлекла всех и туда, то достойный небес старец был отведен в самую отдаленную крепость по имени Фено, лежавшую в соседстве с варварами. Говорят, что на Араде и до сих пор сохраняется его ложе и пользуется там величайшим уважением, ибо многие из недужных, будучи возлагаемы на него, получают по вере здоровье.

Глава 17

О бывшем в Эдессе гонении.

Лишив пастыря и эту паству, Валент, вместо пастыря, поставил над нею волка. Но когда все граждане, оставив город, начали собираться за его стенами, тогда он сам приехал в Эдессу и приказал префекту — а префектом Эдессы в то время был Модест — собрать воинов, которые обыкновенно взимали подати, и, присоединив к ним нескольких бывших налицо тяжеловооруженных, разогнать собравшуюся толпу, пересечь ее прутьями и палками, а если понадобится, то употребить и другое, воинское, оружие. На заре префект хотел исполнить это приказание. Но, переходя площадь, он увидел женщину с ребенком на руках, которая шла весьма поспешно. Не обращая ни на что внимания, она пробежала сквозь строй солдат, потому что воспламенная Божественною ревностию душа не причастна человеческому страху и все такие ужасы считает смешными и достойными шутки. Заметив ее и догадавшись, в чем дело, префект позвал ее и просил: куда она идет? «Я узнала о замышляемых служителям Божиим казнях», — отвечала она, — и спешу к единоверцам, чтобы вместе с ними подвергнуться уготовляемому от вас убийству». «Зачем же ты несешь ребенка? — сказал префект. «Затем, — отвечала мать, — чтобы и он вместе со мною принял вожделенную кончину». Услышав это от женщины и узнав, что у всех такая же ревность, как у нее, префект известил о том царя и дал ему заметить, что убийство будет бесполезно: «Этим делом, — сказал он, — мы лишь навлечем на себя бесчестие, а ревности их не погасим». В следствие такого доклада царь избавил народ от тех мучений, каких все ожидали, а только повелел привести к себе вождей его, то есть пресвитеров и диаконов, чтобы сделать с ними одно из двух: либо расположить их к общению с волком, либо выгнать из города и сослать в какие-нибудь отдаленные края. Собравши всех, префект старался убедить их ласковыми словами, чтобы они повиновались царским повелениям. Безумно, говорил он, небольшому числу людей стоять против царя, который управляет столь многими и столь великими народами.

Глава 18

Об эдесских пресвитерах Евлогии и Протогене.

Когда все они стояли молча, префект сказал их настоятелю (то был достохвальный муж Евлогии): «Почему ты не отвечаешь на слова мои?» «Я не думал, — сказал тот, — что мне нужно отвечать, когда меня не спрашивают». «Однако ж сколько я говорил вам, — продолжал префект, — склоняя вас к тому, что может быть вам полезно!» «Это было говорено всем вообще, — отвечал Евлогии, — и мне казалось неуместным объясняться одному из всех. Но если ты спросишь только меня, то я выскажу свое мнение». Тогда старец сказал, что у них есть пастырь, и они повинуются каждому его мановению. Префект, схватив восемьдесят человек, сослал их во Фракию. Быв ведомы в ссылку, они везде видели знаки величайшего к себе уважения: этих победоносных воинов восхваляли все попадавшиеся им на дороге города и села, так что зависть побудила противников донести царю, что предполагаемое ими тем мужам бесчестие доставило им величайшую славу. Узнав об этом, Валент приказал разделить всех их по два и одних рассеять во Фракии, других по пределам Аравии, а иных — по местечкам Фиваиды. И говорят, что бесчеловечные люди разъединяли даже тех, кого соединила сама природа, так что отрывали брата от брата; Евлогия же, который был настоятелем всех других, и Протогена, второго за ним, царь сослал в фивский город Антиною[144]. Не предам забвению и их доблести. Когда в том городе нашли они единомышленного себе епископа и стали участвовать в церковных собраниях, то увидели, что собиравшихся было очень немного, и, распрашивая о причине, узнали, что почти все жители того города эллины. Это расположило их, как и следовало ожидать, к скорби и оплакиванию неверия. Однако ж вместе с тем они понимали, что тут недостаточно одного оплакивания, но требуется попечение о посильном исцелении неверующих.

Посему божественный Евлогий, заключившись в келии, день и ночь умолял Бога всяческих, а дивный Протоген, изучив Священное писание и быстро усовершенствовавшись в искусстве писать, нашел удобное место для учреждения училища или воспитательного заведения и, сделавшись учителем детей, скоро выучил всех их писать и наставил в Божественном учении. Он произносил им песнопения Давидовы и заставлял изучать полезнейшие для них места из книг апостольских. Раз случилось, что один из мальчиков сделался болен. Протоген пришел к нему в дом и, взяв за руку больного, своею молитвою изгнал из него болезнь. Это стало известно родителям и других детей, и они водили его в свои дома и просили помочь болящим, а он говорил, что тогда только будет молиться Богу об отвращении болезни, когда недужный удостоится дара крещения. Те охотно повиновались, потому что горели желанием выздоровления, и в одно время получали здравие душевное и телесное. Если же кого-нибудь из здоровых убеждал он принять Божественную благодать, то приводил его к Евлогию и, стучась в двери, просил его отворить и положить на уловленного печать Господню. Иногда Евлогии изъявлял неудовольствие на то, что прерывали его молитву, но Протоген говорил, что спасение заблуждающихся необходимее. Все удивлялись, что Протоген, такой чудотворец, сообщивший стольким людям свет Богопознания, при всем том отдавал первенство Евлогию и приводил к нему тех, кого уловлял, — и отсюда справедливо заключали, что (Евлогии) имел гораздо большую и высшую доблесть. Наконец, когда утихла буря и наступила ясная погода, они получили повеление возвратиться из ссылки, и тогда все провожали их с рыданиями и слезами, а особенно настоятель той церкви, лишавшейся в них делателей на ниве Божией. По прибытии же их в отечество, божественный Евлогии, вместо великого Варсы, отшедшего в жизнь беспечальную, принял кормило управляемой им церкви[145], а дивный Протоген получил

повеление просвещать Карры, город пустынный, заросший эллинскими терниями и требовавший неутомимого трудолюбия. Но все это случилось уже по умирении церквей.

Глава 19

О святом Василии, епископе кесарийском и о том, что сделали против него Валент и префект Модест.

Словом сказать, лишив каждую церковь ее пастыря, Валент отправился в Кесарию, в которой обитали каппадокияне. Настоятелем ее в то время был Василий Великий, светило вселенной. Царь послал к нему префекта, приказав или убедить его, чтобы он вступил в общение с Евдоксием, или сослать, если не согласится. Так как слава этого мужа еще прежде достигла до Валента, то он не хотел напасть на него вдруг, чтобы, твердо встретив нападение и отразив его, Василий не явился образцом мужества и для других, ибо древние сказания последующим арихереям служили в пользу и, как бы твердыни, ограду веры делали недоступною. Но коварство его оказалось подобным паутине паука. Прибыв в Кесарию, префект послал за Василием Великим и, приняв его с честию, стал говорить с ним ласково, убеждал его уступить обстоятельствам времени и непротивостоять столь многим церквам, ради некоторых догматических тонкостей. При этом он обещал Василию и дружбу царя, за которою последует для него много благодеяний. Но этот божественный муж сказал, что такие речи приличны детям, ибо только дети и подобные им люди обольщаются вещами сего рода, а напитанные святым учением не согласятся уступить из божественных догматов ни одной буквы и, если бы понадобилось, потерпят за них все виды смерти. Что же касается до дружбы царя, то я высоко ценю ее в соединении с благочестием, а без благочестия считаю гибелью. От этих слов префект пришел в ярость и сказал ему, что он безумствует, но божественный Василий отвечал: «Желаю всегда иметь такое безумие». Потом ему приказано было выйти и, одумавшись, завтра объявить свое намерение. К этим словам присоединена и угроза. Но тот всехвальный муж, говорят, сказал: «Я и завтра останусь тем же, да и ты не изменяй своего намерения и исполни угрозы». После такого разговора префект, встретив на дороге царя, передал ему слова Василия, рассказал о доблести этого мужа и объявил о мужестве и бесстрашии души его.

В то время царь смолчал и въехал в город, но когда увидел, что Бог ниспослал на дом его различные несчастия — потому что и сын[146] его заболел и находился при дверях гроба, и жена подверглась различным недугам — тогда понял причину сих бедствий, и того божественного человека, которому угрожал казнию стал просить о посещении своего дома. Исполнителями этого царского повеления были военачальники. Пришедши в царские чертоги и видя, что сын царя находится при смерти, Василий Великий обещал возвратить его к жизни, если он сподобится все-святого крещения от православных, и, сказавши это, удалился. Но царь, подобно безумному Ироду, вспомнив свои клятвы, приказал крестить дитя находившимся при нем сообщникам ариан, и сын его тотчас после того скончался. Раскаявшись и сообразив, он вошел в божественный храм, слушал поучение Василия Великого и принес к алтарю обычные дары. Потом Василий, позвав его за священную завесу, где стоял сам, много говорил ему о божественных догматах и царь слушал слова его. При этом присутствовал некто по имени Демосфен, царский стольник[147], и укорил вселенского учителя, будто он допустил варваризм. Тут божественный Василий, улыбнувшись, сказал: «Видно и Демосфен неграмотен». Когда же тот рассердился и начал угрожать ему, тогда великий Василий сказал: «Твое дело заботиться о приправах к похлебкам, а не слушать рассуждения о божественных догматах, потому что твои уши заграждены для этого». Таков-то был ответ ему. Между тем царь был так восхищен этим мужем, что бедным, которые находились под его попечением, были расслаблены все телом и требовали особенной заботливости, подарил прекрасные принадлежавшие ему в Кесарии земли.

Таким-то образом Василий Великий избежал первого нападения со стороны Валента. Во второй свой приезд в Кесарию царь, забыв прежнее, потому что льстецы овладели его умом, стал снова убеждать Василия перейти к противникам и, не могши убедить его, приказал написать указ о его ссылке: но когда хотел он скрепить это определение подписом своей руки, то не мог начертать ни одной буквы, потому что трость сломилась. То же произошло с другою, и третьею, а он все-таки хотел утвердить нечестивый свой указ, пока наконец не начала трястись и дрожать его рука. Тут ужас объял его душу, и он обеими руками разорвал бумагу. Промыслитель всяческих показал этим, что и другие страдали только по Его попущению и что Василия он поставил выше устрояемых ему козней, желая в окружавших его опасностях явить свою силу и, с другой стороны, прославить мужество людей доблестных. Таким образом Валент, возобновив нападение, еще раз обманулся в своей надежде.

Глава 20

О смерти святого Афанасия и рукоположении Петра.

Когда победоносный Афанасий после многих битв и стольких же венцов освободился от трудов и преставился[148] в другую жизнь, где нет скорбей, настоятельство в Александрии получил отличный муж Петр. Сначала избрала его та блаженная глава — и с ее выбором согласились все, как лица духовного сословия, так и высшие чины; народ же при этом выразил свое удовольствие радостными восклицаниями. Петр принимал участие во всех трудах Афанасия, оставался при нем, был ли тот дома, или в чужой стране, и вместе с ним терпел различные опасности. Потому-то и соседние архиереи, и те, которые проводили жизнь в местах подвижничества, оставив их, сошлись в Александрию и требовали, чтобы Петр наследовал престол Афанасия.

Глава 21

Об изгнании Петра и о возведении на его место арианина Люция.

Как скоро на архиерейскую кафедру посадили Петра, начальник области, собрав толпу эллинов и иудеев, окружил стены церкви[149] и стал убеждать его выйти оттуда. В противном случае грозился выгнать его насильно. Так поступал он, желая, с одной стороны, делать угодное царю, с другой — подвергать бедствиям христиан с противным образом мыслей, собственно же говоря, увлекался нечестивою яростию, потому что предан был идолослужению и смятение церкви считал для себя величайшим торжеством. Увидев эту неожиданную войну, дивный Петр вышел тайно и, сев на корабль, отплыл в Рим. Потом через несколько дней прибыл в Антиохию Евзой в сопровождении Люция, и этому Люцию, которого нечестие и беззаконие испытал уже и Самосат, отдал церкви. Народ, напитанный учением Афанасия, видя теперь совсем иную пищу, отстал от церковных собраний, но Люций, пользуясь военною стражею из идолопоклонников, одних сек, других заключал, иных принудил бежать, а у некоторых, подражая варварам, опустошал дома. Все это дивный Петр гораздо лучше описал в своем послании. Я расскажу еще только об одном злодействе Люция, а потом внесу в свою историю самое послание Петра.

В Египте некоторые мужи, поревновав житию ангельскому, ушли от городского шума и, предпочетши жизнь в пустыне, песчанную и безплодную пустыню сделали плодоносною, положили законом приносить самый прекрасный и приятный Богу плод — добродетель. Много сияло вождей этого жития, но превосходнейшим руководителем в исполнении подвижнических уставов был тот многохвальный Антоний, сделавший пустыню местом подвигов добродетели для подвижников. Его-то учеников (сам он величайшими и прекраснейшими стяжаниями достиг уже безветренной пристани) стал гнать этот бедный и крайне жалкий человек. Выведши из пещерного убежища настоятелей сих божественных сонмов: славного Макария, и другого, ему соименного, также Исидора и иных, он сослал их на один остров, населенный людьми нечестивыми и невидывавший в своих пределах ни одного учителя благочестия. Когда судно подплывало к острову, чтимый тамошними жителями демон, оставив идола, который долго служил ему жилищем, вселился в дочь жреца и беснующуюся привел к берегу, к которому гребцы направляли судно. Пользуясь языком девицы как орудием, он начал произносить с воплем то же, что произносила в Филиппах имевшая прорицательного духа служанка (Деян. **16**:16). Все мужчины и женщины слышали, как тот демон говорил следующее: «Уж это могущество ваше, служители Христовы! Отовсюду изгоняли вы нас, — из городов и сел, с гор и холмов, и даже из необитаемой никем пустыни. Живя на этом островке, мы надеялись избежать ваших стрел, но обманулись в надежде. Гонители сослали вас сюда не для того, чтобы причинить вам скорбь, а для того, чтобы вашею силою изгнать отсюда нас. Мы уходим и с того островка, потому что изгоняемся лучами вашей добродетели». Сказав это и другое тому подобное, они повергли девицу на землю, а сами совершенно исчезли. Между тем, божественный сонм подвижников, помолившись, воздвиг девицу и отдал ее отцу смыслящею и здравою. Очевидцы этого чуда, упав к ногам тех святых, умоляли их дать им средства к спасению, разрушили идольское капище и, озарившись лучами учения, сподобились благодати всесвятого крещения. Как скоро весть об этом распространилась в городе, все собрались и порицали Люция, говоря, что им угрожает гнев Божий, если тот божественный сонм святых не будет возвращен. Посему, боясь возбудить в городе волнение, Люций позволил тем Богоугодным мужам возвратиться в пещеры. И этого уже достаточно, чтобы показать его непотребство и нечестие, но послание дивного Петра еще яснее показывает беззакония, на

которые он отваживался. Желая избежать растянутости, я внесу в свое сочинение только середину того послания.

Глава 22

Повествование из послания Петра александрийского о том, что Люций делал в Александрии

Начальник области Палладий, державшийся языческого учения и всегда поклонявшийся идолам, часто старался воевать с Христом, и теперь, собрав вышеупомянутые толпы, устремился на церковь, как будто бы спешил покорить варваров. И тут-то свершились дела ужаснейшие. Когда я хочу только рассказывать о них, то одно уже воспоминание поражает меня скорбью, и из очей моих льется безмерный поток слез. Может быть и долго страдал бы я, если бы не успокаивался размышлением о Боге. Вошедши в церковь, называемую Феона, толпы вместо выражения благоговения внесли туда похвалы идолам, вместо чтения божественных писаний — безобразные рукоплескания, громогласно с бесстыдством изрыгаемые звуки и оскорбительные против дел христовых слова, которых язык не может выговорить, потому что стыдно и произносить их (Еф **5**.12). Да и в самом деле, кто только из правомыслящих слышал их, тотчас затыкал уши и лучше желал оставаться глухим, чем быть слушателем такого срамословия. Но если бы в своем заблуждении они довольствовались одними словами, если бы действия их не превышали наглости их слов! Сколь бы ни велико было поношение, оно все еще удобопереносимо для тех, в ком обитают божественные заповеди и мудрость Христова. Нет, эти были как бы приготовленные на гибель других сосуды ярости (Римл. **9**:22) с выгнутым носом, из которого посредством ноздрей вылетали громкий и гнусный шум и лился, так сказать, через кран — эти срывали одежду с Христовых дев, которых подвижничество представляло образ святых ангелов, и, обнажив их до наготы природной, с торжеством водили по всему городу и бесстыдно издевались над ними, как хотели. Да и все дела их были крайне жестоки и неслыханны. Кто, по состраданию, хотел удержать их и употреблял слова убеждения, тот рассчитывался ранами. Но вот дела самые бедственные: многие из дев оказались жертвами насилия; многие, избитые палками по голове, падали бездыханны и тела их даже не позволялось предавать погребению. А потому, к горести родителей, некоторых тел и доселе не найдено.

Но что я рассказываю о малом, вместо того, чтобы говорить о великом? Зачем останавливаюсь на этом и не перехожу к тому, что более понудительно? Я совершенно уверен, что это удивит вас, что вы вместе со мною надолго поражены будете изумлением, когда узнаете человеколюбие Господа, по которому он тотчас же не разрушил вселенной. Чего, по словам Писания, не бывало и не слыхивано во дни отцов наших (Иоиль **1**.2), то самое нечестивцы совершали даже в алтаре. Подобно мальчику, который на подмостках площадного балагана отказывается от мужской своей природы и представляет женскую, намазывая, как говорит Писание (Прем. **13**:14), глаза сурьмою и раскрашивая румянами лицо, как это можно видеть у их идолов, они в самом святом алтаре, где мы призываем Святого Духа, надев женское платье, плясали круговую пляской, размахивали туда и сюда руками, хохотали и издавали непотребные звуки. Но думая, что это только шалости и что все ими сделанное больше не благопристойно, чем беззаконно, они из среды себя избрали одного, особенно отличавшегося бесстыдством и, вместе с стыдом сняв с него одежду и поставив его в природной наготе, посадили в церковный престол и провозгласили бесстыдным оратором против Христа, потому что вместо божественных наречений он износил срамоту, вместо священных слов — нахальство, вместо благочестия — нечестие, вместо воздержания — блуд, прелюбодеяние, мужеложество, воровство и говорил, что яства и питье в жизни полезнее всего. Между тем как это происходило, я вышел из церкви: да и как было не выйти, когда вторгались туда воины, когда подкуплен был

народ для произведения беспорядка, когда платою и великими обещаниями привлекались туда толпы язычников? Вслед за сим прислали преемника нам, некоего Люция, который епископство, будто какое-нибудь мирское достоинство, приобрел деньгами и старался быть волком как по лукавству, так и по делам — прислали не по определению собора православных епископов, не по выбору законных клириков, не по требованию народа, как предписывают постановления церкви. Его сопровождали (потому что ему нельзя было войти в город просто) не епископы, не пресвитеры, не дьяконы, не толпы народа; ему предшествовали не монахи, воспевая гимны из Писаний — с ним был Евзой, давно уже низложенный вместе с Арием на святом и великом соборе Никейском, когда еще он находился у нас в Александрии и служил диаконом, а теперь развращает своими настоятельством церковь антиохийскую. С ним также шел управляющий раздачею царских денег народу, по имени Магнус, который вел с собою значительный отряд войска и известен был всяким нечестием. Этот человек, во времена Юлиана, сжег церковь в знаменитом финикийском городе Берите[150], а в царствование блаженной памяти Иовиана принужден был воздвигнуть ее на свой счет, и потерял бы голову, если бы по множеству ходатаев не получил царской милости. Из этого наша ревность, которую я прошу возбудить для отмщения за сделанное, должна заключить, сколько и каких злодейств совершено было в церкви божьей с того времени, как восстал на нас такой вышеупомянутый тиран.

Таким образом, в неприязненный себе по уважительным причинам город вступил Люций, многократно уже низложенный и вашим богочестием, и повсюду православными епископами. Он не только подражает тому упоминаемому в псалмах ненавистному безумию и говорит, что Христос не есть истинный Бог (Пс **13**.1), но еще растлевается и растлевает других нравственно, радуясь богохульству, произносимому против Спасителя людьми, служащими твари паче Творца. Не близки ль в самом деле мнения его к мнениям язычников, когда он, гибельный человек, осмеливается чествовать недавнего Бога? Ведь язычники в глаза превозносили его похвалами, говоря: «благ путь твой, епископ, не признающий сына; любовь Сераписа провела тебя к нам». А Сераписом называли они отечественного своего идола. Потом не прошло еще и минуты, как вышеупомянутый Магнус, нераздельный сообщник его нечестия, жестокий телохранитель и кровожадный сатрап, собрав подчиненные его управлению толпы, схватил пресвитеров и дьяконов в числе девятнадцати человек, из которых иные прожили за восемьдесят лет, и их, будто уличенных в каком-нибудь злодействе и римским законам противном поступке, в созванном для того народном судилище принуждал изменить отеческой, через отцов преданной нам от Апостолов вере, тогда как законы христианской добродетели были ему неизвестны, и утверждал, что это приятно будет и человеколюбивейшему Августу Валенту. «Согласитесь, несчастные, — громко кричал он, — согласитесь с мнением ариан. Пусть у вас теперь и истинное богопочтение: Божество простит нам, потому что не по своей воле сделаете вы это, а по принуждению. На долю необходимости остается еще оправдание, а за произволом следует осуждение. Имея эти мысли перед очами ума, идите скорее и, отложив всякое недоумение, подпишите догмат Ария, ясно проповедуемый теперь Люцием. Знайте, что если вы послушаетесь, то будете получать от царей и деньги, и доходы, и почести, а когда откажетесь, то испытаете темничное заключение, истязания, пытки, бичевания и мучения, а вместе с тем лишитесь и денег и имущества и, изгнанные из отечества, принуждены будете жить в местах диких». Таким-то образом этот благородный человек, смешивая обольщения и угрозы, побуждал и вместе принуждал всех отступить от благочестивого образа мыслей. А они, измену благочестию считая горше всякой пытки, как и следовало, и будучи принуждаемы (отвечать), говорили ему в таких выражениях, посредством которых добродетель и благородство их душ попирало и обольщения его и угрозы. «Перестань уж, перестань пугать нас такими

представлениями; удержись от произношения пустых слов. Ведь мы чтим не недавнего и не нового Бога. Напрасно будешь ты пениться, как волна, и рваться, как сильный ветер — мы до самой смерти станем жить в догматах благочестия, не почитая Бога бессильным, либо не премудрым, либо в чем-нибудь не истинным, либо что тогда-то он был Отец, а тогда-то не был, как думает этот нечестивый арианин, полагающий, будто Сын временен и случаен. Если, по словам приверженцев Ария, Сын есть тварь и не единосущен Отцу, то и Отец будет доведен до небытия, ибо когда не было Сына, тогда, по их же учению, не существовал и Отец. Если же Бог всегда есть Отец, поскольку, то есть, существует Сын, рожденный от него истинно, а не через истечение (потому что Бог бесстрастен), то кто же, кроме безумного и сумасшедшего, может думать, что было время, когда не было Сына, который по благодати все привел бы в бытие? Потому-то сущие по всей вселенной отцы наши, от которых эти люди отпали и сделались по-настоящему незаконнорожденными, собравшись в Никее, анафематствовали нечестивое учение Ария, за которое теперь предстательствует этот юноша, и сказали, что Сын не иносущен с Отцом, как ты принуждаешь нас говорить, а из самой Его сущности. Здраво обсудив все сие благочестивой мыслью, они, через снесение многих мест священного Писания, наконец доказали и исповедали единосущие Сына». Но как скоро высказали это и подобное тому, Магнус заключил их в темницу и держал под стражею в продолжение многих дней, предполагая, что они откажутся от благочестивых своих мыслей. Однако ж это еще более подавило в них чувство страха — и страдальцы, будто на поприще мужественнейшие из борцов, воодушевляясь основанными на богомудрии подвигами отцов, тем сильнее укрепляли мысль о благочестии и истязание считали палестрою добродетели. Между тем как они таким образом подвизались и, как пишет блаженный Павел, были «позор ... и ангелом и человеком» (1Кор **4**.9), — сбежался весь город, чтобы посмотреть на этих воинов христовых, которые своею твердостью побеждали бичевания мучителя-судьи, своим терпением воздвигали трофеи над нечестием, и светло торжествовали над арианами. Этот жестокий враг посредством угроз и обольщения думал предать их нечествующим против Христа, а посему, утомившись подвергать их истязаниям, которые изобретало суровое его чувство, это свирепый и чуждый всякого сострадания человек, при рыдании и великой, разнообразно выражаемой скорби народа, снова собрал привычные к беспорядку толпы, и тех страдальцев положив судить, или лучше — подвергнуть задуманному наперед осуждению, повел к приморской гавани в сопровождении идолопоклонников и иудеев, которые, быв подкуплены за большую цену, испускали обычные им вопли. Тут, в угодность арианам, он, несмотря на рыдания своего народа перед судилищем, определил переместить их для жительства из Александрии в Илиополис финикийский, где ни один житель не мог слышать имени Христова, потому что все они были идолопоклонники[151].

Магнус приказал им тотчас же садиться на суда, а сам, стоя в гавани, — потому что произнес на них осуждение близ того места в общественной бане — показывал им обнаженный меч и думал устрашить им тех, которые вооружены были мечом обоюдоострым и нередко поражали им демонов. Так-то повелено отправиться им, несмотря на то, что они не имели при себе ничего необходимого и вовсе ничего для утешения себя в изгнании. Но вот что чудно и невероятно: самое море пенилось и, по-видимому, было разгневано, как будто не хотело через принятие на себя сих мужей участвовать в несправедливом повелении. Этим о варварском определении судьи оно объявляло и тем, кто не знал его. И, поистине, можно сказать, что таким поступком возмущено было самое небо [152]. Да и весь город восстенал и сетует доныне. Одни ударяли себя руками в грудь и издавали продолжительные стоны; другие воздевали руки и вместе очи к нему и призывали Его в свидетельство насилия, как бы говоря: услышь, небо, внемли, земля, какое беззаконное совершается дело [153]. Всюду отзывались рыдания; голосьба и сетования ходили по всему городу, и река слез вдруг потекла у всех и своим разливом почти

покрыла море. Когда вышеупомянутый Магнус, явившись в гавани, повелел матросам поднять паруса, тогда смешанные рыдания дев и жен, старцев и юношей, сопровождаемые горькими слезами, стоны и вопли всех их покрывали шум пенящегося моря и удары волн о берег. А когда упомянутые страдальцы отплыли в Илиополис, где каждый житель — идолопоклонник, где все устроено дьяволом для удовольствий, где страшные убежища зверей, потому что тот город со всех сторон окружен высящимися до небес горами: тогда всем, которые оставались в городе и плакали либо публично, либо каждый у себя дома, смешивая слова со стонами, даже запрещено было плакать — так повелел префект города Палладий, бывший равномерно ревностнейшим идолопоклонником. Многие из плакавших были схватываемы и сначала содержались под стражей, а потом были сечены, подвергались мучительным терзаниям и пыткам и отсылались в фенские и приконнские рудокопни[154] — и это были люди, с божественной ревностью подвизавшиеся за церковь, ибо большей частью принадлежали к монашеству и ради подвигов жили в пустыне. Немного спустя, таковых случилось двадцать три человека и с ними палачи публично вели связанного за спиною по рукам будто какого отчаянного злодея — дьякона, который прислан был от возлюбленного Дамаса, епископа римского, и принес нам утешительные и вместе общительные грамоты. Приняв пытки, свойственные человекоубийцам, и долго поражаемый по спине каменными и свинцовыми шариками, и он, подобно прочим изошел на стоявший в море корабль — и он не удостоился попечения и заботливости, но, положив на челе своем знамение божественного креста, отправился в медные фенские рудокопни. Этот судья мучил и детей, и при нежных телах их поставил несколько стражи, чтобы не допустить их погребения. Родители, братья и сродники, можно сказать, весь город просил дать им только это последнее утешение: но какое ужасное бесчеловечие судьи или, лучше, обвинителя! Подвижники благочестия не были сравнены даже с убийцами, но лежали непогребенные; мужественные поборники были брошены на съедение зверям и птицам, и кто по побуждению совести хотел оказать сострадание отцам убитых, тот, как преступник, был обезглавливаем. Какой закон римский, какое мнение варваров запрещает сострадать отцам? Кто и где в древности совершил подобное беззаконие? Повелел некогда фараон убивать еврейских младенцев мужского пола, но это повеление внушено было ему завистью и страхом. И сделанное тогда во сколько милостивее нынешнего поступка, во сколько желаннее, если только можно желать несправедливости, во сколько лучше, если сравнить то и другое беззаконие, хотя злодейства неотделимы одно от другого! То, что я говорю, невероятно, бесчеловечно и ужасно, жестоко и дико, безжалостно и горько, однако последователи Ариева безумия гордились и восхищались этим. Весь город плакал, «ибо не быть дом, в нем же не быть мертвец», как написано в книге Исхода (Исх **12**.30), но эти люди, возбудившие в себе неутомимую жажду к беззаконию, не успокаивались. Направляя свои действия всегда к худшему, они изливали яд свой даже на епархиальных епископов. Для нанесения оскорблений, пользуясь воинской мощью вышеупомянутого начальника над раздачей царских денег, одних предавали они суду, под другими подыскивались как хотели и, желая привести всех к своему нечестию, отваживались на всякие средства, везде обходили, и подобно отцу своей ереси — дьяволу, искали, «кого поглотити» (1Петр 5.8). Но когда все решительно отвергли их убеждения, тогда одиннадцать египетских епископов, мужей, которые с детства и до старости ради подвигов жили в пустыне, мыслью и делом преодолевали страсти, непостыдно проповедовали благочестивую веру, с материнским молоком всосали догматы благочестия, часто побеждали демонов, своей добродетелью посрамляли противника, мудрыми своими речами обличали ересь ариан — этих-то мужей, пользуясь, как орудием своей жестокости, властью вышеупомянутого (Магнуса), переселили они в обитаемый господоубийцами иудеями город Диокесарию[155]. Мало того — эти безумные и несмысленные, подобно аду, не насытились смертью братьев, но дерзнули везде на

земле оставить память своей жестокости, как будто злыми своими поступками желали получить известность. Оглушив царский слух наветами, они сослали в Неокесарию[156], что при Понте, и антиохийских клириков, когда последние вместе с некоторыми доблестными монахами решились свидетельствовать против их козней — и эти переселенцы, не могши перенести суровости тамошнего климата, скоро там перемерли. Такие-то совершались в то время дела! Они достойны молчания и забвения и переданы письменно единственно в обличение тех, которые направляют язык свой против единородного. Зараженные язвою богохульства, ариане не только стараются бросать стрелы в Господа всяческих, но вступили в непримиримую войну с благочестивыми его служителями.

Глава 23

О военачальнице сарацинской Мавии[157] и о рукоположении монаха Моисея.

В то время[158] пределы Римской империи опустошаемы были племенами измаильтян. Ими предводительствовала Мавия, которая, несмотря на ее пол, имела дух мужчины. После многих битв она заключила с римлянами мир и, озаренная светом богопознания, просила рукоположить своему народу в архиерея некоего Моисея, жившего на границе между Египтом и Палестиной. Получив эту просьбу, Валент повелел сего божественного мужа препроводить в Александрию и там преподать ему благодать архиерейства, потому что Александрия была ближайшим к тому месту городом. Но когда он прибыл туда и увидел, что возложить на него руку старается Люций, то сказал: не бывать тому, чтобы ты возложил на меня руку, ибо по твоему призыванию не снидет на меня Дух. А Люций спросил; «на чем основывается выражаемая сими словами твоя догадка?» «Не догадка это, — отвечал он, — а ясное знание, ибо ты вооружаешься на апостольские догматы и говоришь вопреки им: богохульным же твоим словам соответствуют и беззаконные твои дела. Какой нечестивец, судя по тебе, не смеялся над церковными причтами? Какой достохвальный муж тобою не изгнан? Какой варварской свирепости не скрывают ежедневные твои дерзости?» И это говорил он Люцию безбоязненно. А сей слушал его слухом убийцы и жаждал его смерти, только боялся, как бы снова не возжечь прекратившейся войны, потому повелел препроводить его к другим епископам, которых он требовал. С этой дивной верой, получив благодать архийерей-ства, Моисей прибыл к тем, которые просили его, и апостольским учением, равно как чудодействиями провел их к истине. Так вот какие дерзости совершал Люций в Александрии, и вот что устроил тогда промысел божий![159]

Глава 24

О дерзких поступках (ариан) в Константинополе.

В Константинополе же последователи Ария, наполнив корабль благочестивыми пресвитерами, пустили его в море без балласта. Потом, посадив некоторых своих единомышленников на другое судно, приказали им поджечь корабль, на котором были пресвитеры. Когда это было сделано, плаватели, борясь с огнем и морем, наконец погрузились в глубину и приняли мученический венец. Между тем Валент, очень долго живя в Антиохии, всем — и эллинам, и иудеям, и другим, которые, нося имя христиан, проповедывали противное евангельскому учению, внушил дух религиозной безопасности. Находившиеся в заблуждении начали (явно) совершать языческие обряды, и он снова позволил процветать той лжи, которая после Юлиана была истреблена Иовианом. Таинства Зевса и Диониса и оргии Деметры отправлялись не в тайниках, как бывало в царствования благочестивые; напротив, (язычники) с неистовством бегали по городской площади. Царь враждовал только против чтителей апостольского учения. Сперва он изгнал их из храмов, тогда как всехвальный Иовиан отдал им и вновь построенную церковь; потом, когда они начали сходиться у подошвы горы, чтобы там славословить Господа песнопениями и питаться словами Божественного Писания, перенося неблагоприятные перемены погоды — то дождь, то снег, то стужу, а иногда сильнейший зной — он не позволил им наслаждаться и этой, с таким трудом приобретаемой пользой, но послал воинов и разогнал их.

Глава 25

О том, как в Антиохии собрали церковь православных Флавиан и Диодор.

Но напор волн, будто перед некими оплотами, сокрушался перед Флавианом и Диодором. Тогда как пастырь их Мелетий принужден был жить вдали от них, они сами стали заботиться о пастве и волкам противопоставляли свое мужество и мудрость, а об овцах имели приличную заботливость. Посему, когда отогнали их от подошвы горы, они начали пасти овец на берегах соседней реки, ибо не хотели, подобно вавилонским пленникам, повесить свои арфы[160], но Творца и Благодетеля воспевали на всяком месте владычества Его[161]. Что ж? Враг не потерпел, чтобы и здесь сходился собор благочестивых пастырей, исповедовавших во Христе Владыку. Посему, чета этих дивных вождей начала собирать святых своих овец на военном поле и там указывала им духовное пастбище. Мудрый и мужественный Диодор, подобно прозрачной и великой реке, доставлял своему стаду питье и потоплял богохульство противников. Ни во что ставил он знатность своего рода и охотно переносил все труды за веру. Равным образом и превосходный муж Флавиан был рожден от благородных родителей, но благородством почитал одно благочестие. Подобно какому-нибудь начальнику гимназии, он помазывал на битву и великого Диодора, будто пятинаградного подвижника, ибо в то время сам не проповедывал в церковных собраниях, а только делавших это обогащал наставлениями и мыслями священного Писания — и они то уж бросали стрелы против Ариева богохульства, которые Флавиан доставлял им из своего ума, будто из какого колчана. Препираясь с еретиками как в частных домах, так и в общественных собраниях, он легко разрывал их сети и доказывал, что их возрождения — паутина. С ними вместе подвизался и тот Афраат, которого жизнь мы описали в «Истории Боголюбцев»[162]. Предпочетши своему безмолвию спасение овец, он оставил хижину подвижника и принял на себя труды пастыря. Какое собрано им богатство добродетели, говорить здесь считаю излишним, потому что писал об этом в другом сочинении. Теперь я расскажу только об одном его поступке, которого описание весьма уместно в этой истории.

Глава 26

О святом Афраате монахе.

С северной стороны царских чертогов (в Антиохии) протекает река Оронт, а с южной надстроен над городской стеной огромный двухъярусный портик с высокими на обеих сторонах башнями. Между царскими же чертогами и рекой проложена большая дорога, на которую вступают все идущие из города через ворота и направляющиеся в загородные поля. По этой-то дороге шел божественный Афраат на военное поле — с намерением исполнить дело надлежащей заботливости о святых овцах. В это время царь с высоты царского портика заметил его и увидел, что он был одет в кожаное платье и, несмотря на свою старость, шел поспешно. Тут кто-то сказал, что это Афраат, которого влиянию подчиняется множество граждан, и царь спросил проходившего: «Скажи, куда ты идешь?», а тот весьма мудро и кстати отвечал ему: «Иду молиться за твое царствование». «Но тебе следовало бы, — сказал царь, — оставаться дома и, по монашескому закону, молиться в уединении». На что тот божественный муж отвечал: «Ты, царь, весьма хорошо говоришь: так нужно было бы мне поступить; так я и поступал доныне, пока овцы Спасителя пользовались миром. Но когда они подверглись великому смятению и когда им угрожает важная опасность быть увлеченными от зверей, тогда является необходимость употребить все средства к спасению стада. Скажи мне, царь, — продолжал он, — если б я был девицей и сидел в своем тереме, но, заботясь о доме, вдруг увидел бы, что показалось пламя и отеческий дом загорелся, — скажи мне, что тогда надлежало бы мне делать? Сидеть ли в комнате, не обращая внимания на то, что горит дом, и ждать, пока пламя ринется и на меня? Или оставить свой терем, бегать вверх и вниз, носить воду и заливать огонь? Очевидно, это последнее, скажешь ты, ибо так свойственно поступать догадливой и благоразумной девице. То же самое, царь, делаю теперь и я. Ты бросил пламя в отеческий наш дом, и мы всюду бегаем, стараясь погасить его». Так говорил Афраат, и царь пошел молча. Но один из царских постельничих, при том дерзко угрожавший божественному мужу, вот что потерпел. Так как ему вверено было попечение о царской бане, то немедленно после этих слов он ушел, чтобы приготовить ее для царя, но, пришедши в баню, как будто помешался, бросился в кипящую, нестерпимо горячую воду и умер. Между тем царь сидел и ждал, когда ему доложат, что можно идти, и наконец, по прошествии значительного времени, должен был послать других, чтобы уведомили его о причине замедления. Пришедши в баню, посланные все осмотрели и, наконец, нашли его уже мертвым и в чрезвычайно горячей воде разложившимся. Когда это дошло до слуха царя, то все поняли силу молитвы Афраатовой, хотя и не отступили от нечестивых догматов, но, подобно Фараону, ожесточили свое сердце. Узнав и об этом чудодействии святого, Валент продолжал неистовствовать против благочестия.

Глава 27

О святом Юлиане и Антонии Великом.

В сие же время и тот всехвальный Юлиан[163], о котором я уже прежде упоминал, принужден был оставить пустыню и прийти в Антиохию. Когда люди, воспитанные во лжи и весьма искусные в сплетении клевет — разумею ариевых единомышленников — стали утверждать, что тот великий муж принадлежит к их обществу, то светильники истины, Флавиан, Диодор и Афраат послали к упомянутому восхваленному мужу другого подвижника добродетели, разумного Акакия[164], который после с величайшею мудростью управлял берийскою церковью, и умоляли его сжалиться над бесчисленным множеством народа, обличить ложь противников, и вместе с тем утвердить проведение истины. Сколько раз (по этому случаю) он приходил и опять уходил, и сколько совершил чудес в самом великом городе, все сие описано нами в «Истории Боголюбцев где легко могут прочитать желающие знать об этом подробнее. А что он в наше собрание привлек все население города, в том, думаю, не сомневается никто, исследовающий человеческую природу, потому что вообще дивное привлекает к себе всех. О великих же его чудодействиях свидетельствуют самые враги истины. То же делал в Александрии, еще задолго прежде, во времена Констанция, Антоний Великий[165]. Оставив пустыню, он обошел весь тот город и внушал всем, что Афанасий есть проповедник апостольского учения, а последователи Ария суть противники истины. Так-то знали те божественные мужи, что в какое время прилично делать, когда нужно предаваться уединению, а когда пустыням предпочитать города.

Глава 28

Какие другие монахи просияли в то же время.

В то же время были и другие, сиявшие лучами монашеского любомудрия. В пустыне халкидской подвизались Авит, Маркиан, Авраамий, и с ними бесчисленное множество других, и все они в страстном теле старались вести жизнь бесстрастную[166]. В пределах Апамеи стояли на высоте любомудрия Агапит, Симеон, Павел и другие[167]. На пределах Зевгмы славились Публий и Павел, а близ Киресты[168] — всехвальный Акепсима, живший в тесной кельи в продолжении шестидесяти лет, никем не видимый и не слышимый. Дивный же Зевгматий, и быв лишен зрения, везде ходил и укреплял овец, сражаясь с волками, за что они сожгли подвижническую его хижину. Впрочем Траян, истинный христианин-военачальник, построил ему новую и оказывал другие благодеяния. В пределах Антиохии пустынножительствовали Мариан, Евсевий, Аммиан, Палладий, Симеон, Авраамий и, кроме этих, другие, сохранившие в себе образ Божий нерастленным. Мы уже описали жития и этих и тех. Подобными же цветами украшалась и гора, принадлежащая великому городу (Антиохия). На ней сияли — Петр галатийский и соименный ему египетский, также Роман, Север, Зинон, Моисей, Малх и весьма многие другие, неизвестные для многих, но знаемые Богом[169].

Глава 29

О Дидиме александрийском и Ефреме сирском.

В то же время блистали: в Эдессе дивный Ефрем, а в Александрии Дидим[170] — оба излагавшие догматы против врагов истины. Последний рассеивал лучи благодати Святого Духа, пользуясь языком сирским. Хотя он вовсе не учился по-гречески, однако ж, тем не менее, обличал хитросплетенные заблуждения греков и обнажал слабость всех еретических злоухищрений. Так как Армоний[171], сын Вардесана, еще задолго сочинил некоторые песни и через соединение нечестия с приятным их напевом, доставляя удовольствие слушателям, вел их к погибели, то Ефрем, заимствовав от них гармонию напева, присоединил к нему свое благочестие и тем доставлял слушателям сколько приятное, столько же и полезное врачевство. От этих песней даже и в нынешнее время праздники в честь мучеников делаются более торжественными. А Дидим, еще в детстве лишившийся чувства зрения, тем не менее знал поэзию и риторику, арифметику, геометрию и астрономию, силлогистику Аристотеля и красноречие Платона — и все эти науки изучал одним слухом, не как источники истины, а как оружие, которым истина может пользоваться против лжи. Он изучил также и Божественное писание, изучил не просто слова, но и смысл его. Так эти-то мужи сияли тогда в местах подвига и в убежищах добродетели.

Глава 30

Какие славились тогда в Понте и Азии епископы.

Между епископами сияли тогда два Григория: один назианзинский, а другой нисский, один был брат, а другой — сожитель и сотрудник Василия Великого[172]. Они отличались подвигами за благочестие в Каппадокии, и с ними подвизался Петр, родившийся от одних родителей с Василием и Григорием, но не получивший вместе с ними внешнего воспитания, хотя сиявший лучами (христианской) жизни. Тогда же доблестно подвизались за веру предков и отражали враждебные нападения — в Писидии Оптим[173], в Ликаонии Амфилохий, а на Западе издали низвергали врагов — предстоятель римский Дамас и управлявший медиоланскою церковью Амвросий. Вместе с ними подвизались и те, которые были поставлены в необходимость жить в отдаленных краях, писали послания и ими сколько утверждали своих, столько же поражали и противников, ибо Промыслитель всяческих давал тогда и кормчих, равносильных свирепости бури, являл и доблестных военачальников, могших противостоять ярости врагов, посылал и спасительное врачество, сообразное с трудностью времени. Впрочем человеколюбивый Бог удостаивал тогда церкви не этого только промышления. Он сподоблял их и другой своей милости.

Глава 31

О том, что писал Валент к великому Валентиниану о войне и что последний отвечал ему.

Возбудив готский народ к войне, (Бог) отвлек к Боспору того, который умел сражаться с одними благочестивыми. Сознав тогда свою слабость, этот суетный человек отправил послание к своему брату и просил у него войска. Но тот отвечал ему, что несправедливо помогать человеку, воюющему с Богом, и что напротив следует ограничить его дерзость. Такой ответ исполнил этого несчастного величайшей горести, впрочем оне не оставил своей дерзости, но продолжал сражаться против истины[174].

Глава 32

О благочестии князя Теренция.

В то время из Армении воротился Теренций и привел трофеи победы. Теренций был военачальник превосходный и украшался благочестием. Валент приказал просить ему награды, и он объявил такую просьбу, какая прилична была мужу, напитанному благочестием: он не просил не золота, ни серебра, ни земли, ни власти, ни дома, но умолял дать одну церковь тем, которые терпели столько опасностей за апостольское учение. Получив такую просьбу и узнав ее содержание, царь в негодовании разорвал ее и велел просить чего-нибудь другого. Но Теренций, собрав клочки просьбы, сказал: «Я уже получил, царь, и имею награду, не буду просить другой. Судья всяческих есть судья моего намерения».

Глава 33

О смелости полководца Траяна.

Валент перешел Боспор и прибыл во Фракию, но сперва очень надолго остановился в Константинополе и приготовлялся там к войне. Против варваров он послал с войском своего полководца Траяна. Когда же этот воротился, потерпев поражение, то Валент сильно порицал его, укоряя в слабости и трусости. Но Траян, с приличною благородному мужу смелостью, отвечал: «Не меня, царь, победили, ты сам упускаешь победу, сражаясь с Богом и уступая варварам Его помощь. Видя твою вражду против себя, Бог присоединяется к ним, а за Богом всюду следует победа и достается тем, которыми он предводительствует. Разве не знаешь, — продолжал он, — кого ты выгнал из церквей, и кому отдал их?» Что точно так было дело, подтвердили Арирфей и Виктор (бывшие равным образом полководцами) и просили царя не гневаться на упреки, в которых есть правда.

Глава 34

О константинопольском монахе Исаакии[175].

Говорят, что Исаакии, имевший там монашескую келью, увидев проходившего с войском царя, так восклицал к нему: «Куда идешь, царь, воюющий против Бога и не пользующийся Его помощью? Ведь Он-то и подвиг против тебя варваров — за то, что ты изощрил много языков на богохульство, а славославящих Бога изгнал из святых храмов. Перестань воевать против Него — и Он оставит эту войну; возврати паствам превосходных пастырей — и ты легко получишь победу. Если же предпримешь войну, не сделав ничего этого, то на опыте узнаешь, как бедственно прать против рожна, потому что и сам не воротишься, и потеряешь войско». Но раздраженный царь сказал ему: «Ворочусь и убью тебя, будешь мне отвечать за ложные предсказания». А он, нисколько не убоявшись угрозы, воззвал: «Убей, если откроется лживость моих слов».

Глава 35

О смелости скифского епископа Вретаниона.

И Вретанион[176], сиявший всякою добродетелью, и властью архипастыря правивший городами всей Скифии, воспламенял свой дух ревностью и обличал Валента в искажении догматов и в беззакониях относительно святых. Он с божественным Давидом вопиял: «глаголах во свидениях твоих пред цари и не стыдящихся» (Пс **118**.46).

Глава 36

О походе Валента против готов и о том, как он был наказан за свое нечестие.

Презрев советы всех этих превосходных мужей, Валент послал войско в битву, а сам, оставшись в одной деревне, ожидал победы. Но воины, не вынесшие напора варваров, обратились в бегство и, преследуемые, были убиваемы. Одни поспешно бежали, а другие изо всех сил преследовали. Когда варвары достигли той деревни, где Валент, услышав о поражении, старался спрятаться, то подложили огонь и, вместе с селением, сожгли самого противника благочестия. Такое-то еще в здешней жизни получил он наказание за свои злодеяния[177].

Глава 37

Откуда готы заимствовали арианское заблуждение? [178].

Я думаю, стоит труда показать незнающим, как варвары заразились болезнью арианства. Когда готы перешли Истр и заключили с Валентом мир, бывший в то время ненавистный Евдоксий внушал царю убедить их, чтобы они вступили с ним в общение; ибо этот народ давно уже озарился лучами богопознания и воспитывался в их апостольских догматах. Одинаковый образ мыслей, говорил он, сделает мир более прочным. Похвалив такое намерение, Валент предложил начальникам готов согласиться с ним в догматах, но они сказали, что не решатся оставить учение предков. В то время у них был епископ Ульфила, которому они чрезвычайно верили, и его слова считали за нерушимые законы. Смягчив его убеждениями и склонив деньгами, Евдоксий расположил его дать мыслям варваров такое направление, чтобы они вошли в общение с царем. Убеждая Ульфилу, он говорил, что вражда возгорелась из-за честолюбия, а в догматах нет никакого различия. Поэтому-то готы и до сих пор говорят, что Отец больше Сына, впрочем, не соглашаются называть Сына тварью, хотя и находятся в общении с теми, которые называют Его так. Вообще, они не во всем оставили учение предков, ибо и Ульфила, убеждая их войти в общение с Евдоксием и Валентом, говорил, что в догматах нет различия, но что разделение произведено пустой распрей.

Книга 5

Глава 1

О благочестии царя Грациана[179] .

Дела и судьба Валента определенно показали, как долго Господь Бог терпит неистовствующих против Него и как наказывает тех, которые не пользуются по-надлежащему Его долготерпением. Человеколюбивый Бог управляет своим милосердием и правосудием, как бы весами и браздами: когда видит Он, что кто-нибудь беззакониями превышает меру человеколюбия тогда правосудным наказанием препятствует стремительности зла. По смерти Валента верховную власть над всею Римскою империей получил Грациан — родной его племянник, сын Валентиниана. Европою владел он уже давно, с самой смерти своего отца, так как еще при жизни его был соправителем, а теперь, когда Валент умер бездетным, получил в свою власть и Азию, и остальную часть Ливии.

Глава 2

О возвращении епископа.

Восшедши на престол, Грациан тотчас еще яснее обнаружил все, какое было в нем благочестие, и начатки своего царствования принес Царю всяческих. Он издал указ, которым повелевалось вызвать изгнанных пастырей, возвратить их к своим паствам и соглашающимся иметь общение с Дамасом отдать святые храмы. А Дамас был епископ римский, украшавшийся достохвальною жизнью и старавшийся все говорить и делать согласно с апостольским учением: он принял попечение о церкви после Либерия. Вместе с указом царь послал и знаменитого тогда военачальника Сапора, чтобы проповедников Ариева богохульства, как диких зверей, он изгонял из святых храмов и передавал их пастырям доблестным и паствам благочестивым. Это повеление Грациана во всех других областях было принимаемо беспрекословно, но в главном городе востока, Антиохии, по сему случаю произошел следующий раздор.

Глава 3

О споре Павлина и о нововведении Аполлинария лаодикийского; также о любомудрии о богочестимости Мелетия.

Защитники апостольских догматов, как сказали мы прежде, разделились на две партии: одни, тотчас после козни, направленной против великого Евстафия, возгнушавшись арианским бесстыдством и собираясь сами по себе, имели своим предстоятелем Павлина, и другие, вслед за рукоположением Евзоя, отделились от нечестивых сил прежним своим епископом Мелетием и, потерпев вышеупомянутые бедствия, управлялись мудрым учением Мелетиевым. Кроме того, Аполлинарий лаодикийский явился главою еще новой секты. Прикрываясь сперва личиною благочестия и показывая вид, будто защищает апостольские догматы, он вскоре потом оказался явным врагом их, потому что о Божием естестве говорил нечисто, придумав какие-то степени достоинств, и дерзнул утверждать, что тайна домостроительства несовершенна, и что разумная душа, которой вверено управление тела, лишена бывшего спасения. По его учению, Бог-Слово не принимал этой души, и потому не удостоил его ее врачевания и не даровал ей чести. Что касается до тела, то сему земнородному поклоняются невидимые силы, а душа, сотворенная по образу божию, носит в себе бесчестие греха, и осталась долу. Много и другого, кроме этого, наговорил заблудившийся и слепотствующий его разум. Так, Аполлинарий иногда соглашался, что Христос принял плоть от Св. Девы, иногда утверждал, что плоть вместе с Богом-Словом пришла с неба, иногда же — что Бог-Слово ничего не принял от нас, но сам родил плоть.

Много и других басен и пустословия присоединял он к божественным обетованиям, но я считаю излишним теперь говорить о них. Проповедуя это, Аполлинарий развращал не только своих последователей, но сообщил язву и некоторым из наших. С течением времени последователи его, видя свою ничтожность и славу церкви, присоединились к ней все, кроме немногих, и удостоились церковного общения, но не только не оставили прежней болезни, а напротив, заразили ею и многих, бывших дотоле здоровыми. Из этого-то корня произросло в церквах мнение о единой природе плоти и Божества и о том, что страдание приразилось к самому Божеству Единородного, да и другие мысли, породившие спор между некоторыми церквами и иереями. Но это произошло уже впоследствии. Итак, когда прибыл (в Антиохию) военачальник Сапор и объявил царский указ, Павлин стал утверждать, что он держится стороны Дамаса, То же утверждал, скрывая свою болезнь, и Аполлинарий. Святой Мелетий между тем хранил молчание и переносил их спор. Но мудрейший Флавий, причисленный уже к сонму пресвитеров, прежде обратился к Павлину и в присутствии военачальника сказал: «Если ты, любезный, дорожишь общением Дамаса, то покажи нам ясно сродство догматов. Дамас, исповедуя единое существо Троицы, прямо проповедует о трех ипостасях, а ты, напротив, отвергаешь троичность ипостасей. Покажи же нам согласие догматов и, по указу, возьми церкви». Таким обличением заставив Павлина замолчать, Флавиан потом сказал Апполинарию: «Удивляюсь тебе, друг, как ты с таким бесстыдством воюешь против истины. Ясно зная убеждение Дамаса, что Бог-Слово принял всецело наше естество, ты всегда утверждаешь противное, ибо наш ум лишаешь спасения. Если же мы говорим ложь, обвиняя тебя в этом, то отвергни теперь вымышленное тобою нововведение, прими с любовию учение Дамаса и возьми священные храмы». Такими-то истинными словами мудрейший Флавиан ограничил говорливость обоих. После того кротчайший из всех людей Мелетий дружелюбно и спокойно сказал Павлину: «Так как с того самого времени, когда Господь овец вверил мне попечение об известных овцах, ты принял на себя заботу о других, и наши стада имеют общение благочестия,

то соединим их, друг мой, и, оставив спор о первенстве, будем сообща пасти овец и сообща заботиться о них. Если же повод к спору представляет тебе стоящая на средине кафедра, то я постараюсь удалить его, именно — положу на нее святое Евангелие, а мы будем сидеть по сторонам его. Если придется мне первому окончить жизнь, ты, друг, в то время один управляй стадом, а когда Бог велит тебе прежде меня испытать это, я опять, сколько станет сил, буду заботиться об овцах». Божественный Мелетий высказал это дружелюбно, однако ж Павлин не согласился с ним. Тогда военачальник, обсудив сказанное, отдал церкви великому Мелетию, а Павлин продолжал управлять теми овцами, которые с самого начала отделились от стада.

Глава 4

О Евсевии, епископе самосатском.

Не достигнув власти над церквами, Аполлинарий стал открыто проповедовать измышленное им учение и объявил себя вождем ереси. Сам он жил большей частью в Лаодикии, а в Антиохию еще прежде рукоположил Виталия — мужа прекрасной жизни, воспитанного в апостольских догматах, но впоследствии заразившегося болезнию аполлинарианства. Между тем, того Диодора, о котором я упомянул прежде и который во время сильнейшей бури спас корабль церкви от потопления, божественный Мелетий поставил пастырем Тарса и ему же поручил церковь киликийскую, а святительское попечение об Апамее возложил на Иоанна[180], который происходил от знатного рода, но более славился собственными доблестями, чем заслугами предков. Иоанн равно украшался и словом и жизнью и во времена бурные управлял обществом единоверных, в чем помог ему достославный Стефан. Теперь же этого самого Стефана божественный Мелетий поставил на другое поприще. Узнав, что Германикия заражена гибельным учением Евдоксия, он послал того мужа в Германикию, как врача-целителя, послал именно его потому, что он прошел всю греческую мудрость и был воспитан в божественном учении. И Мелетий не обманулся в своей надежде: духовным своим учением Стефан и волков превратил в овец. Возвратился из ссылки также и великий Евсевий, и епископом в Бероэ поставил славившегося тогда Акакия, в Иерополис — Феодота, которого подвижническая жизнь и доныне всеми восхваляется, в Колхиду — Евсевия, а в наш Кир — Исидора. Оба последние были мужи дивные, украшавшиеся божественною ревностью. Говорят, что и того Евлогия, подвизавшегося за апостольские догматы и вместе с Протогеном сосланного в Антиною, он рукоположил в пастыри Эдессы, так как угодник Божий Вирса в то время уже умер. Евлогий же обратил внимание на общника своих подвигов Протогена и в лице его подарил врача-целителя болезновавшему тогда городу Каррам[181]. Из числа епископов, рукоположенных божественным Евсевием, последним был Марис, поставленный в Долиху, а Долиха была немноголюдное и небольшое местечко, в то время страдавшее болезнью арианства. Чтобы этого достохвального и сиявшего многими видами добродетелей Мариса утвердить на святительском престоле, Евсевий сам отправился в Долиху. Но когда он ехал, одна женщина, страдавшая болезнью арианства, с кровли дома бросила в него черепицу и ею раздробила ему голову, от чего он скоро и перешел в лучшую жизнь. Умирая, Евсевий обязал клятвою всех, при нем присутствовавших, не подвергать виновную никакому наказанию, потому что подражал своему Господу, который молился за распинателей, говоря: «Отче, отпусти им, не ведают бо что творят» (Лк **23**.34), и сослужителю своему Стефану, который, быв осыпаем тучею камней, вопил: «Господи, не постави им греха сего» (Деян **7**.60). Такою — то кончиной заключил великий Евсевий ряд столь разнообразных своих подвигов[182]. И бежав от фракийских варваров, он не избежал от рук нечестивых еретиков, но именно от них принял мученический венец. Все это случилось по возвращении епископов. Между тем Грациан узнал, что варвары, сжегшие Валента, опустошают Фракию, и потому, оставив Италию, переехал в Паннонию.

Глава 5

О господстве Феодосия.

Около того времени жил Феодосии и славился как знаменитостью предков, так и собственным мужеством. По поводу этих достоинств, преследуемый завистью со стороны людей, стоявших на той же степени чести, он имел свое местопребывание в Испании, где и родился и получил воспитание. В тогдашних обстоятельствах царь не знал, что ему делать с варварами, кото-рые, возгордившись одержанной ими победой, никак не уступали и почитали себя победителями. Чтобы наконец остановить это зло, он решился вверить начальство над войском Феодосию и потому, тотчас же вызвав этого мужа из Испании, провозгласил его военачальником и с собранным на ту пору войском послал против варваров. Ограждаемый верою, Феодосии бодро выступил в поход и, по прибытии во Фракию, заметив, что варвары стягиваются к одному пункту, поставил свое войско в боевой порядок. При самой первой встрече они, не выдержав натиска, смешались, показали тыл, обратились в бегство и с ожесточением были преследуемы. Много тогда перебито их, потому что они были убиваемы не только от римлян, но и друг от друга. Когда таким образом большая часть варваров легла на месте, а меньшая, перебравшись через Истр, успела скрыться, этот отличный военачальник, разместив свое войско по близлежащим городам, сам со всевозможною поспешностью отправился к царю Грациану — возвестить ему о своих трофеях. Но такое событие слишком изумило царя, так что слово Феодосия казалось ему даже невероятным. Притом завистники продолжали еще пускать свои стрелы и говорили, что Феодосии сам убежал, а войско погубил. Тогда победитель просил послать на место сражения самих его противников; пусть они увидят множество побитых варваров. «Впрочем, о числе последних, — говорил он, — не трудно узнать и по добыче». Уступив этим словам, царь послал усмотреть дело на месте и довести себе.

Глава 6

О воцарении Феодосия и о виденных им снах.

Отличный этот военачальник, оставшись при царе, видел дивный сон, который послан ему, очевидно, самим Богом всяческих. Ему представилось во сне, будто предстоятель антиохийской церкви, божественный Мелетий, возложил на него царскую порфиру и главу его украсил царским же венцом. Увидев это ночью, Феодосий поутру сказал о том кому-то из своих приближенных. Сон ясен, заметил последний, в нем нет ничего загадочного, или двусмысленного. Между тем, по прошествии весьма немногих дней, возвратились наследники Феодосиева дела и говорили, что варваров побиты многие десятки тысяч. Тогда царь увидел, как он хорошо сделал, избрав Феодосия военачальником, и потому, возведши его в царское достоинство, отдал ему державу областей Валентовых. После сего Грациан отправился в Италию и Феодосия послал в ту часть империи, которая была ему вверена. Как скоро он принял царство, тотчас и прежде всего позаботился основать его на согласии церквей и повелел, чтобы епископы подвластной ему империи съехались в Константинополь, ибо это только часть ее страдала от арианской заразы, а Запад оставался свободным от сей болезни: там дети Константина, старший Константин и младший Констанс, сохраняли веру своего отца неприкосновенной, да и после них опять западный царь Валентиниан соблюдал чистоту благочестия.

Глава 7

О некоторых значительных представителях арианской секты.

Восточная часть империи приняла эту заразу во многих местах. Арий, был пресвитером в Александрии египетской, породил там богохульное свое учение. А Евсевий, Патрофил и Аэций — палестинские, Павлин и Григорий — финикийские, Феодот и за ним Георгий — лаодикийские, после же Афанасий и Наркис — киликийские старались питать эти прозябшие семена зла. Равным образом Евсевий и Феогнис — вифинские. Минофант Эфесский, Феодор перинфский, Марис Халкидонский и некоторые другие из Фракии, получившие известность только своей злобой, долго рассеивали, поливали и согревали эти плевелы. Упомянутым злым делателям много споспешествовали также слабость Констанция и нечестие Валента. Вот почему Феодосии приказал собраться в Константинополь епископам одной своей империи. Когда же они собрались в числе ста пятидесяти, Феодосии объявил, чтобы не говорили ему, кто между ними Мелетий: он хотел сам, припоминая свой сон, узнать этого мужа. И действительно, лишь только весь сонм епископов вошел в царские палаты, Феодосии, оставив всех прочих, прямо подошел к великому Мелетию и, как любящий отца сын, сначала долго наслаждался его лицезрением, потом обнял его и начал целовать ему очи, уста, грудь, голову и короновавшую его правую руку. При этом царь рассказал ему свой сон. Обласкал он также и всех других и попросил их, как Отцов, рассудить о предложенных делах.

Глава 8

О соборе, бывшем в Константинополе[183].

В это время в Константинополе находился и Григорий[184], управлявший тогда паствой Назианза и боровшийся с арианским богохульством. Напоевая Божий народ евангельским учением, уловляя заблудивших и бродивших вне стада овец и избавляя их от гибельного пастбища, он таким образом из малой сделал ту паству великою. Увидев его и хорошо зная цель правила, которым запрещалось перемещать епископов, то есть устранение повода к расчетам честолюбия, божественный Мелетий вверил святейшему Григорию предстоятельство в Константинополе. По прошествии немногого времени божественный Мелетий отошел в жизнь беспечальную и был напутствован надгробными похвалами от всех, кто только владел даром слова. Между тем александрийский епископ Тимофей, преемник Петра, принявшего жребий предстоятельства после Афанасия, вместо дивного Григория рукоположил некоего Максима Киника, у которого тотчас же обрезал кинические волосы. А этот Максим был заражен пустословием Аполлинария. Однако собравшиеся тогда епископы не потерпели этого странного поступка. Между отцами же собора были мужи достодивные, исполненные мудрости и святой ревности, именно: преемник Василия Великого Элладий, Григорий и Петр, родившийся с Василием от одних родителей, Амфилохий ликаонский, Оптим писидийский и Диодор киликийский. Там же присутствовали: Пелагий лаодикийский, Евлогий эдесский, Акакий и наш Исидор, Кирилл иерусалимский и украшавшийся словом и жизнью Геласий из Кесарии палестинской и многие другие подвижники добродетели. Все они тогда отделились от епископов египетских и с великим Григорием составляли особые торжественные собрания.

При этом случае божественный Григорий убеждал их, чтобы, собравшись для утверждения согласия, они взаимное единомыслие предпочли несправедливости одного человека, «ибо через это и я, избавившись от многих забот, — говорил он, — буду наслаждаться приятною для меня тишиною, и вы после той долговременной и трудной борьбы вкусите вожделенный мир. Ведь крайне нелепо, только что избежав вражеских стрел, нападать друг на друга и тем ослаблять собственную свою силу. В таком случае мы окажемся очень забавными для своих врагов. Итак, поищите достохвального и мудрого мужа, который бы мог принять на себя множество забот и усердно исполнять их, и поставьте его архиереем». Убежденные этими советами, добрые пастыри в епископы того великого города избрали Нектария, мужа благородного, украшавшегося знаменитостью рода и сиявшего собственными добродетелями. Что же касается до Максима, то его, как человека заразившегося безумием Аполлинария, объявили лишенным епископского достоинства[185]. После сего отцы собора, постановив правила касательно церковного благочиния и утвердить непреложность Символа никейского, возвратились в свои епархии. Но с наступлением лета[186], многие из них снова прибыли в тот город и побуждаемы были к тому церковными нуждами. Здесь они получили соборное послание западных епископов, которым приглашаемы были в Рим по случаю составлявшегося там великого собора, однако ж от этого путешествия, как бесполезного, отказались, а только отвечали на послание, давая знать западным епископам о церковных своих беспокойствах и слегка намекая на их равнодушие в этом отношении. В том же ответном послании они кратко изложили и апостольское свое учение. Впрочем мужество и мудрость Отцов, написавших это послание, яснее откроется из самого послания.

Глава 9

Послание константинопольского собора.

«Почтеннейшим господам и благорасположеннейшим братиям и сослужителям Дамасу, Амвросию, Бриттону, Валериану, Асхолию, Анемию, Василию и прочим, собравшимся в великом граде Риме, святым епископам — святой собор православных епископов, сошедшихся в великий град Константинополь, желает здравия о Господе.

Может быть, излишне было бы возвещать и рассказывать вашему благорасположению — так, как бы оно не знало того, — о множестве бедствий, претерпенных нами вследствие преобладания ариан. Нам не представляется, будто происходящее у нас вашему благочестию кажется до того сторонним, что мы должны еще объявлять вам о том, о чем вам следовало бы уже соболезновать. Притом свирепствовавшие у нас бури были не какие-нибудь, чтобы по своей маловажности могли оставаться неизвестными. Недавнее время гонений еще отзывается в памяти не только пострадавших, но и тех, которые, по любви, усвояют себе страдания их. Как будто бы только вчера или третьего дня одни, избавившись от уз ссылки, через тысячи скорбей возвратились в свои церкви, другие, почившие в изгнании, перенесены в останках, иные, далее по возвращении из заточения подпав свирепствовавшей еще ярости еретиков здесь, дома, испытали бедствия жесточе тех, от которых страдали на чужбине, и, подобно блаженному Стефану, умерли под ударами бросаемых еретиками камней, некоторые же, растерзанные различными многими орудиями пыток, и доселе еще на теле своем носят язвы и следы язв Христовых. А кто перечтет денежные пени, городские налоги и конфискации имуществ, принадлежащих тем или иным городам, козни, поношения, темничные заключения? В самом деле, скорби наши умножались без числа и все поражали нас. Может быть, мы наказываемы были ими за грехи свои, а может быть, человеколюбивый Бог и испытывал нас множеством страданий. Благодарим Бога, что Он толикими скорбями вразумлял рабов своих и по множеству своего милосердия снова даровал нам отдых. Но для восстановления церквей от нас требуется много занятий и трудов, чтобы мы своими попечениями тело церкви, как бы столь долго изнемогавшее, мало-помалу избавили его от болезни и возвратили ему здравие прежнего благочестия. Хотя теперь мы как-будто совсем свободны от жестоких преследований и совершенно возвратили церкви, столь долго находившиеся во власти еретиков, однако волки к нам тем не менее неприязненны. Быв изгнаны из ограды, они расхищают стада на пастбищах, осмеливаются делать особые собрания, возбуждают волнения в народе и ничего не упускают ко вреду церквей. Потому то, как сказали мы, нам необходимы долговременные знания.

Теперь, по воле Божьей, составив собор в Риме и являя нам братскую любовь свою, вы, через грамоты боголюбезнейшего царя, призываете и нас как присные свои члены, чтобы вам не царствовать без нас, и чтобы одни, некогда осужденные на скорби, в настоящее время, при согласии самодержцев относительно благочестия, и мы, по слову апостольскому, соцарствовали вам. По получении этого призывания, хотелось бы нам, если бы только возможно, всем вообще оставить свои церкви и последовать зову любви или нужды. В самом деле, «кто даст нам крылья, яко голубиные, и полетим, и почием у вас» (Пс **54**.7)? Но это совершенно обнажило бы только что начавшиеся обновляться церкви, а потому поездка в Рим для многих епископов решительно невозможна. Ведь в Константинополь собрались мы единственно по случаю прошлогодней грамоты, которую ваша честь, после аквилейского собора, прислала к боголюбивейшему царю Феодосию. Только к этому путешествию в Константинополь мы и приготовились и только на составление этого собора испросили согласие оставшихся в своих

епархиях епископов, и в дальнейшем путешествии мы не предполагали и надобности, даже до прибытия в Константинополь о том вовсе и не слышали. Притом краткость срочного времени не предоставляет нам возможности ни приготовиться к дальнейшему пути, ни уведомить о том находящихся в своих епархиях единоверных епископов и получить от них согласие. Поелику же все это и другое, кроме того, послужило для многих препятствием к отправлению, то для устройства церковных дел и для возблагодарения вас за любовь к нам мы избрали второе средство: убедили поспешно отправиться к вам достоуважаемых и почтеннейших братии и сослужителей наших, епископов — Кириака, Евсевия и Прискиона. Через них мы объявляем вам и свои миролюбивые намерения, которых цель — единение, через них свидетельствуем и о своей ревности к святой вере, потому что и гонения, и скорби, и угрозы, и жестокость судей, и всякое другое искушение со стороны еретиков претерпели мы именно за евангельскую веру, утвержденную святыми и богоносными триста осьмнадцатью отцами в Никее вифинской. Эту самую веру должно принимать и вам, и нам, и всем, кто не извратил слова веры истинной. Она, некогда с трудом нами сохраненная, древняя, соответствует крещению и учит нас веровать во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, то есть веровать в Божество, силу и существо Отца, и Сына, и Святого Духа, веровать в равночестное достоинство и совечное царствование трех совершенных Ипостасей, или трех совершенных Лиц, веровать так, чтобы тут не имела место ни болезнь Савеллия, который смешивает Ипостаси и отвергает личные свойства, ни богохульство евномиан, ариан и духоборцев, которые рассекают и существо, и природу, и Божество, которые в несотворенную единосущную и совечную Троицу вводят какое-то естество, либо после-рожденное, либо сотворенное, либо иносущное. И касательно воплощения Господа, мы сохраняем учение невозвращенное: принимаем домостроительство плоти и не без души, и не без ума, и не несовершенное, но допускаем целостность, то есть, что совершенное прежде веков Слово Божие в последние дни для спасения нашего сделалось совершенным человеком.

Такова в главных чертах искренно проповедуемая нами вера! Более ж в отношении к ней вы можете узнать наши души, если удостоите прочитать ее в том свитке, который написан бывшим в Антиохии собором, либо в том, который прошедшего года издан вселенским собором константинопольским. В них мы пространнее исповедовали свою веру и письменно анафематствовали недавно возникавшие ереси. Что же касается до частных правил церковной жизни, то вы знаете — у нас в силе древний обычай, утвержденный постановлением святых никейских Отцов, чтобы для всякой епархии совершаемы были рукоположения епархиальными — либо одними, либо, когда они захотят и признают полезнейшим, вместе с предстоятелями епархий сопредельных. Согласно с этим, знайте, управляются у нас и прочие церкви, и для церквей знаменитейших избраны иереи. Так, епископом, можно сказать, юной константинопольской церкви, которая недавно, по милости Божьей, исторгнута из богохульства еретиков, как бы из челюстей льва, мы на вселенском соборе, с общего согласия, перед лицом боголюбивейшего царя Феодосия, в присутствии всего клира и по одобрению целого города, рукоположили благоговейнейшего и боголюбивейшего Нектария. Таким же образом и для старейшей, истинно апостольской церкви в Антиохии сирской, в которой первой зазвучало драгоценное имя христиан, собравшиеся как из той самой епархии, так и из восточных диоцезов епископы законно рукоположили епископом благоговейнейшего и боголюбивейшего Флавиана, мужа, почтенного как бы единогласным выбором всей церкви, — и это законное рукоположение принято собором общим. Извещаем вас, что в церковь иерусалимскую — матерь всех церквей, канонически также рукоположен некогда епархиальными благоговейнейший и боголюбивейший епископ Кирилл, столь многократно и в разных местах подвизавшийся против ариан. С этими законно и канонически поставленными у нас епископами мы просим ваше благорасположение обмениваться приветствиями, иметь общение духовной любви и страха

Божия, отложив всякое человеческое пристрастие, и благоустройство церквей предпочитая расположению или любви личной, ибо, когда таким образом слова нашей веры придут в согласие и христианская любовь между нами утвердится, мы перестанем говорить то, что осуждает Апостол: «аз убо есмь Павлов, аз же Аполлосов, аз же Кифин» (1Кор **1**.12). Тогда все мы будем принадлежать Христу, который не разделился в нас, тогда, по воле Божьей, все сохраним тело церкви нераздельным и с дерзновением предстанем пред престолом Господним». Это писали Отцы против безумия Ариева, Аэциева и Евномиева, также против Савеллия, Фотина, Маркелла, Павла самосатского и Македония; равным образом ясно отвергали они нововведение Аполлинария, когда говорили: «и касательно воплощения Господня мы сохраняем не превратное учение: принимаем домостроительство плоти не без души, не без ума и не несовершенным»[187]. Всехвальный же Дамас, узнав о порождении этой ереси, низложил и отрешил не только самого Аполлинария, но и ученика его Тимофея, и через послание известил о том управлявших востоком епископов. Это послание его я считаю полезным поместить в настоящем моем сочинении.

Глава 10

Соборное послание римского епископа Дамаса, написанное против Аполлинария и Тимофея.

«Что вы, дражайшие дети, по своей любви воздаете апостольской кафедре должное уважение — этим весьма много приписываете нам. Правда, что особенно в той святой церкви учил св. Апостол, как надобно управлять принятым нами кормилом, в которой сам он восседал, однако ж мы признаем себя ниже сей чести, а только поэтому всячески стараемся, нельзя ли нам как-нибудь достигнуть славы его блаженства. Знайте же, что нами давно уже отлучен скверный ученик еретика Аполлинария Тимофей с нечестивым его учением, и мы надеемся, что остатки его затем не будут иметь никакой силы. А если тот давний змий, раз и два пораженный, снова оживает для своей казни, если и находясь вне церкви, он не перестает еще смертоносным своим ядом увлекать некоторых неверующих к падению, то уклоняйтесь от него, как от какой-либо гибели. Помня апостольскую веру, особенно как она письменно изложена Отцами в Никее, сильно стойте в ней твердою стопою и не двигайтесь. Запрещайте с этого времени и клирикам и мирянам слушать суесловные и темные исследования. Мы уже дали вам однажды образец, что всякий, признающий себя христианином, должен соблюдать то, что передано нам отцом Апостолов в словах святого Павла: «аще кто благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет» (Гал **1**.9). Христос, Сын Божий, Господь наш своими страданиями даровал человеческому роду совершеннейшее спасение, чтобы всего одержимого грехами человека освободить от всякого греха. А кто говорит, что Христос имеет умаленное либо Божество, либо человечество, тот, исполненный духом дьявола, показывает в себе сына геенны. Итак, зачем снова требуете, чтобы я отлучил Тимофея? Он и здесь, судом апостольской кафедры, в присутствии александрийского епископа, отлучен уже вместе с соучителем своим Аполлинарием и в день суда (Господня) примет должное мучение и казнь. Если же каких-либо легкомысленных он еще убеждает, так, как бы имел некоторую надежду и тот, кто истинную надежду на Христа заменил собственным исповеданием, то знайте, что вместе с ним погибнет и всякий, захотевший противиться постановлению церкви. Бог да сохранит ваше здравие, дрожайшие дети». Собравшиеся в великом Риме написали и другое послание против различных ересей, и я счел нужным поместить его в своем сочинении.

Глава 11

Другое соборное послание того же Дамаса против различных ересей.

Исповедание кафолической веры, посланное папою Дамасом к Павлину, епископу македонскому, когда он был в Фессалонике.

«Так как после никейского собора возникло столь важное заблуждение, что некоторые скверными устами дерзнули говорить, будто Дух Святой рожден через Сына, то мы анафематствуем всех, кто не проповедует с совершенною свободою, что Дух Святой одного и того же существа и власти с Отцом и Сыном. Равно анафематствуем мы и тех, которые, следуя заблуждению Савеллия, говорят, будто Отец и Сын суть одно. Анафематствуем также Ария и Евномия, которые с тем же нечестием, но другими словами утверждают, будто Сын и Дух Святой суть творения. Анафематствуем и македониан, которые, родившись от арианского корня, изменили не нечестие, а только имя. Анафематствуем и Фотина, который, возобновив ересь Эвиона, рождение Господа нашего Иисуса Христа (признает) только от Марии[188]. Анафематствуем и тех, которые утверждают, будто есть два Сына, один — прежде веков, а другой — по принятии плоти от Марии. Анафематствуем и тех, которые доказывают, что вместо разумной души в человеческой плоти обитало Слово Божие, ибо самое это Слово Божие не заменяло в своем теле разумной и мыслящей души, но восприняло и спасло именно нашу, то есть разумную и мыслящую, без греха душу. Анафематствуем и тех, которые говорят что Слово Божие отделилось от Отца протяженно и уменьшенно, и богохульствуют, что Оно не ипостасно и будет иметь конец. А тех, которые из церквей перешли в другие церкви, считаем чуждыми нашего общения до тех пор, пока они не возвратятся в те города, где сначала были рукоположены. Кто же по переходе кого-нибудь из места в место получит рукоположение и заместит живого, тот, оставив свой город, дотоле считается лишенным священнического достоинства, пока преемствовавший ему не почиет о Господе. Равным образом, кто не говорит, что Отец всегда Отец, Сын всегда Сын и Дух Святой всегда Дух Святой, — анафема да будет. Так, кто не признает Сына рожденным от Отца, то есть из сущности его Божества, — анафема да будет. Кто не исповедует, что Сын Божий есть Бог истинный, как и Отец Его есть Бог Истинный, что Он все может, все знает и равен Отцу, — анафема да будет. Кто говорит, что, обитая во плоти и живя на земле, Сын Божий не был с Отцом на небесах[189], анафема да будет. Кто говорит, что в крестных страданиях Сын Божий болезновал Божеством, а не плотью и разумною душой, которую, как говорит святое Писание, восприял Он в образе раба[190], анафема да будет. Кто не допускает, что Бог-Слово пострадал плотски, распят был плотски, вкусил смерть плотски и соделался первородным из мертвых[191], поколику Он, как Бог, есть жив и Слово животворящее, — анафема будет. Кто не говорит, что во плоти, которую воспринял и в которой придет судить живых и мертвых, Он восседает одесную Отца, — анафема да будет. Кто не говорит, что Дух Святой из Отца истинно и собственно, как и Сын из божественной сущности, и есть Бог, как и слово Божие, — анафема да будет. Кто не говорит, что Дух Святой все может и все знает, везде присутствует, как и Сын и Отец, — анафема да будет. Если бы кто сказал, что Дух Святой — творение, или что он рожден через Сына, — анафема да будет. Кто не признает, что через Сына воплотившегося и Святого Духа Отец создал все видимое и невидимое, — анафема да будет. Кто не исповедует единого Божества, единой власти и силы, единой славы и господства, единого царства, единого хотения и истины, Отца, и Сына, и Святого Духа, — анафема да будет. Кто не называет трех Лиц — Отца, и Сына, и Святого Духа — истинными, вовеки живущими, все видимое и невидимое содержащими, всемогущими, все

судящими, все животворящими, все устрояющими, все спасающими, — анафема да будет. Кто не исповедует, что Дух Святой есть предмет поклонения всей твари, как и Сын и Отец, — анафема да будет. Кто об Отце и Сыне хорошо мыслит, а о Святом Духе держится учения неправого, тот еретик, потому что все, зломудрствующие о Сыне Божием и Святом Духе, еретики обличаются в неверии иудеев и язычников. Кто разделяет Божество, называя отдельно Отца Богом, и Сына Богом, и Святого Духа Богом, и упорно именует Богов, а не Бога, имеющего единое Божество и владычество, в которое мы веруем и которое, приписывая Отцу, и Сыну, и Святому Духу, исповедуем единого Бога в трех Ипостасях, или, опять, кто, исключая Сына и Святого Духа, думает называть Богом только Отца, или не верить во единого Бога — анафема да будет: ибо имя богов даровано от Бога и ангелам, и всем святым. Отец же, Сын и Дух Святой, по причине единого и равного Божества, указывают нам и означают не именами богов, но именем Бога, дабы мы веровали, что крещаемся во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, а не в имена архангелов или ангелов, как безумно утверждают еретики, иудеи или язычники. Итак, чтобы, веруя в Троицу, то есть в Отца, и Сына, и Святого Духа, и крещась, мы веровали в нее, как в то же самое единое Божество, и владычество, и божественность, и сущность».

Глава 12

О смерти Грациана и тирании Максима.

Но это было еще при жизни Грациана. Когда же Грациан, отличавшийся мужеством на войне, благоразумно и правдиво правивший городами, погиб от коварства[192] и не оставил детей, наследников царства, кроме одного, слишком юного брата[193], соименного отцу, тогда некто Максим[194], презрев юность Валентиниана, захватил власть над Западом.

Глава 13

О Юстине, супруге Валентиниана и об умысле против Амвросия.

В это время Юстина, супруга Валентиниана Великого и мать младшего, принявшая некогда семена арианского учения, обнаружила их перед сыном. Зная ревность мужа к вере, она все время старалась скрываться, а теперь, усмотрев шаткость и удободвижимость мыслей дитяти, осмелилась привить к нему свое заблуждение, — и дитя предложения матери принимало как полезные, ибо, покоряясь влечению природы, не видело смертоносного жала[195]. Мысль об этом Валентиниан сообщил прежде Амвросию, думая, что если убедить его, то других легко уже склонить. Но Амвросий напомнил ему о благочестии отца, и убеждал его хранить неприкосновенным принятый им жребий; он объяснил Валентиниану и различие догматов, как одни согласуют с учением Господа и с проповедью Апостолов и как другие, напротив, противны и враждебны духовному законоположению. Однако ж юноша, именно как юноша, подстрекаемый заблудшеюся матерью, не только не принял сказанного, но еще исполнился гневом и окружил церковные ограды копьями тяжело вооруженных воинов и щитоносцев. Когда же никакие дела его не устрашали того величайшего ратоборца, ибо Амвросий почитал их игрушками, какие приносят маленьким детям, тогда Валентиниан в неистовстве явно приказал ему выйти из священного убежища. На что, однако ж, тот отвечал: «Не сделаю этого добровольно, не предам полкам ограды овец, не уступлю храма хулящим Божество. Если же тебе угодно убить меня, вонзи в меня меч или копье здесь внутри, я охотно приму такое заклание»[196].

Глава 14

О том, что объявлено было тираном Максимом Валентиниану младшему.

По прошествии долгого времени[197] Максим узнал, на что решились против громогласного проповедника истины, и послал к Валентиниану письмо, убеждая прекратить войну против благочестия и увещевая не изменять вере отца. При этом грозил он и войною, если Валентиниан не послушается, и к словам присоединил самое дело, ибо, собрав войско, устремился к Медиолану, месту его жительства. Последний же, известившись о наступлении Максима, поспешил убежать в Иллирию и дознал опытом, сколько получил он пользы от материнского совета[198].

Глава 15

О том, что писал по этому случаю царь Феодосий.

Всехвальный царь Феодосии, узнав о поступках царя (Валентиниана младшего) и о том, что писал ему тиран, говорил в своем письме к убежавшему юноше, что не должно удивляться, если царем овладел страх, а тиран получил силу, ибо первый восстал на благочестие, а последний подал ему помощь, — и теперь изменивший ему бежит обнаженный, а вооружившийся за него одолевает обнаженного, так как с благочестием всегда в союзе и Законоположник благочестия. Это писал он Валентиниану, находясь еще далеко от него, а когда узнал о его бегстве, то пришел к нему на помощь и лично увидел того, кто, оставив собственное царство, скрылся в пределах царства чужого. Здесь он сперва стал врачевать его душу, изгнал из него зародившуюся болезнь нечестия и возвратил его к отеческому благочестию. Потом внушил ему мужество и, вооружившись против Максима, хотя не без пролития крови, возвратил юноше царство и умертвил тирана, ибо полагал, что поступит несправедливо и нарушит договор с Грацианом, если за его убиение не подвергнет казни убийцу[199].

Глава 16

Об Амфилохии, епископе иконийском.

По возвращении его оттуда к нему пришел дивный Амфилохий, о котором часто было упоминаемо, и ходатайствовал, чтобы из города были изгнаны сборища арианские. Царь эту просьбу счел довольно жестокою и не принял ее. Но мудрейший Амфилохий, не сказав тогда ни слова, выдумал потом достопамятную хитрость. Быв опять в царских палатах и увидев, что подле царя стоит сын его Аркадий, недавно провозглашенный также царем, по обычаю самого-то царя приветствовал, а относительно сына не выполнил приличных форм почтения. Царь, подумав, что Амфилохий забылся, приказал ему подойти и приветствовать Аркадия. Но тот отвечал, что достаточно чести, выраженной и ему самому. Когда же раздосадованный этим Феодосии бесчестие своего сына назвал оскорблением себя, мудрейший Амфилохии открыл наконец цель своего поступка и гласно сказал: «Видишь, Государь, как несносно для тебя бесчестие сына, как сильно гневаешься ты на оскорбляющих его: поверь же, что и Бог всяческих отвращается от тех, которые хулят Сына Его единородного, и ненавидит людей, оказавшихся неблагодарными к Спасителю и Благодетелю». Тогда царь все понял и, подивившись поступку и словам Амфилохия, тотчас написал указ, которым запрещалось еретикам делать собрания[200]. Но нелегко избегнуть всех сетей общего врага человеческого, ибо нередко случается, что иной, избежав страсти плотской, запутывается в петле любостяжания, а кто окажется выше и этого, в другой раз впадает в бездну зависти. Если же выскочил и отсюда, то не минет раскинутых пред собою сетей ярости. Бесчисленное множество и иных силков расставляет дьявол под ногами людей, когда уловляет их в погибель. Средствам его убивать душу содействуют также и телесные страсти. Один только бодрствующий ум своим стремлением к божественному уничтожает силу этих козней и становится выше их. Итак, имея человеческую природу, и этот дивный царь был не без страстей, и однажды, не удержав справедливого гнева в пределах умеренности, совершил жестокий и несправедливый поступок. Для пользы читателя расскажу и об этом, ибо это дело дивного царя заслуживает не одно осуждение, но и достойную памятования хвалу.

Глава 17

Об убийствах в Фессалониках.

Фессалоники — город величайший и многолюднейший, он находится хоть в Македонии, но считается главным городом и Фессалии, и Ахайи, и других очень многих областей, состоящих под начальством префекта иллирийского. Однажды в этом городе произошло возмущение, во время которого некоторые правительственные лица были умерщвлены и влачимы по улицам [201]. При вести о том, воспламенившись гневом, царь не вынес его стремительности и не удержал уздою размышления, но дозволил ему произнести приговор казни. Получив такую власть, царский гнев, как самовластный тиран, разорвав узы и свергнув ярем разума, обнажил неправосудно меч на всех и, вместе с виновными, умерщвлял и невинных, ибо семь тысяч человек было умерщвлено, говорят, без всякого суда и без улики в сделанном преступлении: их подрезали все вместе, будто колосья на жатве.

Глава 18

О дерзновении епископа Амвросия и благочестии царя.

Об этом достойном плача событии узнал и тот Амвросий, о котором я часто упоминал, когда царь, прибыв в Медиолан, хотел по обыкновению войти в храм Божий, встретил его в преддверии и воспретил ему вступить в священный притвор, говоря так: «Ты, как кажется, не ведаешь, Государь, великости учиненного убийства. Разум твой и по успокоении гнева не помыслил об этом: высота сана, может быть, не позволяла ему сознать грех могущества; напротив, она-то, может быть, и омрачила силу рассудка. Но ты должен знать природу, ее смертность и тленность, должен знать и прародительскую персть, из которой мы сотворены и в которую обращаемся, и, не обольщаясь блеском порфиры, ведать немощь покрываемого ею тела. Ты властвуешь, Государь, над единоплеменными, даже над сорабами, ибо один Владыка и Царь всех Творец всяческих. Какими же очами будешь ты созерцать храм общего Владыки? Какими стонами станешь попирать этот святой помост? Как прострешь руки, с которых еще каплет кровь невинных убиенных? Как этими руками примешь всесвятое тело Господа? Как к этим устам поднесешь честную кровь, когда нисшедшее из них слово гнева несправедливо пролило столько крови? Отойди же и не пытайся прежнее беззаконие увеличивать другими; прими вязание, которое Бог, Владыка всех, утверждает горе: оно целительно и доставляет здоровье». Уступив этим словам, царь, воспитанный в слове божием и ясно понимающий, что принадлежит иереям и что царям, со стенанием и слезами возвратился в свой дворец.

По прошествии долгого времени, ибо протекло уже восемь месяцев, наступил рождественский праздник Спасителя нашего, а царь еще сидел во дворце, сетуя и проливая потоки слез. Видя это, Руфин, тогдашний министр, пользовавшийся особенным дерзновением пред лицом царя, так как был к нему очень близок, вошел и спросил о причине слез. А царь, горько вздохнув и еще более облившись слезами, сказал: «Ты все шутишь, Руфин, ибо не чувствуешь моих бедствий; напротив, я стенаю и горюю, потому что думаю о своем несчастии. Вот теперь и слугам и нищим отверзт Божий храм — и они входят в него невозбранно и умоляют своего Господа, а для меня и храм недоступен, и сверх того небо заключено, ибо я помню глас Господа, который ясно сказал: «его же аще свяжете на земли, будет связан на небесах» (Мф **18**.18). «Так я побегу, если тебе угодно, — сказал Руфин, — и настойчиво буду убеждать архиерея, чтобы он разрешил твои узы». «Не убедишь, — сказал царь, — ведь я понимаю справедливость Амвросиева приговора: и благоговение к царской власти не позволило епископу нарушить закон Божественный». Когда же Руфин, после долговременных увещеваний, действительно обещал преклонить Амвросия, царь приказал ему скорее отправиться, да и сам, обольщаясь надеждою и веря обещанию Руфина, через несколько времени последовал за ним. Но божественный Амвросий, увидев Руфина, вдруг сказал: «Ты, Руфин, подражаешь бесстыдству псов, ибо, присоветовав такое убийство, стираешь стыд с чела. Столько неистовствовать над образом Божьим, ты даже не краснеешь и не трепещешь». Когда же Руфин стал умолять и сказал, что царь придет, воспламененный божественною ревностию, дивный Амвросий продолжал: «Я наперед говорю тебе, Руфин, что не позволю ему вступить во священное преддверие. А если царскую власть он превратит в тиранию, то и сам с радостью приму заклание». Услышав это, Руфин через кого-то дал знать царю о намерении епископа и убеждал его оставаться в своем дворце. Но царь, известившись об этом уже среди площади, сказал: «Пойду и приму достойное уничижение». Когда же он дошел до святой ограды, то в Божий храм не вступил, а направился к архиерею, который тогда находился в доме приветствия,

и умолял его разрешить себя от уз. Амвросий назвал этот приход тиранским и говорил, что Феодосии восстает против Бога и попирает его законы. А царь сказал: «Я не восстаю против положенных законов и не покушаюсь беззаконно войти в священный притвор, но хочу, чтобы ты разрешил меня от уз и, размыслив о человеколюбии общего Владыки, не заключал для меня двери, которую Господь отверз всем кающимся». «Какое же принес ты покаяние после такого беззакония? — спросил архиерей. — Какими лекарствами врачевал ты неизлечимые раны?» «Твое дело, — отвечал царь, — и указать, и растворить лекарства, и врачевать неисцелимое, а мое — принимать предлагаемое». Тогда божественный Амвросий сказал царю: «Так как судить ты дозволяешь гневу, и приговоры у тебя произносит не рассудок, а гнев, то напиши закон, которым упразднялись бы и отменялись определения гнева, и пусть приговоры суда о лишении жизни или имуществ остаются в протоколах тридцать дней, ожидая, пока обсудит их рассудок. По прошествии же этого времени люди, производившие следствие, пусть покажут тебе свои мнения — и тогда, по успокоению гнева, рассудок будет судить сам по себе и, рассматривая дело, увидит, справедливы ль те приговоры или несправедливы. Если он найдет их несправедливыми, то, конечно, разорвет написанное, а когда — справедливыми, то утвердит, и такое число дней не нанесет вреда правдивости следствия». Приняв этот совет и нашедши его прекрасным, царь немедленно приказал написать закон и утвердил его собственноручным подписом. Когда же это было сделано, божественный Амвросий разрешил его от уз. После сего благовернейший царь осмелился уже войти в Божий храм и молился Господу, не стоя даже на коленях, но приникнув главою к полу и повторяя слова Давида: «прильпе земли душа моя: живи мя по словести твоему» (Пс. **118**:25). Он испрашивал себе прощение, терзая руками свои волосы, ударяясь челом и обливая помост потоками слез. Потом, когда время призывало к принесению облаток на священную **трапезу, он встал и с не меньшими слезами приступил к алтарю, сделав же приношение, стал, по своему обыкновению, внутри за решеткою. Но великий Амвросий и тут опять не промолчал и дал ему понять различие мест. Он сперва спросил: «Что ему нужно?» Потом на ответ царя, что он ожидает принятия божественных тайн, объявил ему через служившего старшего дьякона, что «внутреннее, Государь, доступно только иереям, а для всех прочих недоступно и неприкосновенно, а потому выйди и приобщись, стоя вместе с другими, ибо порфира делает людей царями, а не иереями». Правовернейший царь с кротостью принял и это внушение, сказав в ответ, что он остался внутри за решеткою не по дерзости, а по обыкновению, существующему, как известно, в Константинополе. «Впрочем, я обязан быть благодарным и за это врачевство», — прибавил он. Такою-то великою доблестью сияли и архиереи и царь. Я удивляюсь обоим — и дерзновению одного, и благопокорности другого, удивляюсь и теплоте ревности в первом, и чистоте веры в последнем. Эти самые правила благочестия, принятые от великого архиерея, царь сохранил и по возвращении в Константинополь, ибо когда один божественный праздник призвал его в храм, то, принесший дары ко священной трапезе, он тотчас же вышел. И когда предстоятель церкви (а предстоятелем был в то время Нектарий) спросил: «Почему ты не остался внутри?» — он, вздохнув, сказал: «Едва, наконец, узнал я различие между царем и иереем, едва нашел учителя истины. Понимаю теперь, что один Амвросий достойно называется епископом». Столько-то полезно бывает обличение, произносимое мужем, сияющим добродетелью!**

Глава 19

О царице Плакилле[202]

Царь имел и другое побуждение к назиданию, ибо жена, соединившаяся с ним узами брака, сперва сама тщательно изучив божественные законы, непрестанно напоминала о них и мужу. Царское достоинство не надмило ее, но еще больше воспламенило в ней любовь к Богу, ибо великость благодеяния только увеличила ее влечение к Господу. Она, нисколько не медля, различным образом заботилась и об увечных, и о расслабленных всеми членами, и для этого не пользовалась содействием ни слуг, ни телохранителей, но сама трудилась и, приходя в их убежища, удовлетворяла нуждам каждого. Таким же образом обходила она и церковные странноприимные дома и там сама ухаживала за лежавшими на одрах больными, сама бралась за горшок и, откушивая похлебку, подавала тарелку, сама разламывала хлеб и подносила куски, сама мыла чашку и делала все, что считается делом рабов и служащих. А кто пытался отклонить ее от этого произвольного труда, тому она говорила: «Царскому достоинству прилично раздавать золото. Я же за самое это царское достоинство приношу Подателю его произвольный свой труд». Да и супругу своему она имела обыкновение непрестанно говорить: «Тебе надобно, муж, всегда размышлять, что был ты прежде и чем сделался теперь, ибо, постоянно имея это в сердце, ты не будешь неблагодарным к Благодетелю, но принятым тобою царством станешь управлять законно и тем почтишь Дарователя». Эти всегдашние слова Плакиллы были как бы прекрасною и плодотворною влагою, орошавшею, будто семенами, добродетели ее мужа. Впрочем, она умерла раньше, чем Феодосии. И через несколько времени после ее кончины случилось нечто такое, из чего открылось, как любил ее царь.

Глава 20

О возмущении в Антиохии[203].

Вынуждаемый частыми войнами, царь наложил на города какой-то чрезвычайный взнос. Но город Антиохия не перенес этого нового налога. Видя, что неплатившие висят на орудиях пытки, народ стал делать свое, что обыкновенно делает чернь, как скоро находит повод к беспорядку: он низверг медную статую всехвальной Плакиллы (это было имя царицы) и влачил ее по многим частям города[204]. Узнав об этом и, по всей вероятности, разгневавшись, царь отнял у города его преимущество, и старейшинство отдал городу соседственному — в той мысли, что эта мера особенно подействует на антиохийцев, потому что Антиохии издавна соревновала Лаодикия[205]. После же того он грозил даже сжечь, разрушить и обратить город в деревню. А начальники города, схватив некоторых над самым преступлением, уже и казнили их прежде, чем царь узнал об этом печальном событии. Все сие делалось хотя и по повелению царя, но не приводилось в исполнение, ибо препятствовал закон, изданный по убеждению великого Амвросия[206].

Когда же прибыли в Антиохию лица, несшие с собою угрозы царя, именно — тогдашний воевода Элевихий и начальник царского дворца Кесарий, которого римляне, по значению этой власти, называли магистром, тогда все пришли в страх и вострепетали от угроз. Но подвижники добродетели, жившие в части подгорной, где в то время было много мужей отличных, делали тем людям немало увещаний и очень утешали их. Святой Македонии, который был несведущ ни в чем, относящемся к земной жизни, и даже вовсе не знал божественных изречений, но подвизался на вершинах гор, где день и ночь возносил чистую молитву Спасителю всех, этот Македонии, не устрашившись царского гнева и не обратив внимания на власть присланных вельмож, раз среди города схватил за епанчу одного из них и приказывал им обоим сойти с лошадей. Эти, видя пред собою небольшого старичка, одетого в бедное рубище, сперва было рассердились, но потом, когда некоторые старшины возвестили им о доблести сего мужа, соскочили с лошадей и, обняв его колени, просили прощения. А тот, исполнившись божественной мудрости, обратился к ним со следующими словами: «Скажите царю, любезные мужи: ты не только царь, но и человек, и потому имей в виду не одно царское достоинство, но помышляй и о природе, ибо, будучи человеком, ты царствуешь над существами одного с тобою естества. Природа человеческая создана по образу и подобию Божию; не приказывай же так жестоко и свирепо умерщвлять образ Божий, ибо, казня его, раздражаешь Творца. Смотри, вот ведь и ты так гневаешься только из-за медного изображения; но для всякого, в ком есть ум, очевидно, во сколько одушевленное живущее и разумное превосходнее бездушного. Пусть он сверх того подумает и о том, что нам легко вместо одного сделать много медных изображений, а ему — совершенно невозможно создать даже и один волос людей убитых». Выслушавши это, дивные те мужи передали царю слова старца и ими потушили пламень его гнева. Вместо прежних угроз он написал антиохийцам оправдательную грамоту и объяснил причину своей раздраженности. «За мою вину, — говорил он, — достойнейшая всякой похвалы моя супруга не должна была после своей смерти подвергнуться столь великому поношению. Негодующим следовало бы лучше против меня вооружиться своим гневом». К сему царь присовокупил, как он скорбит и мучается, узнав об умерщвлении некоторых начальствующих. Я рассказал эту часть потому, что считал несправедливым предать забвению дерзновение всехвального инока, а частью и потому, что хотел показать пользу закона, изданного по внушению великого Амвросия.

Глава 21

О повсеместном разрушении идольских капищ.

Благоверный царь направил свою ревность против эллинского заблуждения и издал закон, которым повелевалось разрушать капища идолов. Достойнейший всякой хвалы, великий Константин, первый, украсивший царскую власть благочестием, видя свое государство еще в безумии, хотя решительно запретил приносить жертвы демонам, однако храмов их не разрушил, а только приказал запереть их. По следам своего отца шли и дети. Но Юлиан возобновил нечестие и возжег пламя древнего заблуждения. А Иовиан, получив царство, опять воспретил служение идолам. По тем же самым законам управлял Европою и великий Валентиниан. Валент же дозволял всем другим оказывать божескую почесть и служить кому кто хочет, только не переставал воевать против подвижников за апостольские догматы. Поэтому во все время его царствования и горел жертвенный огонь, и приносимы были жертвы идолам, и производились на площадях народные пиршества, и отправлялись Дионисовы оргии, на которых язычники бегали с щитами, разрывали собак, неистовствовали, бесчинствовали и делали много другого, чем отличаются торжества их учителя.

Благовернейший царь Феодосий застал все это и до конца истребил и предал забвению. Первый из всех, отличный по всему архиерей Маркелл[207], быв уполномочен указом, разрушил капища во вверенном ему городе, и для сего пользовался более дерзновением по Боге, нежели множеством рук. Расскажу и об этом, как о событии весьма достопамятном. Скончался апамейский епископ Иоанн, о котором я и прежде упоминал, и на его место поставлен был пламенеющий духом по законоположению апостольскому божественный Маркелл. Между тем в Апамею прибыл префект Востока[208] и привел с собою двух тысяченачальников с их подчиненными. Тогда как, боясь воинов, народ оставался в покое, префект пытался разрушить капище Юпитера, величайшее и убранное разнообразными украшениями здание, но, видя крепость и твердость постройки, он понял, что людям невозможно расторгнуть связь камней, ибо они были величины огромной и прилажены один к другому плотно, да еще связаны железом и свинцом. Заметив раздумье префекта, божественный Маркелл послал его в другие города, а сам начал молить Бога о ниспослании пособия к разрушению. И вот наутро сам собою пришел к нему некто — ни строитель, ни каменотес, ни знаток какого-либо другого искусства, а просто человек, привыкший носить на плечах камни и деревья. Пришедши к Маркеллу, он обещал легко разрушить капище и только просил платы двум работникам. Когда же блаженный архиерей обещал дать ее, тот человек придумал следующее: храм, расположенный на высоте, обнесен был с четырех сторон пристроенным к нему портиком. Колонны его были огромны и одной высоты с храмом; в окружности же каждая имела шестнадцать локтей, и камни в них, по своему свойству сохраняя какую-то особенную твердость, нелегко уступали орудиям каменотесов. Тот человек начал подрывать их кругом и подпирать оливковыми деревьями и, подрыв одну, тотчас переходил к другой. Подкопав таким образом три колонны, он подложил под дерева огонь. Но какой-то по виду черный демон препятствовал им по естественному порядку гореть и мешал действию огня. Когда же люди, сделав это несколько раз, увидели наконец свое усилие бесполезным, то донесли о том пастырю, который отдыхал после полудня. Маркелл тотчас побежал в святой храм и, приказав принести в сосуде воду, поставил ее под божественный жертвенник, а сам, повергшись челом на пол, умолял человеколюбивого Господа не уступать более тиранству демона, но обнажить его слабость и свою силу, чтобы отсюда для неверных не родилось повода к большему вреду. Сказав это и подобное и положив знамение

креста над водою, он приказал некоему Экитию, удостоенному диаконства и огражденному верою и ревностию, взять воду и поспешить к капищу, с верою окропить дерева и подложить огонь. Когда это было сделано, демон не вынес влияния воды и убежал, а огонь, враждебною себе водою питаясь как бы елеем, обхватил дерева и в одну минуту пожрал их. Колонны же, когда подпор не стало, и сами пали и увлекли двенадцать других. Да и соединенная с ними стена храма была увлечена их силою и повалилась. Распространившийся по всему городу треск был столь силен, что собрал всех на зрелище. Между тем, как скоро сделалось известным бегство противника дьявола, язык каждого подвигался на песнопение Богу всяческих. Так разрушил этот блаженный архиерей и другие капища. Об этом муже мог бы я рассказывать и еще много весьма удивительного, ибо он и сам писал к победоносным мученикам, и от них получил ответы, и наконец лично украсился мученическим венцом; но теперь удерживаюсь от рассказа, чтобы обширностью повествования не наскучить читателям этой истории, я перехожу к другому рассказу.

Глава 22

Об александрийском епископе Феофиле и о том, что случилось в Александрии при разрушении капища.

Тому всеми прославляемому Афанасию преемствовал дивный Петр, Петру — Тимофей, а Тимофею — Феофил, муж сильный умом и мужественный духом. Он-то освободил город Александрию от идольского заблуждения, ибо не только разрушил до основания идольские капища, но и открыл обольщенным хитрости обольщавших жрецов. Устроя из меди и дерева пустые внутри статуи и прилаживая их спины к стенам, они делали в стенах тайные ходы. Потом, через недоступные места проникая туда и скрываясь внутри статуй, приказывали через них все, что хотели, а слушавшие, вдаваясь в обман, исполняли приказания. Мудрейший архиерей, при разрушении капищ, открыл это обольщенному народу. Вошедши в храм Сераписа, а это был, по словам некоторых, самый огромный и прекрасный храм на всей земле, Феофил увидел статую чрезвычайной величины, которая своей величиной пугала жителей. Да и кроме величины, ходила ложная молва, будто кто приблизится к этой статуе — тотчас потрясется земля, и все подвергнется совершенной гибели. Но, почитая такие рассказы бреднями пьяных старух и презирая огромность статуи, как бездушного тела, Феофил приказал одному, державшему в руках топор, живо рубить Сераписа. Когда тот ударил, все завопили, испугавшись известной каждому молвы. А Серапис, приняв удар, и боль не почувствовал, потому что был деревянный, и даже не испустил голоса, как тело бездушное. Как скоро потом отсечена была ему голова, изнутри его выбежало целое стадо мышей: значит, бог египтян был жилищем этих животных. Наконец, рассекши его малые части, предали их огню, а голову влачили по всему городу. Поклонники Сераписа смотрели на это и смеялись над слабостью того, кому прежде поклонялись. Таким-то образом демонские капища разрушаемы были на всей земле и морях.

Глава 23

Об антиохийском епископе Флавиане и о смятении, которое произошло между западными из-за Павлина.

В Антиохии предстоятельство после великого Мелетия получил Флавиан, который с Диодором совершил столь много подвигов для спасения пасомых. И Павлин хотел было управлять церковью, но этому воспротивился сонм иереев, говоря, что кто не принял советов Мелетия, тому после его смерти не следует вступать на его кафедру; напротив, пастырем должен быть тот, кто прославился многими трудами и ради овец много раз вдавался в опасности. Это произвело весьма продолжительный раздор, с одной стороны, между римскими и египетскими, с другой — между восточными епископами, ибо вражда не окончилась даже и со смертью Павлина, но относительно к великому Флавиану оставалась и после него, когда антиохийскую кафедру занял уже Евагрий — несмотря на то, что последний получил это место вопреки церковному законоположению, так как его поставил один Павлин, нарушив тем многие правила, которые не позволя ют умирающему рукополагать кого-либо вместо себя, а повеле вают собирать всех епископов той епархии, и возбраняют совершать хиротонию епископскую менее чем двум епископам. Не за хотев, однако ж, знать ничего такого, (западные епископы) Евагрия охотно приняли в общение, а на Флавиана наговаривали царю. Наскучив частыми их наговорами, царь вызвал его в Константинополь и приказал ему отправиться в Рим. Но Флавиан отвечал, что теперь зима, и, обещав исполнить приказание с наступлением весны, возвратился в отечество. Когда римские епископы, не только дивный Дамас, но и после него Сириций, и преемник Сирициа Анастасий[209], сильно затронули благочестивого царя, сказав, что своих-то тиранов он уничтожает, а тех, которые дерзают самовластвовать относительно Христовых законов, оставляет в покое. Тогда царь опять вызвал его и заставлял отправиться в Рим. Но при этом случае мудрый Флавиан с похвальным дерзновением отвечал: «Если укоряют меня за веру, Государь, так, как бы она была неправая, или почитают недостойною священства мою жизнь, то я готов отдать свое дело на суд самих обвинителей и принять, какой произнесут они приговор. А когда спор идет о кафедре и предстоятельстве, не стану ни судиться, ни противоборствовать желающим взять это, — уступлю и откажусь от предстоятельства. Итак, отдай, Государь, кому хочешь, антиохийскую кафедру». Подивившись такой твердости и мудрости Флавиана, царь приказал ему возвратиться в отечество и пасти врученную церковь.

По прошествии долгого времени, прибыв опять в Рим, царь снова должен был слушать от епископов те же укоризны, — зачем он не уничтожил тирании Флавиана, но тут он приказал себе изъяснить, какого рода эта тирания, и сказал, что сам он — Флавиан и что будет его адвокатом. Когда же они отвечали, что с царем судиться не могут, то он стал убедительно располагать их к соединению церквей узами единомыслия, к уничтожению вражды и погашению бесполезного спора, ибо Павлин давно уже умер, а Евагрий поставлен незаконно, восточные же церкви стоят за предстоятельство Флавиана. Да и кроме Востока, Флавиан состоит в общении и союзе со всею азиатскою, понтийскою и даже фригийскою церковью. Даже вся иллирийская страна признает его главным между епископами восточными. Уступив таким убеждениям, епископы Запада обещались уничтожить вражду и принять послов, которые будут отправлены к ним. Узнав о том, божественный Флавиан послал в Рим несколько достохвальных епископов в сопровождении некоторых антиохийских пресвитеров и дьяконов. Во главе всех стоял Акакий, имевший свою паству в сирском городе Бероэ и славившийся везде — на суше и на море. Прибыв вместе с прочими в Рим, он прекратил долговременную

семнадцатилетнюю вражду и водворил в церквах мир. Узнав о том, и египтяне также погасили раздор и вступили в единомыслие с Антиохией. Римскою церковью в то время управлял преемник Анастасия, Иннокентий[210], муж, украшенный силою духа и благоразумием, а александрийскою — Феофил, о котором я и прежде упоминал.

Глава 24

Об антиохийском епископе Флавиане и о смятении, которое произошло между западными из-за Павлина.

Таким-то образом благоверный царь водворил между церквами мир. Но еще до водворения этого мира, узнав о смерти Валентиниана[211] и тирании Евгения, он должен был выступить с войском в Европу. В то время в Египте жил некто Иоанн, возлюбивший занятия подвижников. Получив духовное дарование, он многое предсказывал вопрошавшим относительно к будущему. Христолюбивый царь послал к нему и старался узнать, вступать ли ему в войну с тираном? По случаю прежней войны Иоанн предсказал ему победу без пролития крови, а теперь касательно второй — он предрек, что царь одержит победу после великого побоища. С такою надеждою выступив на войну, царь из числа врагов многих истребил в сражении, а из числа помогавших им варваров многих прогнал[212]. Когда же военачальники стали говорить ему, что сподвижников у него немного, и советовали остановить на время войну, дабы с наступлением весны, собрав войско, одолеть неприятелей множеством, благоверный царь не принял этого внушения. «Не должно, — говорил он, — спасительный крест обвинять в такой слабости, а изображению Геркулесову приписывать такую силу, ибо этому войску приидет крест, а неприятельскому — то изображение». Сказав это с такою верою и видя, что оставшееся войско его было малочисленно и сильно упало духом, он отыскал на вершине торы, служившей местом лагеря, молитвенный домик и всю ночь провел в молитве к Господу всех. Но около пения петухов сон одолел силу его чувства. Лежа на полу, он видит во сне каких-то двух мужей, облеченных в белые одежды и сидевших на белых конях: они при-казывали ему ободриться, отогнать страх и с рассветом вооружить и поставить войско в боевой порядок. Мы посланы быть твоими помощниками и поборниками, говорили они: один сказал о себе, что он евангелист Иоанн, а другой, что он апостол Филипп. Узрев это видение, царь не оставил молитвы, но еще с большим рвением стал приносить ее. То же видел и один воин, и свой сон рассказал сотнику, который отвел его к тысяченачальнику, а тысяченачальник — к военачальнику. Военачальник же, думая, что донесение его будет чем-то новым, известил о том царя. Но царь сказал: «Не ради меня было это видение, потому что я и без того верю обещавшим мне победу, но ради того, чтобы никто не подумал, будто, замышляя битву, я сам выдумал его. Сему воину открыл это Покровитель моего царствования, избирая его в достоверные свидетели моего рассказа, ибо то видение общий Владыка показал мне первому.

Итак, отогнав страх, последуем за сими поборниками и военачальниками, и пусть победы никто не определяет множеством сражающихся, но всякий заключает о ней по силе вождей». Сказав то же самое и воинам и такою (речью) внушив всем мужество, царь двинулся с вершины горы. Между тем тиран, видя издали приготовления Феодосиева войска к сражению, вооружил и (свое и поставил его в строй. Сам он, оставшись на одном холме, говорил, что царь вступает в битву, ища себе смерти и желая избавиться от этой жизни, и приказал полководцам привнести его живого и связанного. Когда фаланги остановились одна против другой, то оказалось, что количество врагов было очень многосложно, а сражавшихся на стороне царя находилось слишком мало. Но как скоро те и другие начали бросать стрелы — поборники, видимо, стали исполнять свои обещания, ибо сильный ветер, дуя прямо в лицо неприятелям, отвращал и стрелы их, и копья, и дротики так, что никакое оружие не приносило им пользы, ни тяжеловооруженный, ни стрелок, ни копьеметатель не вредили войску царя. К тому же самая страшная пыль неслась в лицо врагов и принуждала их закрывать ресницы и защищать глаза.

Между тем воины царя, не терпя ни малейшего вреда от этой бури, смело разили неприятелей. Тогда последние, видя это и познав помощь Божию, бросили оружие и стали молить царя о пощаде. Царь уступил их мольбам и даровал им прощение, только приказал поскорее привести к себе тирана. Они побежали и взошли на холм, где находясь (тиран) не знал о происшествии. Увидев их запыхавшихся и одышкою свидетельствовавших о поспешности своего шествия, он принял их за вестников победы и спросил: не привели ли они с собою связанного Феодосия, как было им приказано? «Нет, не его, — сказали они, — мы привели к тебе, а тебя поведем к нему, ибо так повелел Правитель всяческих». Говоря это, они сняли его с колесницы и, наложив на него узы, повели связанного. Таким образом, незадолго перед тем величавшийся вдруг явился пленником. Царь напомнил ему о преступлениях его относительно к Валентиниану, о беззаконной его тирании, о войнах против законной власти, посмеялся также над Геркулесовым изображением и над суетною, в надежде на него, дерзостью и потом произнес справедливый и законный приговор казни. Таков был этот царь: и среди мира, и во время войны всегда просил он помощи у Бога и всегда получал ее.

Глава 25

О смерти царя Феодосия.

После этой победы царь заболел и свое царство разделил между сыновьями: старшему отдал он собственную свою область, а младшему скипетр Европы, и убеждал обоих хранить совершенное благочестие, «ибо благочестием, — говорил он, — и мир блюдется, и война прекращается, и неприятели обращаются в бегство, а трофеи воздвигаются, и приобретается победа». Дав такое наставление детям, он скончался и оставил по себе приснопамятную славу.[213]

Глава 26

О царе Гонории и монахе Телемахе.

Преемники его царства были наследниками и его благочестия, ибо Гонории, воцарившийся над Европою, отменил издавна производившиеся в Риме поединки и сделал это по следующему поводу. Был тогда некто Телемах, возлюбивший подвижническую жизнь. Удалившись с востока и с известною целью прибыв в Рим именно в то время, когда происходило то ненавистное зрелище, он сам вступил на поприще и, сошедши вниз, покушался остановить бойцов, действовавших друг против друга оружием. Но зрители кровопролития были раздражены этим и, воспламенившись неистовством демона, который увеселяется человеческой кровью, побили камнями поборника мира. Узнав это, дивный царь Телемаха причислил к победоносным мученикам, а нечестивое зрелище отменил.

Глава 27

О благочестии царя Аркадия и рукоположении Иоанна Златоуста.

В Константинополе, по смерти пастыря этой церкви Нектария, Аркадий, получив в управление восточное царство и узнав, что великое светило вселенной, Иоанн введен в сонм антиохийских пресвитеров, вызвал его и, собрав епископов, повелел им низвесть на него божественную благодать и провозгласить его епископом того великого города [214]. И этого уже достаточно, чтобы показать ревность царя о делах божественных. В то время Антиохией управлял святой Флавиан, а Лаодикиею — Элпидий[215], живший вместе с великим Мелетием и образ его жизни отпечатлевший в себе еще более, чем воск отпечатлевает изображение перстня. Он был преемником великого Пелагия, а за блаженным Маркеллом следовал всехвальный Агапит, который и в бурные времена ереси отличался, как было уже сказано, опытами подвижничества. Между тем в Селевкии, что близ Тавра, епископствовал бывший некогда соученик Иоанна, Максим, а в Мопсуэте Феодор, оба стяжавшие знаменитость как учителя. Сиял также разумом и жизнью тогдашний предстоятель Бероэ, божественный Акакий, озарялся многими видами добродетели и пастырь народа галатийского, Леонтий.

Глава 28

О дерзновении сего епископа по Богу.

Приняв кормило церкви, великий Иоанн с дерзновением изобличал совершаемые некоторыми неправды, смело внушал полезное царю и царице, и располагал к повиновению установленных законом иереев, а кто дерзал нарушать их, тем запрещал входить в алтарь, говоря, что тому не подобает наслаждаться честью иерея, кто не ревнует о жизни истинно иерейской. И такое попечение имел он не только о своем городе, но и о всей Фракии, которая разделена была на шесть епархий, даже о целой Азии, управлявшейся одиннадцатью начальниками, да и всю понтийскую область украшал он теми же законами, хотя в ней было столько же епархий, сколько и в Азии[216].

Глава 29

О разрушенных им в Финикии идольских капищах.

Узнав, что в Финикии есть еще безумцы, служащие демонам, он собрал пламеневших божественною ревностью подвижников и, уполномочив их императорскими указами, послал для сокрушения идольских капищ. А деньги на издержки мастеровым и занимавшимся разломкою работникам их он брал и расточал не из императорской сокровищницы, а у женщин, обиловавших богатством и сиявших верою, убеждая их к этой щедродательности и доказывая, что сими пожертвованиями приобретается благословение. Таким образом, остававшиеся идольские капища он разрушил до основания[217].

Глава 30

О церкви готской.

Видя, что и скифский народ опутан сетью арианства, Иоанн употребил хитрость против хитрости и сам намыслил средство уловить добычу. Поставив единоплеменных им пресвитеров, дьяконов и чтецов священного Писания, он уделил им одну церковь[218] и через них уловил многих заблудших, ибо и сам весьма часто хаживал туда беседовать, употребляя при этом разумевшего тот и другой язык толмача, да и умевших говорить по-готски побуждал делать это же. Все сие совершая внутри города, он уловил многих обольщенных и показал им истину апостольской проповеди.

Глава 31

Попечение его о скифах и ревность против маркионитов.

Узнав, что некоторые алчущие скифы, стоявшие тогда лагерем при Истре, жаждут спасения, но не имеют никого, кто принес бы им воды, Иоанн отыскал мужей с ревностью к апостольским трудам и отправил их к скифам. Я читал и послание, написанное им к анкирскому епископу Леонтию, в котором он извещает его об обращении скифов и просит послать людей, способных руководить ими. Узнав также, что в некоторых деревнях нашей страны[219] возник недуг Маркиона, он писал тогдашнему нашему пастырю и, убеждая его изгнать болезнь, уполномочивал его к тому царским указом. И из этого уже достаточно явствует, какую, по божественному Апостолу, носил он в душе заботу о церквах[220].

Глава 32

О требовании Гайны и о сопротивлении Иоанна Златоуста.

Можно и из других случаев узнать о его дерзновении. Некто Гайна, по происхождению скиф, да и по чувствам сердца варвар, с тиранскими замыслами, в это время был военачальником и, под своей властью имея единоплеменников, предводительствовал также конницей и пехотою римлян. Его боялись не только все другие, но и сам царь, замечавший в нем стремление к тирании. Заразившись арианством, он доложил царю об уступке ему одного из Божиих храмов. Царь обещал рассмотреть и удовлетворить его желание. Призвав к себе божественного Иоанна, он объявил ему о просьбе Гайны, напомнил о его силе, намекнул о замышляемой им тирании и убеждал епископа уступкою обуздать гордость варвара. Но благородный этот муж сказал: «Не делай такого обещания, Государь, не приказывай отдавать святая псам (М ф 7.6). Я не допущу, чтобы исповедующие и прославляющие Бога-Слово, выведены были из божественного храма и сдали его хулителям Христа. Да не бойся этого варвара, Государь, но, призвав обоих нас — меня и его, спокойно слушай, что будет говорено. Я обуздаю его язык и заставлю не требовать того, чего не следует отдавать». Выслушав это, царь обрадовался и на следующий день призвал обоих. Гайна домогался обещанного. Но великий Иоанн возразил, что царю, предызбравшему благочестие, не должно оскорблять святыню. Когда же тот сказал, что и ему нужно иметь молитвенный дом, великий Иоанн отвечал: «Для тебя открыт каждый бо-жественный храм, и если хочешь молиться, никто не останавливает». «Но я, — возразил Гайна, — принадлежу к другому обществу и со своими сообщниками требую одного храма Божьего, требую очень справедливо, потому что совершил для римлян много воинских подвигов». «А полученные тобою награды, — сказал Иоанн, — еще больше твоих трудов, ибо ты и военачальник, и удостоен консульского облачения. Тебе следовало бы посмотреть, что был ты прежде и чем стал теперь, какая прежде была бедность и какое теперь изобилие, какие носил ты одежды, пока не перешел через Истр, и какие носишь ныне. Так посмотри, сколь малы твои труды и сколь велики твои почести, и не будь неблагодарен к тем, которые почтили тебя». Такими речами вселенский учитель связал уста Гайны и принудил его замолчать. По прошествии некоторого времени этот варвар обнаружил давно задуманное возмущение и, собрав во Фракии войско, произвел весьма много грабительств и опустошений. Узнав об этом, все упали духом — и начальствующие, и подчиненные, так что никто не хотел ни идти против него войною, ни безбоязненно ехать к нему посланником: ибо каждый угадывал намерения варвара.

Глава 33

О посольстве к нему Златоуста.

Тогда, оставив всех робких, начали убеждать этого великого воителя, чтобы он принял на себя посольство — и Иоанн, не обратив внимания ни на бывшее противодействие, ни на происшедшую из того вражду, охотно отправился во Фракию. Гайна же, узнав о посланнике и вспомнив о его дерзновении в защиту благочестия, еще издали усердно встретил его, приложил руку его к своим очам, а детей наклонил к священным его коленам. Так-то добродетель и в людях неприязненных обыкновенно поселяет к себе уважение и страх[221].

Глава 34

О том, что случилось относительно к нему.

Однако ж зависть не перенесла блеска его любомудрия, но, воспользовавшись свойственными ей средствами, лишила царствующий город или, лучше, всю вселенную его слова и мысли. Дошедши до этой части повествования, я и сам не знаю, что чувствую, ибо, намереваясь рассказывать о причиненной Иоанну обиде, стыжусь другой доблести обидчиков и потому попытаюсь скрыть имена их[222]. Движимые различными враждебными побуждениями, эти люди не захотели смотреть на молниеносную добродетель мужа. Они нашли каких-то жалких обвинителей и, видя клеветы их явными, составили далеко от города заседание и произнесли приговор[223]. А царь, веря им как иереям, приказал Иоанну удалиться из города. Поэтому Иоанн и не слыхал обвинений, и не произнесши оправдания, так как бы действительно был обличен в том, в чем обвинили его, нашелся принужденным оставить город и переселился в лежавший при устье Понта Иерон. Так называют это портовое местечко. Но в ту ночь случилось величайшее землетрясение, и пораженная страхом царица чуть свет отправила к изгнаннику послов с просьбой, чтобы он, как можно скорее, возвратился в столицу, и сохранил город от опасности. За этими послами отправлены потом другие, а после этих опять другие, так что послы рассеялись по всему Боспору. Когда же узнал о том православный народ, то совершенно покрыл судами устье Пропонтиды, ибо все с зажженными восковыми светильниками вышли навстречу епископу.

Итак, скопище врагов Иоанновых на этот раз рассеялось. Но по прошествии немногих месяцев они снова собрались и опять произнесли осуждение — не на основании тех прежних ложных доносов, а за участие его в литургии уже после низвержения. Иоанн отвечал на это, что он и судим не был, и обвинений не слышал, и оправдания не приносил, и не осужден лично, но что царь изгнал его и царь же опять возвратил. Таким образом, созвав второй собор, враги не находили нужды в суде, но, убедив царя, что решение над Иоанном законно и праведно, не только изгнали его из того города, но и сослали в один небольшой и пустынный городок Армении, которого имя Кукуз[224], а оттуда хотели перевести в Питиунт, на пределы Понта и Римской империи, на границу с самыми дикими варварами. Но человеколюбивый Господь не допустил победоносного подвижника вселить в то скопище, ибо, по прибытии его в Команы, переселил его в жизнь нестареющую и беспечальную. Благоподвизавшееся же тело его было положено близ гроба мученика Василиска, согласно с повелением, которое дал через сновидение самый этот мученик[225]. А сколько ради Иоанна изгнано из церкви епископов и выселено на самый конец империи, сколько людей, возлюбивших подвижническое любомудрие, подверглись такому же бедствию — рассказывать о том и сказаниями растягивать сочинение считаю излишним. Притом события печальные, по моему мнению, надобно описывать короче и прикрывать погрешности единоверных деятелей. Из числа лиц, поступивших несправедливо, очень многие понесли наказание и соображением причины своих страданий принесли другим пользу. На несправедливость относительно Иоанна особенно негодовали епископы европейские, так что даже отделились от общения с виновниками ее. К той же стороне присоединились и все епископы иллирийские; избегали общения с неправдою и весьма многие из городов, лежащих к восходу солнца, хотя тела церкви и не разделяли. По смерти великого вселенского учителя западные епископы не прежде пришли в общение с епископами Египта, Востока, Боспора и Фракии, как присоединив имя этого богоугодного мужа к именам прочих почивших епископов. Арзакия же, который был после него, не удостоили поминовения, а только приняли преемника

Арзакиева, Аттика, часто бывавшего послом и нередко водворявшего мир, и то приняли спустя несколько времени, когда он вписал в диптих имя Златоуста[226].

Глава 35

О Кирилле, епископе Александрии и об Александре, епископе Антиохии

В это время епископом Александрии был Кирилл, родной племянник Феофила, получивший кафедру дяди. А кафедру церкви иерусалимской занимал Иоанн, человек дивный, преемствовавший Кириллу, о котором я и прежде упоминал[227]. Антиохийскую же церковь пас Александр[228] и с поборником своего архиерейства имел самый образ жизни, ибо до епископства он проводил время на поприще подвижничества и, весьма долго упражняясь в этом, явился мужественным поборником, потому что, уча словом, наставления свои подтверждал и жизнью. Он был преемником Порфирия[229], который, приняв это кормило после Флавиана, оставил много памятников человеколюбия, славился также и силою духа. Божественный же Александр богат был подвигами, любомудрием и нестяжательностью жизни, текучестью слова и другими бесчисленными дарованиями. Он и партию великого Евстафия, которую не допустил до общения сперва Павлин, потом Евагрий, своим убеждением и увещанием присоединил к остальному телу церкви и устроил такой праздник, которому подобного никто никогда не видывал, ибо, созвав всех единоверных, как священнослужителей, так и прочих, пришел в их собрание и, взяв певцов, устроил одни согласный гимн и через то от врагов, обращенных к западу, до величайшего храма всю площадь наполнил народом, как бы словесною рекою, по подобию реки, обтекавшей город. Смотря на это, и иудеи, и люди, зараженные арианством, и незначительный остаток язычников стенали и скорбели, ибо видели, что и другие потоки вливаются в море церкви. Он-то первый внес в церковные диптихи имя Иоанна.

Глава 36

О последующем раскаянии тех, которые враждовали против епископа Иоанна, и о перенесении его останков.

Впоследствии, однако ж, и самые останки великого учителя перенесены были в царствующий град. И православный народ, посредством судов сделав свое море как бы сушею, устье Боспора около Пропонтиды покрыл светильниками. Это сокровище доставил тому городу нынешний царь, носящий имя своего деда и сохраняющий неповрежденным его благочестие[230]. Склонив на гроб святителя очи и чело, он принес молитву за своих родителей и просил простить им обиду, причиненную по неведению, ибо его родители давно уже умерли, оставив его в сиротстве весьма юным. Но Бог отцов и праотцов не попустил ему испытать сиротство, ибо устроил так, что он получил благочестивое воспитание, царство сохранил безмятежным и обуздал замыслы тирании. Памятуя все эти благодеяния, он чествует Благодетеля гимнами и общницами в славословии имеет сестер[231], которые, подвизаясь в девственной жизни, находят высочайшее наслаждение в занятии словом Божиим, и считают негиблющим сокровищем подаяния бедным. Сам же царь, кроме того, украсился и многими другими качествами, а особенно человеколюбием и кротостию, чуждым волнений миром души, безукоризненною и испытанною верою. И я представлю ясное доказательство этой веры.

Глава 37

О вере Феодосия младшего и его сестер.

Один человек, проводивший жизнь подвижническую, но в душе питавший чувства довольно дерзкие, пришел к царю с какою-то просьбою. Когда же, сделав это несколько раз, он не получил просимого, то отлучил царя от церковного общения и, связав его сими узами, удалился. После того благоверный царь, прибыв во дворец, тогда как время призывало уже к столу и сошлись лица, имевшие разделять его трапезу, сказал, что он не вкусит пищи, пока не будет разрешен от запрещения. Поэтому он послал к архиерею одного из самых близких к себе людей и просил его, чтобы повелено было связавшему разрешить себя. Епископ отвечал, что не следует принимать запрещение от всякого, и объявил, что сам разрешает его; однако ж царь не принял разрешения, пока связавший, был отыскан с великим трудом, не возвратил ему общения. Так веровал Феодосии в божественные законы! Посему-то приказал он раскопать до основания и самые остатки идольских капищ, чтобы наши потомки не видели и следов прежнего заблуждения. Эту именно мысль внес он в указ о сем предмете и от таких благих семян постоянно пожинает плоды, ибо имеет покровителя в Господе всяческих. Так, когда предводитель кочующих скифов, Роил[232], с многочисленным войском перешел Истр, опустошал и грабил Фракию с угрозой, что осадит царственный город и при первом приступе возьмет его и разрушит, Бог бросил с неба громы и молнии и ими истребил как его самого, так и все его войско.

Нечто подобное совершил Господь и в войну персидскую. Ибо когда персы, узнав затруднительное положение римлян, нарушили мирный договор и начали воевать пограничные города, между тем как подвергавшиеся нападению не получали ниоткуда помощи, потому что, надеясь на мир, царь и военачальников и войско услал на другие войны, — тогда Господь ниспослал всеувлекающий дождь и величайший град и, этим воспрепятствовав бегу лошадей, так что в двадцать дней они не могли пройти двадцати стадий, остановил дальнейший поход врагов. А между тем и военачальники прибыли туда и войско собралось. Да и в прежнюю войну те же неприятели, осаждая соименный царю город[233], по милости Божьей, оказались достойными смеха, ибо Горорану[234], тогда как он более чем тридцать дней осаждал вышеупомянутый город, придвигая к нему множество осадных машин, употребляя бесчисленные хитрости, и, воздвигнув извне высокие бойницы, противостал один божественный архиерей, по имени Евномий, и разрушил силу всех употребленных против города хитростей. Тогда как наши военачальники уклонялись от сражения с врагами и не осмелились подать помощь осаждаемым, он своим противодействием сохранил город от разрушения. Слыша, что один из подвластных персам варварских князей отважился на обыкновенные хулы, хвастался Рапсаком и Сеннахерибом и неистово грозил сжечь храм Божий, этот божественный муж не вынес такого бешенства и, приказав поставить на стенной зубец камнеметную машину, носившую имя Апостола Фомы, вложенный в нее большой камень велел пустить именем того, кто терпел хулу. Камень тотчас низринулся в упомянутого нечестивого князя и, коснувшись скверных его уст, обезобразил его лицо, раздробил всю голову и разбрызгал по земле мозг его. Видя это, управлявший неприятельским войском и надеявшийся взять город, поспешно отступил и самым делом признал свое поражение, а потом, устрашившись, принял мир. Так верховный Царь всех покровительствует царю благоверному, ибо и он исповедует свое рабство и приносит Господу подобающее служение. Он же и останки сего великого вселенского светильника возвратил пламенно желавшему того городу. Но это случилось после[235].

Глава 38

Об антиохийском епископе Феодосии.

Тому превосходному епископу римскому Иннокентию наследовал Бонифатий, Бонифатию — Зосима, а Зосиме — Целестин[236]. В Иерусалиме же, после дивного Иоанна, попечение о церкви вверено было Праилию — мужу, поистине достойному своему имени. А в Антиохии после божественного Александра предстоятельство в церкви получил Феодот, жемчужина смиренномудрия, муж, отличавшийся кротостью и украшавшийся строгостью жизни. Он к прочим овцам присоединил секту Аполлинария, которая просила у него общения с стадом Христовым. Впрочем, многие из аполлинариан и после продолжали носить признаки прежней заразы[237].

Глава 39

О гонении в Персии и о тамошних мучениках.

В это время персидский царь Исдигерд[238] воздвиг брань против церквей, и поводом к тому служило следующее обстоятельство. Был некто епископ Авда[239], украшавшийся многими видами добродетели. Увлекаясь неблагоразумною ревностью, он разрушил пирей: а пиреями у персов называются храмы огня; огонь же в Персии почитается Богом. Узнав о том от магов, царь послал за Авдою и, в первый раз кротко укорив его за этот поступок, приказывал только выстроить пирей. Но когда Авда стал противоречить и сказал, что он никак не исполнит этого повеления, — тот грозил разрушить все церкви и потом свою угрозу оправдал самым делом, ибо, повелев прежде умертвить того божественного мужа, приказал разрушить церкви. По моему мнению, разрушение пирея сделано было не вовремя, потому что и Божественный Апостол, пришедши в Афины и увидев город, наполненный идолами, не разрушил ни одного из чтимых там требищ, но обличал невежество и раскрывал истину словом. А что разрушивший не построил храма, но решился лучше принять смерть, чем сделать это, — тому я очень удивляюсь, как поступку, достойному венцов, ибо воздвигнуть капище, мне кажется, все равно, что поклониться огню. Так вот отсюда-то началась буря и воздвигла яростные и свирепые волны против питомцев благочестия. Это треволнение, возбуждаемое магами, будто какими вихрями, не утихло и через тридцать лет. А магами персы называют тех, которые боготворят стихии[240]. Мифологию их мы раскрыли в другом сочинении, где предложили и решение их вопросов.

После смерти Исдйгерда сын его Гороран вместе с царством наследовал от отца и брань против благочестия, а когда сам умирал, то с первым также и последнюю оставил опять сыну[241]. Роды козней и вымыслы мучений, которым подвергаемы были благочестивые, пересказывать нелегко. Мучители у одних сдирали кожу с рук, у других — с хребтов, у иных обнажали от кожи голову, начиная со лба до подбородка, а некоторых покрывали разрезанным посредине камышом и разрезы приспособляли к телу, а потом, наложив крепкие связи от головы до ног, с силою извлекали каждую тростинку, чтобы, раздирая ею близлежащее место кожи, причинять жестокие страдания. Вырывали также ямы и, тщательно обмазав их, заключали в них стада крыс, в пищу им приносили подвижников благочестия со связанными руками и ногами, чтобы они не могли отгонять от себя этих зверей. Мучимые голодом, крысы понемногу пожирали плоть святых и через то причиняли им продолжительные и невыносимые страдания. По внушению губителя природы и врага истины, измышляли они и другие еще более жестокие мучения, но не поколебали мужества подвижников, ибо они произвольно стекались, желая получить смерть, приближающую к жизни нетленной. Я упомяну теперь о двух или трех, чтобы через них показать мужество и прочих. Был некто Ормизд, человек между персами весьма знаменитый, происходивший из рода Ахеменидов и родившийся от лица правительственного. Когда царь узнал, что он христианин, то призвал его и приказал ему отречься от Бога-Спасителя. Но последний сказал, что «приказание царя несправедливо и неприлично, ибо кто научится легко презирать Бога всех и отрекаться от Него, тому еще легче будет пренебрегать волею царя, так как царь есть человек и наследовал смертную природу. Если же крайнего наказания достоин всякий, отрекающийся от твоей, Государь, державы, то каких казней не заслуживает отрекающийся от Творца всяческих?» Царь, долженствовавший дивиться мудрости этих слов, лишил доблестного подвижника и богатства и почестей, и приказал ему, обнаженному и только препоясанному, водить имевшихся при войске верблюдов. По прошествии многих дней, выглянув из комнаты, он увидел, что этот превосходный муж

сожигается лучами солнца и покрыт пылью, и, вспомнив знаменитость его отца, призвал его и приказал ему надеть небольшой, сделанный из льна хитон. Потом, подумав, что от понесенного им труда и от оказанного ему человеколюбия мысль его смягчилась, сказал: «Хоть теперь наконец оставь свое упрямство и отрекись от Сына плотника». Но тот, исполнившись Божественной ревности, разодрал хитон и бросил его, присовокупив: «Если этим думаешь ты отклонить меня от благочестия, то возьми свой дар и храни его вместе с твоим нечестием». Видя такую его твердость, царь изгнал его нагим из царства. А когда стал противоречить ему и не соглашался отречься от Творца Сунка, господин тысячи рабов, то он спросил: «Кто из его рабов самый худший», и тому передал господство над прочими, так что и сам господин должен был служить ему. Да тому же рабу отдал и госпожу, жену господина, в том предположении, что она уговорит поборника истины. Однако ж обманулся в надежде, ибо его дом основан был на камне[242]. Царь взял также и одного дьякона, Вениамина, и заключил его в темницу. Через два года после сего прибыл в Персию римский посол по другим делам и, узнав о дьяконе, просил царя освободить его. Царь приказал Вениамину дать обещание, что он никому из магов не будет предлагать христианские учения, да и сам посол советовал ему исполнять приказание. Но Вениамин выслушал убеждение посла и сказал: «Для меня невозможно не передавать принятого мною света, ибо история священных евангелий показывает, какого наказания достойно сокрытие таланта»[243]. Впрочем, царь в то время не знал ничего этого и приказал освободить его от уз, а он, следуя своему обычаю, продолжал уловлять одержимых мраком неведения и приводить их к умственному свету. Через год о его делах довели до сведения царя, и царь, призвав его, приказал ему отречься от Того, кому он поклоняется. А он спросил царя: «Чего заслуживает человек, оставляющий свое царство и предпочитающий другое?» Когда же тот сказал: «Смерти и величайшей казни», этот мудрейший муж продолжал: «А чего заслуженно не должен потерпеть человек, оставляющий Творца и Зиждителя, и боготворящий одного из сорабов, и честь, приличною Тому, воздвигающий этому?» Раздраженный такими словами, царь заострил двадцать тростин и всадил их за ручные и ножные ногти Вениамина. Когда же увидел, что он принимает эту казнь за шутку, то, заострив еще тростину, вонзил ее в детородный уд и, беспрестанно вынимая и снова вонзая ее, причинял этим несказанные муки. После такой казни нечестивый и зверский мучитель приказал всадить в задний проход толстую, со всех сторон сучковатую палку, от чего этот доблестный подвижник испустил дух. Подобных сим истязаний совершено нечестивыми бесчисленное множество. И не должно удивляться, что Владыка всех терпел такое зверство и нечестие: ведь и до царствования Константина Великого, сколько ни было римских царей, все они неистовствовали против последователей истины. Диоклетиан, в день страдания Спасителя, разрушил церкви в целой римской империи[244]. Но через девять лет они снова процвели и получили многостороннее величие и красоту; а гонитель угас вместе с своим нечестием. Эти брани и непобедимость церкви предсказал сам Господь. Да и обстоятельства научают, что брань доставляет нам больше пользы, нежели мир, ибо последний делает нас беспечными, расслабленными и робкими, а первая и мысли изощряет, и помогает нам презирать настоящее, как минутное. Впрочем, об этом часто говорили и в других сочинениях.

Глава 40

О мопсуэтском епископе Феодоре.

Тогда как божественный Феодот управлял церковью антиохийскою, учитель всей церкви, мопсуэтский епископ Феодор, победоносно подвизавшийся против целой еретической фаланги, достиг конца жизни. Он наслаждался учением прежнего Диодора и был общником и сотрудником божественного Иоанна, ибо они сообща почерпали из духовных источников Диодоровых. Феодор на своей кафедре провел тридцать шесть лет и во все это время сражался с полчищами Ария и Евномия, одерживал верх над разбойническою шайкою Аполлинария и святым овцам доставлял превосходное пастбище. А брат его Полихроний прекрасно также пас церковь апамейскую, быв богат и даром слова и блеском жизни[245].

Оканчивая этим свое сочинение, я умоляю будущих читателей вознаградить мой труд молитвами. Моя история обнимает собою сто пять лет времени, начиная безумством Ария и оканчиваясь с кончиною достохвальных мужей Феодора и Феодота[246]. В заключение перечислю по порядку епископов, управлявших великими городами после гонения.

Список епископов, управлявших великими городами

«Епископы римские»: Мильтиад, Сильвестр, Юлий, Либерий, Дамас, Сириций, Анастасий, Иннокентий, Бонифатий, Зосима, Целестин.

«Антиохийские»: Виталий, Филогоний, Евстафий, — это православные. Потом ариане: Евлалий, Евфроний, Плакит, Стефан, Леонтий, Евдоксий. После них опять православные: Мелентий, Флавиан, Порфирий, Александр, Феодот, к которым надобно присоединить и евстафианских — Павлина и Евагрия.

«Александрийские»: Петр, Ахилл, Александр, Афанасий, Григорий арианин, потом опять Афанасий, Георгий еретиков, потом опять Афанасий, Петр — ученик Афанасия, потом Люций арианин, потом опять Петр, Тимофей, Феофил и племянник Феофила Кирилл.

«Иерусалимские»: Макарий, Максим, Кирилл, Иоанн, Праилий, Ювеналий.

«Константинопольские»: Александр, Евсевий арианин, перемещенный из Никомидии, после него Павел исповедник, Македоний духоборец, по изгнании которого управляли церковью — нечестивый Евдоксий, Демофил из Бероэ фракийской — еретик, Григорий назианзский, Нектарий, Иоанн Златоуст, Арзакий, Атик и Сисиний.

Примечания

1

«Церковная история» Евсевия, епископа кесарийского (260—340 гг.) «Отца церковной истории», охватывает события с начала новой эры до 324 года н. э. Последним событием, упоминаемым Евсевием, является поражение Лициния.

2

Максентий (ум. 312 г.), сын Максимиана Геркула, в 306 г. объявлен августом в Риме. В 312 г. выступил против Константина, но в битве на Мульвийском мосту 28 октября 312г. был разбит. Христиан не преследовал, отличался личной распущенностью. Максимин был назначен Галерием кесарем в Азию. При нем усилились преследования христиан в Египте, Антиохии, Эдессе. Лициний (ум. 325 год н. э.), соправитель Галерия, зять Диоклетиана. В его правление на востоке Римской империи пострадало много христиан.

3

Имеется ввиду Миланский эдикт 313 года н. э.

4

Арий пытался рассмотреть вопрос о соотношении лиц в св. Троице с точки зрения логики (см. 1. 5.). Кроме того, он не мог принять утверждения Александра, епископа александрийского, считавшего, что «Св. Троица есть в Троице единица». Говоря, что Христос сотворен Богом-Отцом, Арий приходил к выводу, что Бог-Сын не может быть равным Отцу и одинаковым по сути. Конфликт заключался еще и в том, что спорящие стороны с самого начала неодинаково понимали термины «сущность» и «ипостась». Для защитников Никейского символа эти слова означали единое существо троичного бога и не различались между собой, а для их противников они служили для обозначения реального качественного различия божественных лиц.

5

Сильвестр, еп. римский (314—335 гг.). При нем были построены соборы св. Петра на Ватиканском холме, св. Павла за стенами города и св. Иоанна рядом с Латеранским дворцом, который стал резиденцией римского епископа.

6

Мильтиад (311—314 гг.), еп. римский, африканец по происхождению. Обстоятельства смерти и место погребения неизвестны.

Марцелл (308—309 гг.), еп. римский. Некоторые историки отождествляют его с римским епископом Марцеллином (296—304 гг.), который, вероятно, погиб во время гонений 304 г.

8

Коллуф, пресвитер александрийской церкви, выступил против Ария, однако, критикуя его учение о Троице, сам впал в ересь.

9

Павел, еп. самосатский (с 260 г. антиохийский). Представитель адопцианского направления монархианской ереси, считавший Христа простым человеком по естеству. Низложен с третьей попытки на антиохийском соборе 268 г.

10

Савеллий, последователь монархианской ереси. Основные положения его учения заключались в следующем: «Один и тот же есть Отец, и Сын, и св. Дух, так что это три наименования одной ипостаси, или как тело, душа и дух в человеке». Бог не является одновременно Отцом и Сыном. Он действует последовательно в трех энергиях: сначала в лице Отца как Творца и Законодателя, затем в лице Сына как Спасителя и в лице Духа как животворящего и раздающего дары. Год смерти неизвестен.

Имеется в виду г. Бероэ антиохийская.

12

Константин Великий после неудачной попытки примирить спорящие стороны созвал 1 Вселенский собор в Никее в Вифинии, который открылся 20 мая 325 г. Сам император прибыл туда 13—14 июня.

13

Цифра 318 неточна. Источники называют от 250 до 320 участников, хотя ни в одном из них нет полного и точного списка их имен. По предположению М. Э. Поснова, число 318 символически означает количество верных рабов Авраама (Быт **14**.14).

14

Феодорит говорит о своей книге «История боголюбцев», продолжающей традицию, начатую Руфином и «Лавсаиком» Палладия и посвященной описанию жизни и духовных подвигов отшельников и аскетов востока империи.

15

Вероятно, в этом месте Феодорит намеренно «ошибается»: приветственную речь произносил Евсевий Кесарийский, председательствовавшим же на соборе слово дали после ответной речи Константина. Такая перестановка понятна, т. к. Евсевий достаточно долго примыкал к полуарианам и не мог являться в глазах Феодорита положительным героем, которому могла быть поручена честь произнесения подобной речи.

16

Никейский символ веры был подписан 19 июня. За основу была взята формулировка Евсевия Кесарийского, и под давлением императора, но с поправками Осии, еп. кордовского, она была принята.

17

Имеется в виду Евсевий, еп. никомидийский.

18

В правилах Никейского собора устанавливался порядок созыва чрезвычайных и постоянных соборов, права и преимущества митрополитов Антиохии, Александрии и т. д.

19

Было решено, что время празднования Пасхи определяет александрийская церковь, а оповещать всех будет епископ римский.

20

У евреев Песах начинается всегда в один и тот же день — 15 Нисана (апрель) и празднуется 8 дней. Малоазийские христиане праздновали Пасху одновременно с ними.

Тем не менее, впоследствии в разных церквах Пасха праздновалась в разное время: в 387 г., например, Пасху отмечали в Риме на пять недель раньше, чем в Александрии. В V веке в Галлии, Британии, Италии продолжали пользоваться разными временными циклами для исчисления даты празднования Пасхи.

22

Император Юлиан Отступник (361—363 гг.).

23

Император Иовиан, отменивший антихристианские указы Юлиана.

Эта формула приводится и в «Церковной истории» Сократа Схоластика, 1. 8.

25

Символ, предложенный Евсевием вначале, заканчивался на этом месте. Дальнейшее положение о лицах Троицы — результат редакции Символа.

26

Арий умер в общественном туалете около константинопольского ипподрома. Скорее всего, с ним случился удар.

27

Это и следующее послание отправлены к Евсевию Кесарийскому.

28

Императрица Елена, жена Констанция Хлора и мать императора Константина Великого. Однако, по более достоверным сообщениям Евсевия Кесарийского (О жизни Константина, III. 13), христианское воспитание Константина было отнюдь не заслугой Елены, которая, скорее всего, восприняла какие-то христианские идеи под влиянием своего сына.

29

Евсевии никомидийский стал столичным епископом после смещения с этого поста еп. Павла в 339 г.

30

Феодорит сильно путается в хронологии излагаемых в этой главе событий: Антиохийский собор 330 г., на котором был смещен Евстафий, он переносит в 339 г. Кроме того, Евстафию было предъявлено обвинение в том, что он в своих богословских рассуждениях следовал, якобы, ереси Савеллия.

31

Речь идет не о жителях Индии, а о населении Эфиопии.

Эти братья жили при королевском дворе в Аксуме и остались в стране по просьбе вдовы короля, которая нуждалась в их поддержке в годы регентства и в воспитании своего сына, наследника престола Эзаны.

33

Фрументий был посвящен Афанасием в епископы в 328*329 гг. Позднее, в 356 г., Констанций пытался вернуть его назад с тем, чтобы склонить в арианство, но получил отказ от Эзана и его брата Сазана.*

34

В этой главе Феодорит рассказывает об обращении в христианство жителей Грузии (Иверии). «Жена-пленница» — Нонна (Нино, Нина), просветительница Грузии.

35

Этот сюжет об обращении царя Грузии Мероя содержится и в «Церковной истории» Сократа Схоластика, 1. 20, а также в одноименном произведении Созомена, еп. саламинского, II. 7. 37.

36

Год смерти Александра и избрания Афанасия до сих пор точно не определен. Цифра 5 месяцев взята, очевидно, Феодоритом из 59 гл. Апологии Афанасия. Наиболее вероятная дата избрания Афанасия на пост епископа Александрии — июнь 328 г. .

37

Афанасия обвиняли в учреждении особой подати одеждой в пользу александрийской церкви, а также в том, что он посылал деньги некоему мятежнику Филумену.

38

Указание Феодорита неточно: первый раз Афанасий предстал перед Константином в конце 331 г. в Никомидии, а не в Константинополе.

39

Перинф или Гераклея фракийская — церковная метрополия фракийского диоцеза, резиденция главы фракийских епископов. Ему подчинялся до 451 г. и епископ Константинополя.

40

Афанасия обвиняли в отсечении руки у мелетианского епископа Арсения, а также ему приписывали соучастие в кощунстве, совершенном в одной из церквей пресвитером Афанасия Макарием. См. I. 30.

41

Тирский собор состоялся в 335 г.

42

Элия Капитолина — римское название Иерусалима, которое он получил при императоре Адриане. Отменено Константином Великим.

43

Обвинение в задержке поставок пшеницы из Александрии было очень серьезным в глазах Константина, поскольку столица снабжалась именно египетским зерном. В Трир Афанасий должен был уехать 7 ноября 335 г. (по другим данным, в начале 336 г.).

Империя была поделена уже в 335 г. между Константином II, Констанцием и племянником Константина Великого Далмацием, который погиб в 337 г. во время восстания солдат в Константинополе. В 340 г. в битве с Константом при Аквилее погиб Константин II, и империя была формально поделена на две части между Константом и Констанцием.

45

Афанасий возвратился из ссылки в 337 г.

46

Образ Констанция, нарисованный всеми без исключения христианскими писателями IV-V вв., далек от действительности. На самом деле Констанций был незаурядным политиком и военачальником. По выражению М. Э. Поснова, «он был простым отражением Константина в последние годы его жизни». Он был ревностным христианином, активно боролся с язычеством и страстно стремился к единству в церкви, которое он понимал в арианском духе. Это объясняется тем, что его другом и воспитателем был Евсевий нико омидийский, да и подавляющее большинство духовенства востока империи придерживалось теории Ария. Сильное противодействие Констанция Афанасию и александрийскому духовенству объясняется не только его стремлением укротить гегемонистские претензии александрийской церкви, но и пониманием той политической опасности, которую несла с собой всемерная поддержка этой группировки римским епископом, стремившимся расширить сферу своего влияния на Востоке.

47

Юлий, еп. римский (337—352 гг.)

48

Римский собор в защиту Афанасия и Никейского символа состоялся осенью 340 г.

49

Григорию удалось стать епископом Александрии только после того, как императорские войска разгромили выступивших против этого назначения жителей города.

50

Единого мнения по вопросу о том, кто был инициатором созыва Сердикийского собора 343 г., который мыслился вначале как вселенский, нет даже в источниках, таких, например, как произведения Афанасия. По одним сообщениям, на этот шаг решился сам Констант, по другим — его на это склонила делегация западных епископов.

51

Сердикийский собор состоялся в 343 г. в Сердике (ныне София).

52

Феодорит неточен: антиникейские епископы с самого начала решили не участвовать в соборе в Сердике и уединились в Филиппополе (ныне Пловдив), где провели свое заседание и выпустили энциклику к епископам вселенской церкви, опровергающую доводы своих противников.

53

В это время в Римской империи было две провинции — Дакия средиземная и Дакия прибрежная.

54

Имеется в виду соборное послание египетских епископов ко всем епископам кафолической церкви и к Юлию, еп. римскому.

55

Осия, еп. кордовский, с 312 г. был советником Константина Великого по религиозной политике.

56

Епископ Гераклеи фракийской, глава всех фракийских церквей. На протяжении арианских споров фракийская церковь почти вся поддерживала антиникейскую партию, видя в ней сильный противовес претензиям александрийского патриарха.

57

Феодорит ошибается: здесь должно стоять имя Ария, еп. палестинского, ехавшего вместе с Астерием. Его имя есть в соборных актах и в сочинениях Афанасия Александрийского.

Данное утверждение не совсем верно. В других антиарианских источниках говорится о том, что большинство епископов не желало принимать участие в соборе, в частности, и потому, что там должен был быть положительно решен вопрос о праве епископа Рима стать высшей апелляционной инстанцией для епископов вселенской церкви (что в действительности и случилось). Согласиться с таким политическим решением восточные епископы, среди которых было и много противников арианства, справедливо посчитали невозможным, а потому они и не приехали на собор.

59

Гераклея фракийская находилась в провинции Европа.

60

На этом месте собственно послание Сердикийского собора заканчивается. Дальнейшее продолжение было объявлено подложным, так как его подписала часть епископов без общего согласия собора и запрещено к чтению.

61

Здесь и далее — яркий пример смешения богословами никейской партии понятий «сущность» (Усиа) и «лицо», «ипостась» (Гипостасис), не разделявших их по смыслу в отличие от ариан.

Этого Леонтия Афанасий причисляет к представителям арианства.

63

См. II.26.

Афанасий возвратился из ссылки в 346 г.

65

Феодорит смешивает еп. александрийского Григория с Георгием, которому вскоре удалось захватить на короткое время александрийскую кафедру, но он был убит народом. См. II.14.

Констант умер в 350 г., и единственным правителем империи стал Констанций.

67

Третья ссылка Афанасия продолжалась с 356 по 362 г. Афанасий отправился туда после Миланского собора 355 г., о котором Феодорит пишет в гл. 15.

68

Узурпатор Магненций был побежден Констанцием в битве при Мурсе.

69

На Миланском соборе 355 г. западные епископы были подчинены воле императора. Возразить ему осмелились лишь 7 человек, которые были осуждены и сосланы.

70

Либерий, еп. римский (352—366 г.)

71

Имеются ввиду отцы Сердикийского собора.

72

Феликс II, антипапа (355 г.)

На самом деле, когда папой стал Феликс, Либерии поддался на уговоры, осудил Афанасия, подписал компромиссный символ веры приближенный к арианскому варианту, и только после этого был возвращен в Рим.

74

Ариминский собор состоялся в сентябре 359 г.

75

Авторы послания заведомо лгут, так как Константина крестил Евсевий Кесарийский, не бывший сторонником никейской партии.

76

Собор в Нике фракийской состоялся в конце декабря 359 г. Приводимый ниже символ веры был принят 1 января 360 г. Эта формула должна была заменить Никейский символ. В ее основу положена так называемая 4-я формула собора в Сирмиуме.

77

Дамасий I, еп. римский (366—384 г.). Избранию этого «украшенного многочисленными видами добротели» папы сопутствовала кровавая резня, в которой погибло около 160 человек. В его понтификат в Риме было сооружено множество часовен в память о мучениках, обновлены катакомбы. С этого времени началось и паломничество в Рим к могилам святых. По поручению этого папы бл. Иероним осуществил перевод Библии на латинский язык (Вульгата).

Флавиан стал впоследствии епископом Антиохии. См. IV. 25.

79

Селевкийский собор проходил параллельно с Ариминским. Он открылся 26 сентября 359 г. Присутствовавший на нем Акакий, еп. кесарийский, с 33 единомышленниками хотел, отвергнув Никейский символ веры, написать новый. Но другие епископы во главе с Георгием лаодикийским утвердили Никейский символ, опустив при этом слово «единосущный».

Феодорит допускает ряд анахронизмов. Он смешивает первую, вторую и третью осады Низибы (337, 350 и 359 гг.), описывая события второй осады, которая произошла на 9 лет раньше Ариминского и Селевкийского соборов, о которых шла речь в предыдущих главах. Кроме того, еп. Иоанн мог присутствовать на стенах города только во время первой осады, так как ко второй он уже умер, и тамошним епископом был Вологез.

Это случилось уже после Константинопольского собора 360 г.

Тем самым они нарушали закон, согласно которому нельзя было в таком порядке переводить епископа из одного города в другой, а тем более занимать сразу два поста.

83

Евзой (Евзоний), старый приверженец Ария, стал епископом антиохийским почти одновременно с переходом Евдоксия в столицу.

84

Церковью старого города, или «старой» церковью, в Антиохии называли первую построенную в ней церковь, основанную, по преданию, еще апостолами.

Т. е. с 330 по 360 г.

Это утверждение еще раз подчеркивает тенденциозность Феодорита: Констанций принял крещение перед началом похода на Юлиана из рук ученика Аэция Евномия, ставшего к тому времени епископом Кизики. Констанций умер в ноябре 361 г.

87

Юлиан родился в 331 г. Отец его — Юлий Констанций, сводный брат Константина Великого. Сообщение Феодорита о благочестивом христианском воспитании Юлиана не соответствует действительности. Юлиан вел двойную жизнь: его главным воспитателем был евнух-язычник Мардоний. Впоследствии его наставниками стали такие выдающиеся деятели античной культуры, как Либерий, Максим Эфесский. Для окружающих же Юлиан был христианином, убеждения которого, однако, формировал Евсевий никомидийский, вождь арианской партии.

Отец Юлиана был убит летом 337 г. солдатами, возможно, с тайного согласия Констанция.

89

Сводный брат Юлиана, Галл, сделался цезарем в 354 г. Почтительная характеристика этой личности дана Феодоритом, скорее всего, потому, что Галл был убит по приказу Констанция, подозревавшего его в организации заговора.

90

Находясь в Греции, Юлиан был посвящен в Элевсинские мистерии, о чем, вероятно, в такой гротескной форме сообщает Феодорит, забывая, однако, сказать, что там же Юлиан встречался и с Василием Великим и Григорием Назианзином.

91

Феодорит имеет в виду общую продолжительность раскола в Антиохии, закончившегося в 415 г.

92

11 декабря 361г. Юлиан прибыл в Константинополь, где открыто объявил себя язычником.

Описанные выше «зверства» язычников из среды местного населения, с одной стороны, во многом вымышленные, а с другой — действительно происходившие. Однако даже Феодорит не пишет напрямую, что все это — результат действий Юлиана и его религиозной политики. Такая антихристианская реакция со стороны обычного населения была вполне понятна, если учесть судьбу всех языческих святилищ, необычайно активно разрушавшихся в 40—50-е гг. по приказу императора Констанция. Юлиан понимал, что гонение на христиан невозможно. Более того, реформированное язычество очень сильно напоминало своей внешней стороной христианство: жрецам был обозначен круг социальных обязанностей, им предписывалось вести непорочную жизнь, они должны были подавать нищим милостыню, устраивать богадельни. В храмах хоры мальчиков пели в определенные часы гимны, в них появились кафедры для проповедника и т. д. Справедливы лишь последние, слова Феодорита — церковь вновь становилась только терпимой, как по указу Галерия 311г. Имущество, переданное христианам, возвращалось назад.

Четвертая ссылка Афанасия продолжалась с 362 по 364 г.

95

Вавила, еп. антиохийский (238—251 гг.) погиб во время преследований христиан при Деции.

96

Эта роща находится примерно в 6 км от города.

97

Английский историк Э. Гиббон отождествлял этого юношу с пресвитером Феодоритом, замученным примерно в это же время в Антиохии Юлианом, дядей императора. См. Соз. V. 8. 12.

Эти две должности были учреждены императором Константином Великим. Comes rei Privatae хранил еще и так называемую книгу пожалований, описание привилегий, данных императором.

Сведения о подобной смерти Юлиана и Феликса содержатся и у Иоанна Златоуста во 2 слове о св. Вавиле, и в «Истории» Аммиана Марцеллина, XXIII. 1.

100

В ряде рукописных вариантов эта глава называется «О св. мучениках Ювентине и Максиме».

101

Эти слова из молитвы Азарии, одного из трех юношей, подвергнувшихся испытанию печью огненной, приведены неточно. Текст звучит так: «И предал нас в руки врагов беззаконных, ненавистнейших отступников, и царю неправосудному и злейшему на всей земле» (Дан **3**.32).

102

В конце IV века этот день отмечался 3 сентября и был одним из самых торжественных праздников в Антиохии.

103

Валентиниан родился в Цибалисе на р. Сава в Паннонии. Был выбран императором 26. 11. 364 г. и правил до 17. 1X. 375 г. Несмотря на свои христианские убеждения, он достаточно снисходительно относился и к язычеству, считая его религией крестьян, пастухов и т. д.

«Немного спустя», т. е. через 2 года.

105

Возможно, это был Роман, трибун щитоносцев, которого, по сообщению Аммиана Марцеллина, Юлиан сослал вместе с трибуном Викентием.

Об этом же пишет и Аммиан Марцеллин, XXII. 11.

Вероятно, именно этого Иоанна св. Мелетий назначил епископом апамейским. См. V. 4.

Об этом пишет и язычник Аммиан Марцеллин в своей «Истории», XXIII. 1.

Согласно одной из точек зрения на это событие, восстановление храма прекратилось в связи с сильными грозами и бурями.

110

Обращение Юлиана к оракулам — последний пример того, когда к ним обращались за помощью лица подобного ранга. К оракулу Аполлона на Делосе обращались лишь в летние месяцы, т. к. считалось, что зимой бог находится в Патаре. Оракул Додоны в Эпире был одним и из старейших, см. Одиссея, песнь XIV: Сам же пошел, мне сказали, в Додону затем, чтоб оракул Темно-сенистого Диева дуба его научил там... (пер. *В.А. Жуковского*).

Эти примеры свидетельствуют о знании Феодоритом определенных произведений классической литературы и его отношении к их героям. Философ Сократ противопоставлен Критию, одному из самых неудачливых политиков Эллады, Пифагор — Фалариcу, сицилийскому тирану, Нерей — самому некрасивому человеку в мире, Терситу.

г. Бероэ в Сирии, ныне Алеппо.

113

Либаний, род. в 314 г. в Антиохии, один из самых выдающихся ораторов поздней античности. Оставил интересную автобиографию.

114

Император Юлиан был ранен около Симбрии, неподалеку от р. Тигр утром 26 июня 363 г. и умер около полуночи.

115

Юлиан сжег почти весь флот за исключением нескольких судов в местечке Абузатха, где он провел пять дней (Зосим. III. 26).

Непосредственный виновник смерти Юлиана до сих пор невыяснен. Существуют разногласия и по поводу последнего восклинания императора. Созомен, VI. 2 считает, что он таким образом упрекал солнце, не оказавшее ему помощи. Аммиан Марцеллин сообщает (XXV. 3. 9), что он потерял надежду на выздоровление, когда узнал, что находится во Фригии, ибо ему было предсказано, что он умрет именно там. Хотя последнее, возможно, является и литературным приемом, призванным как-то героизировать личность: то же самое произошло о с Камбизом в Экбатанах (Герод. III. 60), и с царем Эпира Александром при Ахероне (Лив. VIII. 2 4).

117

О нем см.: Аммиан Марцеллин, XXIII. 5.

118

Памфлет «Враг бороды» был написан Юлианом в Антиохии за семь месяцев. В нем он критиковал традиции и обычаи антиохийцев. Следует заметить, что большинство жителей этого города, как христиане, так и язычники, его не любили.

119

Иовиан родился в 330 (332?) г., правил с июня 363 по февраль 364 г. В христианской литературе иногда критиковался за аморальность поведения.

120

Позднее эта фраза исчезла из некоторых рукописей произведения Афанасия, поскольку его пожелания долголетия не оправдались.

«Ибо кто почитает себя чем-нибудь, будучи никто, тот обольщает сам себя» (Гал **6**.3).

122

Троица в такой формулировке впервые появляется у Феофила антиохийского и Тертуллиана («О целомудренности», 21).

123

Согласно Аммиану Марцеллину (XXV. 10, 12. 13), перед сном ему поставили в комнату жаровню для того, чтобы подогреть воздух. Утром он был найден мертвым в своей постели. Это случилось в феврале 364 г.

Имеется в виду Валент.

Иллирик делился тогда на восточный и западный. В состав первого входили Дакия, Мезия, Македония, Фракия; во второй — Далмация, Паннония, Норик и Савия. Время проведения собора точно не установлено. Называются 367, 373 и 375 гг. Последняя дата вероятнее всего.

126

Грациан — старший сын Валентиниана I, род. в 359 г., август с 367 г. Наследовал в 375 г. отцу, а в 378 — Валенту. Убит в 383 году.

127

Так называлась в IV в. провинция, занимавшая часть территории Вифинии и Памфилии.

128

В Евангелии от Матфея нет слов о том, что Пилат повернулся на восток. Возможно, это перенесение раннехристианской практики на действия прокуратора. См.: Климент Александрийский. Строматы, VII. 7.

Скорее всего, все эти люди были посланниками Иллирийского собора, отправленные им к императору с сообщением о постановлениях собора.

В этом месте мы впервые сталкиваемся с тем, что представители Никейского крыла (и сам автор) говорят об ипостаси, как определении для каждого члена Троицы в отдельности. Долгое время Никейская партия избегала использования термина «ипостась», так как его применяли ариане, и заменяла его словом «лицо». Так поступал все время Афанасий. Но к 360 г. представители этого течения стали отказываться от использования данного термина, заявляя, что подобный способ выражения приводит к савеллианству.

131

Первое стороннее описание учения Манеса (Мани) содержится в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского (VII. 31). Основатель этого учения (годы жизни 216—277) придерживался дуалистического принципа: Мани считал, что зло связано с материей, добро — со светом и духом. Мировая история есть история борьбы света и тьмы, бога и дьявола. По этой же причине двойствен и человек. Сам же Авдий явился родоначальником своеобразного антропоморфного представления о Боге.

«Мессалиане» обозначает «молящиеся люди».

Мелетина — митрополия М. Армении.

134

Архиепископ Икония, друг Василия Великого. Род. в 344 г., умер после 400 г.

135

См. II. 10; IV. 22. Не был посвящен в епископы до 381 г.

136

Валент был крещен в 368 г.

137

Жену Валента звали Альбия Доминика.

138

Пелагия сослали в Аравию в 367 г.

139

Евсевий самосатский был другом Василия Великого и Григория Назианзина. См. также V. 4

Зевгма находилась на правом берегу Евфрата напротив древней Апамеи.

См. также Послание к Титу (Тит **3**.1).

142

Небольшой островок у Финикийского побережья. Напротив него на материке располагался г. Антарад.

143

Расположен на Ниле.

Город находился на правом берегу Нила.

Евлогий был в 379 г. в Антиохии, а в 381 — в Константинополе.

146

Сына Валента звали Галат .

147

Вероятно, это тот самый Демосфен, который впоследствии стал викарием пров. Понт, примкнув через некоторое время к полуарианам.

148

Афанасий умер у себя дома в четверг 2 мая 373 г. Пост епископа Александрии он занимал почти 46 лет.

Это была та самая церковь, в которой прятался Афанасий в 356 г.

150

Ныне Бейрут.

151

Гелиополис находился в Келесирии у истоков Оронта.

Иер **2**.12: «Подивитесь сему, небеса, и содрогнитесь, и ужаснитесь, говорит Господь».

Ис 1.2: «Слушайте, небеса, и внимай, земля».

Приконн — остров в Мраморном море; Феннес — населенный пункт в Аравии.

155

Ничем не замечательный городок был превращен Геродом Антипой в столицу Галилеи.

156

В Неокесарии (ныне Никсар) проходили заседания двух соборов — в 315 г. и в 350 г. На последнем был осужден Евстафий севастийский.

157

О Мавии см.: Соз. IV. 38; Сокр. IV. 36.

Т. е. около 375 г.

159

Люций был изгнан из Александрии со смертью Валента в 378 г.

Пс **136**.2: «на вербах, посреди его, повесили мы наши арфы».

Пс **102**.22: «Благословите Господа, все дела Его, во всех местах владычества Его».

Гл. 8.

163

Юлиан Савва, аскет, живший в Озроэне, к югу от Карр.

164

Этот Акакий сначала был монахом, потом послом от сирийских церквей в Риме, а затем (в 378 г.) епископом Бероэ (Алеппо). В 381 г. он был в Константинополе. Известен своей оппозицией в отношении Иоанна Златоуста.

165

Св. Антоний, один из родоначальников восточного аскетизма (Афанасий так и называет его — «основатель аскетизма»), родился в 250 г. в верхнем Египте. В 335 г. он приехал в Александрию с целью противостоять арианству, о чем и сообщает Феодорит. После его смерти Афанасий написал житие Антония Великого.

Имеются ввиду сирийские пустынники (это не македонская Халкидика). Маркиан родился там же, где и Феодорит — в Кире, умер в 385 г. Авраамий некоторое время занимался миссионерской деятельностью, впоследствии стал епископом г. Карры.

167

Агапит, еп. апамейский, друг и ученик Маркиана. Симеон также учился у Маркиана; аскетических принципов придерживался 50 лет.

Т. е. в округе Кира.

Жизнеописания всех этих пустынников содержится в «Истории боголюбцев Феодорита.

170

Дидим Александрийский (309—399 гг.), потерял зрение в четырехлетнем возрасте. Впоследствии благодаря своим знаниям был назначен Афанасием на пост руководителя катехической школы в Александрии. Бл. Иероним называл его своим учителем.

171

Армоний писал свои песни на сирийском и греческом языках в конце II в. Вардесан — крупнейший представитель сирийского гностицизма, родился в 155 году.

172

Григорий Назианзин (из Назианза в Каппадокии) был епископом Сасимы и Константинополя. По возвращении домой из столицы, до 383 г. был епископом родного города. Другое прозвание, Богослов, получил за свое произведение «Пять слов о богословии». Скончался 25 января 389 г. Григорий Нисский, младший брат Василия Великого, родился в 335 г. Занимал пост епископа Ниссы с 372 по 381 г. Год смерти неизвестен, последнее упоминание датируется 394 г. Петр был самым младшим ребенком в семье.

173

Епископ Антиохии в Писидии, участвовал в работе II Вселенского собора.

174

Когда готы перешли Дунай, Валентиниан был уже мертв. Речь должна идти о Грациане.

175

Вероятно, это Исаакий, который выступал против Иоанна Златоуста.

176

Вретанион (Бретанион) был главой всех церквей провинции Малая Скифия (устье Дуная), хотя находился в ранге епископа. По сложившейся традиции, епископ города Томы, центра провинции, был также не только главою всей церкви, но и единственным представителем от нее на Вселенских соборах. Обличения Вретаниона относятся к 369 (372?) г., когда Валент приезжал в Томы, желая склонить его к арианству и сотрудничеству с властями.

177

Валент погиб 9 августа 378 г. в битве при Адрианополе. Христианские авторы рассматривали его смерть как заслуженное наказание: обратив готов в арианство и обрекши их тем самым на вечные муки в адском огне, он сам был ими сожжен.

178

С христианством в районе Подунавья готы впервые столкнулись в середине III века. Ульфила, первый готский епископ, перевел на готский язык Библию (фрагменты этого перевода сохранились). Для готов арианство было намного понятнее, чем никейский символ, потому что оно, в сущности, напоминало обычную иерархию (триаду) верховных божеств.

179

Грациан был провозглашен августом еще Валентинианом в 367 году. Стал императором 17 ноября 375 г. «Наследие» Валента получил 9 августа 378 г.

180

Иоанн занимал пост префекта Константинополя в 381 г.

181

Об этих людях см. «Историю боголюбцев» Феодорита.

182

В православной церкви память Евсевия отмечается 22 июня, а в католической на день раньше.

183

II Вселенский собор в мае 381 г.

Григорий прибыл в Константинополь в 379 г. В это время в городе была всего одна церковь для сторонников никейской веры, остальные принадлежали арианам, поскольку епископом Константинополя был Демофил, арианин, бывший епископ Бероэ фракийской.

185

Максим Киник был вынужден бежать в Фессалоники.

Феодорит ошибается: это было через год, летом 382 г..

Это послание было направлено не только против ересей. Восточные епископы одновременно призывали (не говоря об этом прямо) и епископа Рима к сохранению единой вселенской церкви, в которой не было бы какого-то одного епископа, руководившего всеми церквями мира (т. к. римский епископ также стремился объединить всю церковь, но под своим руководством).

188

Фотин, ученик Маркелла анкирского, был осужден на соборе в Сирмиуме 349 г. О его ереси см.: Сульпиц. Сев. II.52.

189

Ср. Ин. **3**.13: «Никто не восходил на небо, как только сошедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах».

Ср. Флп **2**.7: «но уничижил Себя Самого, приняв образ раба...»

191

Ср. Кол **1**.18: «Он начаток, первенец из мертвых...»

Грациан был убит в Лионе 25 августа 383 г., куда он бежал, потерпев поражение в сражении под Парижем с восставшими легионами.

193

Валентиниан II, сын Валентиниана I и Юстины, родился в 371 г.

Максим, испанец по происхождению, правил с 383 по 388 г.

Первое столкновение Юстины с Амвросием, епископом медиоланским относится к 381 г. Позднее, на Пасху 385 г., она вновь начала свои нападки на него, потребовав дать арианам одну церковь для отправления богослужения.

Все эти события описываются Амвросием в письмах к Валентиниану и его сестре Марцеллине (Epistola, 20, 21).

197

После Пасхи 387 г.

Валентиниан с матерью бежали в Фессалоники.

199

Феодосий со своими войсками разбил Максима в двух сражениях в долине Савы, вступил в Эмону и оттуда направился к Аквилее, за стенами которой укрывался узурпатор. Солдаты Феодосия взяли город достаточно быстро, т. к. сами жители открыли им ворота. После короткого суда Максим был казнен.

200

Аркадий был провозглашен августом в начале 383 г. Эдикт против еретиков Феодосий выпустил в сентябре этого же года.

201

Феодорит рассказывает о событиях 390 г., когда военачальник Ботерих, гот по происхождению, посадил в тюрьму нескольких известных колесничих. На следующих скачках толпа местных жителей потребовала освободить их, а когда Ботерих отказался, они убили его и еще нескольких членов магистрата.

202

Элия Флаккила Августа, императрица и святая (для греческих историков — Плакилла, у Филосторгия — Плацидия). Умерла 14 сентября 385 г. в Скотумисе, Фракия.

203

Феодорит снова нарушает последовательность изложения событий: после описанных в 17 гл. выступлений в Фессалониках в 390 г. он повествует о Флаккиле (ум. в 385 г.) и беспорядках в Антиохии 387 г.

Толпа волочила по улицам и статую Феодосия.

205

Лаодикия, лежавшая на сирийском побережье, была так названа в честь матери Селевка Никатора. Ныне — Латакия.

206

Снова анхронизм: Феодорит ссылается на закон, данный императором по просьбе Амвросия три года спустя после описываемых событий.

207

Маркелл, еп. апамейский.

Вероятно, это был Синегей, префект Востока.

Сириций, еп. римский (384—399 гг.). Продолжатель политики Дамасия. В его правление в документах впервые появляется формулировка «апостольская столица» (т. е. Рим). Анастасий I, еп. римский (399—401 гг.). Прославился своей набожностью и выступлениями против оригенизма.

210

Иннокентий I, еп. римский в 401—417 гг. В своих посланиях проводил идею централизации церковной власти в руках римского епископа как в сфере управления, так и в сфере христианского культа.

211

Валентиниан II умер 15 мая 392 г. Его конюший, франк Арбогаст, назначил его преемником язычника Евгения. Феодосии не выступал против убийц своего брата до июля 394 г.

212

Сражение произошло на полпути между Эмоной и Аквилеей. Феодосию помогали 20 000 федератов, однако его войска понесли огромные потери — в первый день на поле боя остались почти половина его федератов.

213

Феодосий скончался 17 января 395 г. в Милане. В то время Аркадию было 18 лет, Гонорию — 11. Резиденция Гонория находилась сначала в Милане, а при продвижении в том направлении готов во главе с Аларихом он перебрался в Равенну.

214

Нектарий умер в сентябре 397 г., а Иоанн Златоуст стал столичным епископом 26 февраля 398 г. См.: Соз. УШ. 2; Сокр. У1. 2.

215

Элпидий был другом и адвокатом Иоанна Златоуста. В 406 г. его сместили с поста и посадили на три года в тюрьму. Восстановлен на своем посту в 414 г.

Полномочия и деятельность Иоанна Златоуста в этой главе несколько искажены и преувеличены. Дело в том, что до Халкидонского собора 451 г. константинопольская церковь находилась в подчинении епископа Гераклеи фракийской, являвшегося митрополитом фракийского церковного диоцеза. Несмотря на свое «столичное» положение, Иоанн Златоуст не устанавливал порядки во фракийских церквах, а рекомендовал соблюдать там постановления I и II Вселенских соборов, а также выступал с многочисленными проповедями, в т. ч. и перед готами в провинции М. Скифия. См. ниже.

217

Императорский эдикт о разрушении храмов в Финикии был издан в 399 г.

218

Церковь св. Павла.

Т. е. вокруг г. Кир.

Ср. 2Кор **11**.28: «У меня ежедневное стечение людей, забота о всех церквах».

Неясно, где состоялось свидание Иоанна Златоуста и Гайны. В итоге готы были отогнаны от Константинополя, а Гайна убит в январе 401 г.

Феодорит подразумевает следующих врагов Иоанна Златоуста: а) императрицу Евдоксию, б) придворных дам и жен константинопольских богачей, в) некоторых епископов, например, Акакия из Бероэ, Феофила александрийского, Геронтия никомидийского.

223

Это собрание произошло на окраине Халкидона. Иоанна обвиняли, в частности, в том, что он называл императрицу Иезавелью.

224

Эдикт о высылке Иоанна Златоуста в Кукуз был подписан 5 июня 404 г. Назад он вернулся в начале 406 г. И хотя Евдоксия уже умерла (4 октября 404 г.), ее сторонники добились вторичной отправки Иоанна в ссылку, в Питиунт, однако он не смог вынести всех тягот пути и скончался 14 сентября 407 г. в 8 км от Коман (Понт).

225

Епископ Василиск был замучен в 312 г.

226

Аттик занимал пост константинопольского епископа с 405 по 426 г.

227

Кирилл был епископом Александрии с 412 по 444 г. Что касается епископа Иерусалима, то здесь имеется в виду Иоанн, занимавший этот пост с 386 по 417 г. Прославился жесткой критикой блаженного Иеронима.

228

Поскольку Александр возглавлял антиохийскую кафедру с 413 по 421 г., то фраза «в это время» означает, как минимум, 413 г.

Палладий в «Диалогах» (143 и ел.) дает прямо противоположную характеристику Порфирия, отмечая его разнузданность и т. д.

230

Феодосий II взошел на трон 1 мая 408 г., когда ему было всего восемь лет. Умер в 450 г. Перенесение мощей Иоанна Златоуста состоялось в 438 г.

231

У Феодосия II было четыре сестры — Флаккила, Пульхерия, Аркадия и Марина. Пульхерия, будучи всего на два года старше брата, была объявлена 14 июля 414г. августой и императрицей и с тех пор принимала активное участие в управлении страной. По ее инициативе в 446 г. были перезахоронены и останки севастийских мучеников, см. Соз. 1X. 2.

Роил отождествляется с Рогасом (Ругиласом), который, по сообщению Приска Панийского, возглавлял гуннское войско до прихода к власти Аттилы.

Имеется ввиду Феодосиополис в Озроэне, ныне Эрзерум.

Гороран (правильнее Вараран), сын Исдигерда I, правил с 420 по 440 г.

235

Речь идет о переносе останков Иоанна Златоуста в 438 г.

Иннокентий I, еп. римский (401—417 гг.); Зосима, еп. римский (417—418 гг.), грек по национальности. В двенадцатом (из сохранившихся 18) посланий говорил о неизменности папских решений. Бонифаций I был епископом Рима после Зосимы (418—422 гг.), а не до него, как пишет Феодорит. Четыре месяца после его смерти епископский престол занимал Евлалий, антипапа. Целестин, еп. римский с 422 по 432 г. При нем началась христианизация Ирландии.

237

Секта продолжала существовать длительное время после осуждения Аполлинария в 381 г. в Константинополе.

Исдигерд 1 (399—420 гг.), сын Шапура III.

239

Авда был епископом г. Сузы.

240

Не совсем точный перевод: следовало бы перевести «поклоняющихся элементам» либо заменить «элементы» на луну и солнце, поскольку речь об огне уже шла.

Т. е. Исдигерду II, правившему с 440 по 457 г.

Ср. Мф 7.24: «уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне».

Ср. Мф **25** 24—25.

244

Этот эдикт Диоклетиана был издан 23 февраля 303 г.

245

Феодор родился в Антиохии в 350 г., епископом стал в 392 г., умер в 428 г. в Киликии.

Феодот умер в 429 г. Именно этой датой можно обозначить временную границу повествования Феодорита, хотя последнее по времени событие относится к 440 г. (воцарение Исдигерда II). Вероятно, эти фрагменты вставлялись автором после окончания основного текста «Истории».